

В. Е. Сыроечковский

МУХАММЕД-ГЕРАЙ И ЕГО ВАССАЛЫ

ВВЕДЕНИЕ

История короткого царствования Мухаммед-Герая (1515—1523 гг.) излагалась не раз в общих обзорах истории Крыма. Мухаммед-Герая была посвящена когда-то и монография польского историка Пуласского¹. Но во всех предшествовавших работах внимание авторов было сосредоточено преимущественно на вопросах внешней истории Крыма, его отношений к соседям или на вопросах взаимной борьбы самих Гераев. Внутренним, социально-экономическим отношениям уделялось меньше внимания. Правда, в общих очерках истории крымских татар или Крымского ханства В. Хартахая, В. Смирнова отводились страницы и для описания политического строя и учреждений Крыма. Но эти очерки характеризовали строй Крымского ханства в тех общих чертах, которые или сохранялись на протяжении чуть ли не всех столетий его существования, или сложились в последний период его жизни.

Мы не можем отрицать известной медлительности в развитии Крыма, той медлительности, которая и в начале XX века позволяла отнести татарское население Крыма к народностям нашей страны, не ушедшим дальше первобытных форм полупатриархального, полуфеодалного быта². Тем не менее жизнь Крыма не была неподвижна, и требования научной методологии заставляют нас попытаться уловить и установить изменения в экономике, общественном и политическом строе Крыма. Эта задача не может быть разрешена сразу; она потребует ряда предварительных частных исследований. Одним из таких исследований является и настоящая работа, охватывающая лишь небольшой период истории Крымского ханства почти в начальный момент его существования.

Второю особенностью большинства обзоров истории Крымского ханства было то, что они опирались, главным образом, на известия турецких и вообще восточных авторов и на местные татарские источники. Богатый русский материал, документы сношений с Крымом Московского государства, был мало привлечен историками-востоковедами. Между тем в донесениях московских послов мы встречаем показания наблюдавших крымскую жизнь современников, сведения о сотнях живых лиц, творивших историю Крыма, об их взаимоотношениях, ряд замечаний очевидцев, часто дающих возможность в деталях и в живых бытовых чертах представить себе отдельные стороны общественного и политического строя Крыма. Та же дипломатическая переписка дает нам сотни грамот как самих ханов, так и крымских царевичей, князей и мурз. Эти грамоты еще с большею ясностью раскрывают перед нами условия жизни старого Крыма.

Однако, большим недостатком последнего материала является то, что он дошел до нас в старинном, часто внушающем основательные подозрения

переводе московских толмачей XV, XVI и XVII веков. Промахи наших старинных переводчиков не раз отмечались современными ориенталистами. Высказывалось мнение, что попытки историков, незнакомых с татарской речью, разрабатывать вопросы истории татар, опираясь на источники в старинных переводах, неизбежно приведут к ошибкам и недоразумениям; что работы «любителей», не знакомых с татарским и вообще турецкими языками, обречены и на известную неполноту, так как ряд важнейших источников останется недоступным для исследователя.

Сознавая всю справедливость этих замечаний, я, однако, думаю, что те наблюдения над жизнью Крыма начала XVI века, которые удалось мне сделать, несмотря на все возможные погрешности, будут нелишними для будущих историков Крымского ханства. Я должен сделать еще одну оговорку — относительно неполноты моих наблюдений. Для меня остался недоступным ненапечатанный материал Литовской метрики, легший в основу работы Пуласского и много дающий для характеристики крымских отношений.

То обстоятельство, что я ограничил себя небольшим отрезком времени, объясняется общими условиями работы. Детальное изучение многочисленных книг крымских и турецких посольств потребовало бы не мало времени и труда. Время Мухаммед-Герая мне показалось удобным выделить потому, что это — почти начало истории Гераев, которое по состоянию источников доступно изучению. Кроме того предшественник Мухаммед-Герая — хан Менгли-Герай был слишком крупной фигурой, заслонявшей в дипломатической переписке своих вассалов. При более слабом Мухаммед-Герее черты вассального строя Крыма выступают яснее. Поэтому время Мухаммед-Герая представляет больше, чем время его отца, преимуществ для изучения крымских феодальных отношений, которым я отвожу следующие страницы. Впрочем, экскурсии и в более ранний период неизбежны.

1. Юрт Мухаммед-Герая

В 1515 году умер хан Менгли-Герай. Его старший сын Мухаммед-Герай вступил во владение отцовским «юртом»³. Этот юрт обнимал все владения крымских царей, включая владения отдельных царевичей и князей. Юрт царя — прежде всего самый Крым. Но южное его побережье, бывшие генуэзские города и их область, не принадлежало крымским ханам. С 1475 года побережье было под властью турецкого султана. Султанам принадлежал и город Манкуп, бывшая столица манкупских князей. Таким образом, ханы владели только степною частью Крыма и северными склонами Крымских гор, где были разбросаны редкие города.

Во времена Мухаммед-Герая их было не так много. Таков был «Крым — город». Этот город старой мусульманской культуры в XVI веке не имел прежнего значения. Как известно, эта старая столица Крыма с ее мечетями, медресе, караван-сараям, притоком купцов и людей разнообразных профессий из Ирана, Сирии, Месопотамии, Египта, — важный центр крымской торговли наряду с Сурожем и Кафою, после экономического и культурного расцвета в XIV веке уже в XV столетии пришел в упадок. В начале XVI века Меховский писал о Старом Крыме: «дома в этом городе убогие, а в большей части они покинуты»⁴. О развалинах Старого Крыма, напоминающих о его прежнем великолепии, говорят и другие писавшие о Крыме авторы XVI и XVII веков — Михаил Литвин, Броневский, д'Асколи⁵.

При Менгли-Герее и Мухаммед-Герее этот город не был столицею ханства. Однако, ханы часто бывали здесь. Ряд грамот их к московским государям был послан из Крыма⁶. Но в этом городе ханы не чувствуют себя дома; Мухаммед-Герай как-то заявил одному из крымских вельмож князю

Атпаку: «из Крыма к себе еду»⁷. Дело в том, что Старый Крым не был в строгом смысле городом хана; он был городом ширинских князей.

Несмотря на упадок Старого Крыма его географическое положение (близость к Кафе) сохраняло за ним известное значение. Через Старый Крым проходила дорога в главную гавань Черного моря. Здесь проходили караваны купцов, здесь проезжали московские послы, если они направлялись в Кафу и Константинополь не Доном на Азов, а сухим путем—степью на Перекоп, а оттуда на Кафу.

Значительно важнее Старого Крыма был в XVI веке «Кыркор» (Кырк-ёр) — столица ханов и их главная крепость. Здесь над небольшим поселком поднимался на высокой скале замок, выстроенный, по словам Меховского, из бревен и глины. Здесь часто зимовали ханы. Здесь часто мы встречаем и цариц⁸. Сюда собираются уланы и князья править «годину» по Менгли-Герая⁹. Здесь ханы часто принимали послов¹⁰. Здесь в 1492 году остался жить московский посол, когда Менгли-Герай выступил в поход против Литвы¹¹. Кыркор — надежное убежище ханов. Здесь в 1486 году Менгли-Герай отсиживался от нападения сыновей незадолго до того убитого хана Большой (Астраханской) орды — Ахмата. В 1524 году хан Саадет-Герай, опасаясь племянника Ислам-Герая, отправил свою мать со всеми сокровищами в Кыркор¹². В Кыркоре хранилась ханская казна¹³. Кыркорский замок был и главной — темницей ханов. Здесь в 1493 году хан держал «в крепости» литовского посла. Пленный царевич Менглишек тоже сидел «скован» в Кыркоре¹⁴.

Нередко ханы писали свои грамоты в Москву из Сарая, Довлет-Сарая или Счастливого Сарая (даулет — счастье)¹⁵. Ханские грамоты начала XVI века позволяют проследить колебания в названии этого местечка. Наряду с наименованиями «Веселый город», «Счастливый Сарай», «Счастливый город», «Счастливый Кермень» мы встречаем в русских переводах крымских грамот и «Овощной Сарай», и «Ниноградный Сарай», указывающие на сады и виноградники, окружавшие эту резиденцию ханов¹⁶. Эти колебания в названии объясняются тем, что Бахчисарай был новым, недавно возникшим городом ханов. В. Д. Смирнов считал, что Бахчисарай сначала был одною из пригородных ставок хана, возле их главной столицы Кыркора¹⁷. Такою неопределившейся ставкою с раскинувшимся рядом обычным базаром рисуется нам это место еще в 1502 году. Под грамотами Менгли-Герая этого года помечено: «писано на месте на Сарая, писано на Сарая, на ордобазаре»¹⁸. Однако, повидимому, в следующем уже году здесь строится дворец, и грамота 1503 года подписывается «в Сарая» без дальнейших пояснений¹⁹.

Впрочем, крымские ханы этого времени не жили постоянно в каком-либо городе своего ханства. Они кочевали, и их грамоты нередко обозначены теми или иными урочищами, чаще всего реками, на берегах которых располагался ханский стан²⁰. То это Салгир, то Четерлик или Ап-Четерлик, то Черная река—Каракурта, то Керерман, Аралдук. Отправившись в 1517 году к царице с поминками, московские послы нашли ее на Беш-Тереке²¹. Возвращаясь в 1501 году из похода, Менгли-Герай приходит в свою орду на Чепчак и отсюда дает приказ о новой мобилизации²². Чепчак уже уводит нас к пределам полуострова. Чепчак уже «в Перекопи».

Перекоп не был границей крымского юрта, но близость ее уже чувствовалась здесь. Выполняя план укрепления границ своего юрта, Менгли-Герай укрепил и Перекоп при помощи инженеров из Манкупа и Кафы. Здесь между 1504 и 1507 годами была построена известная крепость Феррах-Керман или Феррах-Сарай (Фаряг-Кермень в русских документах)²³. В Перекопе помимо каменного был и земляной город. Укрепление Перекопа продолжалось и после Менгли-Герая. В 1523 году здесь были «срублены» еще 4 стрельницы²⁴. В городе находился «царев двор» с мечетью и тюрьмой, в

которой сидели однажды члены московского посольства²⁵. В Перекопе жила меньшая царица Мухаммед-Герая²⁶. Перекоп—значительный город. Сюда съезжаются люди на базар²⁷. Через Перекоп проходят купеческие караваны, выходя из Крыма на степные шляхи. Через Перекоп вообще вел выход из Крыма в «поле», где в безбрежной степи терялись границы Крымского юрта.

В эту степь нередко уходили бродить, «казаковать» неудачно выступившие во время усобиц против хана царевичи и князья. Так, в степь за Перекоп укрылся от гнева хана Алик-царевич, нашедший затем убежище в Белграде²⁸. Готовясь итти в поход, крымцы прежде всего выступали за Перекоп. Дошедшие до Москвы слухи о том, что царевичи с людьми «на поле», уже заставляли настораживаться. Так, когда в 1517 году вышел «из Перекопи» в поле Богатырь-царевич со многими людьми, это было знаком к тому, чтобы беречь московские украинь²⁹.

Но к северу от Перекопа — все еще Крымский юрт. Мы и здесь встречаем крымских татар. Часть их постоянно кочует за Перекопом. Это те «улусники, живущая вне Перекопи», о которых говорит летопись под 1521 годом³⁰. Это те крымские улусы и чабаны с отарами овец, которые во второй половине XVI века стали целью казацких набегов. Именно об этих татарах писал в Москву князь Аппак, как о силе, которую всегда удобно бросить на Литву³¹. Но иногда за Перекоп выходили и собственно крымские улусы. Так, в голодный для Крыма 1517 год все люди, все улусы покочевали за Перекоп. В этом году и царь «в Петрово заговенье» собирался кочевать «в поле»³².

Сюда в поле нередко выходили военные отряды стеречь границы Крымского юрта. Так, в 1502 году хан посылал за Перекоп в заставу беречься от ногаев царевича Мухаммед-Герая. В 1517 году, уже будучи царем, Мухаммед-Герай высылал в поле сына Богатырь-салтана «стеречи улусов», т. е. улусы, находившиеся вне Крыма. В 1519 году царевич снова ходил на украину «заставою беречи»³³. Я думаю, что у крымских татар не было правильно организованной пограничной сторожевой службы, но в известное время и известной мере прибегали и к ней. «Сторожи у них на поле великие», читаем мы в сказке московских казаков 1524 года. «Зиму всю стерегли крымцы на поле, розставясь по дорогам 500 человек, переменяясь по месяцам»³⁴.

Мы знаем и те урочища в степи, где на страже своего юрта стояли крымские силы. Эти урочища мы можем принять за границы крымских кочевий. Летом 1515 года хан и царевичи вышли на Молочную воду: крымская рать выступила навстречу ногаям. В этом году в Москве был получен от царя и царевичей ряд грамот с Молочной воды, помеченных концом июля и началом августа. Одна из грамот, царевича Ахмата, была прислана «с Миюша». Мы знаем, что и Мухаммед-Герай в этом году «близко был Азова, до Миюша доходил». Но ногаи, избегнув встречи с крымцами, ушли за Волгу. 21-го января 1516 года царевич Ахмат снова писал Василию III: «мы счастьком на Молошной воде в рати». Повидимому, весной 1516 года царь снова выходил на Молочную воду, а царевичи стояли близ Азова. В 1519 году Богатырь-салтан снова стоял на Молочной воде и берег улусы от астраханцев³⁵. Так, Молочная вода (или же Миус) намечается как граница Крымского юрта со стороны Астрахани и ногаев.

Как далеко владения Крыма заходили на север? Мы знаем, что на широте Донца были наиболее опасные места для путников, ехавших в Крым от московской окраины. Переправы на Донце, Мерл, Коломак, южнее Овечьи воды — вот те пункты, где и послы, и гонцы, и купцы подвергались степным нападениям. Это были «лихие места», подлинное «дикое» поле. Здесь на Самаре, Орели и Овечьих водах могла во время своих скитаний

распахать пашни враждебная Крыму Большая орда³⁶. Когда в двадцатых годах Ислам-Герай бежал из Крыма, он «казаком ходил» именно на Конских и Овечьих водах, на Ореле и Самаре. На Конских водах в 1524 году мы встречаем сторожу в 15 человек³⁷. Я думаю, что Конские воды были такую же гранью крымских владений на севере, как Молочные воды на востоке.

В те же годы, когда Менгли-Герай сооружал Феррах-Кермень на Перекопском перешейке, хан построил и свою северную пограничную крепость Ислам-Кермень (между 1504 и 1506 годами) на известном Тэванском перевозе через Днепр. Крепость смотрела в литовскую сторону. Здесь происходил обмен пленными с Литвою. В 1517 году, в момент сближения Крыма с Москвою, чувствуя себя не по себе у хана, литовский посол отпросился жить в Ислам, поближе к Литве и отсюда уже просил царя отпустить его совсем домой³⁸. Близко стоявший к литовской границе Ислам-Кермень был постоянною угрозою для Литвы. Отсюда могли угрожать набеги; Ислам-городок мог быть отправным пунктом и для крупных походов. Так, в 1518 году, идя на Литву, «многая рать» «перелезла» Днепр «на Дуванском перевозе»³⁹. Под защитою крепости возле Ислама кочевали крымские улусы. Весною 1516 года шедший в Крым левым берегом Днепра посол И. Мамонов под Ислам-Керменем встретил первых людей Перекопской орды⁴⁰. Таким образом, северные крымские кочевья простирались от Ислам-Керменя до Конских вод.

Ислам-Кермень укреплял за Крымскою ордою все южное Поднепровье. Но еще раньше постройки Ислама Менгли-Герай возвел здесь еще две крепости на правом берегу Днепра. Первая из них, городок на Днепре в устье Тягинки, была уничтожена в 1493 году набегом черкасского воеводы князя Богдана Глинского и брата Менгли-Герая, литовского служилого царевича Издемира. Вместо разрушенной крепости был построен более удаленный от Черкас и Киева — Очаков или Ак-Чакум, окончательное местоположение которого, повидимому, не сразу определилось⁴¹.

И здесь, возле Очакова, мы встречаем кочевья крымцев. В 1517 году царевич Ахмат с ордою и людьми кочевал у устья Днепра возле Очакова. В 1515 году хан Мухаммед-Герай, перейдя на киевскую сторону, кочевал со всеми улусами за Днепром. В 1517 году хан снова перешел Днепр с ордою, базаром, с салтанами, уланами, князьями и мурзами, со всеми своими улусами и людьми. Царь с улусами и зимовал за Днепром. В 1523 году, когда ногайцы громили Крым, царь Ша-Айдар, стоя в 10 верстах от Перекопа, посылал людей «в загон» к Очакову и ниже Очакова, где люди царя и «выгнали» улусы и стада⁴².

Степь на правом берегу Днепра в его низовьях была признанною частью Крымского юрта. В 1500 году хан Большой орды Ших-Ахмат поднял перед султаном вопрос о разрешении Большой Орде покочевать к Днепру, так как у Волги ее теснили ногаи и черкесы. Но султан ответил, что на Днепре владения «вольного человека» — царя Менгли-Герая: «земли и воды пришли к Днепру Менгли-Гиреевы». Султан, повидимому, имел в виду правобережье Днепра. Но в 1502 году султан позволил Ших-Ахмату кочевать за Днепром на Белой и Синей воде, не входившими, таким образом, в представление султана, в состав Крымского юрта⁴³.

Где же были северные границы крымских кочевий на правом берегу Днепра? Я думаю, что они терялись на широте владения в Буг Синей воды. Несколько позже, в 1548 году Сигизмунд-Август заявлял притязания на урочища по Бугу и Синей воде и требовал, чтобы крымские татары там не кочевали и не пасли коней, быдло и овец. Возражая великому князю, хан Сагиб-Герай напоминал, что здесь когда-то были владения Узбека и

Джаны-бека и продолжал: «бо есть то земля ни твоя, ни моя, одно бозская: хто мощнейший, тот себе одержить»⁴⁴.

Своеобразно было отношение Крыма к соседнему Белгороду (Аккерман). Белгород, так же как и Азов, был городом султана. Он был таким же казачьим притоном как и Азов, с теми же повадками степных грабежей и набегов⁴⁵. Белгородские казаки, как и азовские, «люди прибылые», т. е. с разных сторон стекшиеся в Белгород. Но их отношение к крымским татарам наиболее близкое. Здесь перемешались, с одной стороны, люди султана, с другой — крымского хана. Жалуясь в 1493 году султану Баязету на набеги белгородских казаков, поляки указывали, что это — казаки Менгли-Герая. Мало того, во главе их стояли крымский царевич Мамышек и Тевекель-улан, которые сделали Белгород опорным пунктом для своих набегов на Польшу. Необходимость отказаться от Белгорода как от военной базы и заставила Менгли-Герая подумать о том, чтобы построить город где-либо в другом месте⁴⁶. Но и после этого белгородские казаки остаются в известной зависимости как от султана, так и от хана. Мы видим, что с одной стороны, когда в 1515 году белгородские казаки пришли служить королю, и он «им давал гроши и сукна», Василий III обратился с протестом к султану: «коли салтан хочет с нами быть в дружбе и в братстве, и он бы казаков из Азова и из Белгорода к нашему недруту к литовскому на пособь и на наем ходити не велел». С другой стороны, в 1516 году и крымский хан посылал к белгородским казакам с запретом воевать литовскую землю⁴⁷. Здесь же под Белгородом мы встречаем кочевья татар, которые, повидимому, тянули к Крыму. Так, когда в 1521 году царевичи Гемметь и Саадет-Герая выступили против Мухаммед-Герая, они обрушились на белгородских и добричских татар, которых и увели с женами и детьми тысяч с двадцать⁴⁸. В представлении московских людей середины XVI века степи под Белгородом, наравне с Очаковскими, были местом кочевий еще крымских улусов. Во время похода на Крым ногайских мурз в 1560 году все крымские улусы были «забиты» за Днепр, на Литовскую сторону. Пойдя туда, ногайцы повоевали их под Очаковым, Белгородом, по Бугу, Большому и Меньшему Ингулу, все Заднепрье⁴⁹.

Таким образом, границы Крымского юрта времени Мухаммед-Герая за пределами полуострова определяются с восточной стороны рекою Молочной, заходя, может быть, и дальше к Миусу. На севере, на левом берегу Днепра юрт заходил за Ислам-Кермень и шел до Конских вод. На западе крымские кочевья уходили степью за Очаков к Белгороду, простираясь к северу до Синей воды⁵⁰.

Благодаря деятельности Менгли-Герая эта территория была прочно закреплена за молодым Крымским царством. Старая литовская граница Витовта, доходившая до моря и шедшая от устья Днепра вверх по реке, теперь осталась только в воспоминаниях и напрасных притязаниях польско-литовских панов. Крепости Менгли-Герая угрожали и дальнейшими действиями Крыма против Литвы и Польши. Таково было наследство, оставленное отцом Мухаммед-Герая.

2. Хозяйственные основы

Большой юрт Гераев был неоднороден по природным условиям. Северные склоны Крымских гор, долины Салгира, Альмы с их садами и виноградниками, наконец, степи в самом Крыму и за его пределами создавали особые, своеобразные условия для развития хозяйства, имевшие значение и в XVI веке также, как и в наши дни. Помимо этих географических условий важно было то, что Крым был страной старой культуры. Татары встретились здесь с рядом народностей, хозяйственный уклад которых оп-

ределялся многовековым прошлым. Часть народностей Крыма — греки, евреи, итальянцы и др. — вошла в состав населения юрта ханов; с другой стороны, много татар поселилось в греческих деревнях в окрестностях Кафы, Судака, Балаклавы и в самых этих городах — итальянских колониях. Встреча и совместная жизнь с прежним населением должна была повлиять на хозяйство татар, скотоводов-кочевников, оказавшихся в соседстве со старинною земледельческою культурой.

Таким образом, хозяйственные основы Крымского юрта не могли быть однородны. Это и отразилось в несколько противоречивых показаниях современников, посещавших в XVI веке Крым. Разнообразие в хозяйстве Крыма не ускользнуло от внимания Михаила Литвина. «В самой Таврике, — писал он, — морской берег, а также страна у подножия горного кряжа покрыта взгорьями и лесами; эта часть заселена туземцами греками, остальная же часть полуострова, в которой обитают татары, степная. Вся страна очень плодородна, производит много хлеба, вина, мяса и соли. Соль зарождается там в большом количестве в озерах вследствие сгущения воды от солнечного припека после весеннего равноденствия; она покрывает воду в виде льда, прозрачна и часто похожа на кристалл. Земля, раз только вспаханная и взбороненная ветками, родит в изобилии всякого рода хлеб и виноград. Скот и лошади даже зимою пасутся в поле под открытым небом, и если они, переутомленные работою, исхудалые и истощенные, отпускаются на пастбища, то откармливаются пушистою травою, добытою из-под снега ударами копыт, не хуже, чем у нас на лучших пастбищах или под крышею».

Перейдя дальше к характеристике хозяйства собственно татар, Михаил Литвин писал: «Живут татары поныне, следуя за своими стадами и переходя с ними с одного поля на другое... Землю, даже самую плодородную, они не обрабатывают, довольствуясь тем, что она сама приносит, т. е. травою, служащею кормом для скота»⁵¹.

Итак, перед нами кочевое скотоводство. У нас нет недостатка в ярких свидетельствах, говорящих о нем. Напомню картинное описание у Барбаро передвижения волжской орды, когда табуны коней, стада верблюдов, быков и мелкого скота в течение шести дней усеивали все пространство степи, какое только можно было окинуть взглядом⁵². Точно также и акты, относящиеся к Крыму, постоянно упоминают о перекочевках улусов, о табунах коней, о волах и верблюдах, об отарах овец⁵³.

Нам труднее представить себе несомненно существовавшее татарское земледелие начала и середины XVI века. Опираясь на ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлуга, А. Ю. Якубовский говорил о земледельческом хозяйстве в Крыму и феодальном землевладении еще в XIV веке. Еще определеннее о земледелии, и именно татарском, до времен Хаджи-Герая говорил раньше Ф. Ф. Лашков⁵⁴. В тех владениях, на которые получил от Тимур-Кутлуга ярлык Мухаммед-ибн-ходжа Байрам, мы действительно встречаем виноградники, сады, мельницы, деревни, где, по толкованию А. Ю. Якубовского, живут испольщики и барщинные или оброчные крестьяне⁵⁵. Хан освобождает от повинностей с виноградников, от амбарных пошлин, от платы за гумно, от ясака с арыков⁵⁶. Перед нами несомненная картина земледельческого быта. Но эта картина относится к определенному району Крыма. Сам Мухаммед — из деревни и крепости Индирчи по соседству с Судаком; деревни и жители, о которых говорит ярлык, находятся в окрестностях Старого Крыма или Кафы. Здесь и сказывалось влияние старинного греческого земледелия и соседства итальянских колоний. Главною житницею этих колоний была, повидимому, крымская «Кампания», южное побережье полуострова. До турецкого завоевания префектом Кампании назначался кто-либо из татарских вельмож. Мы знаем, что когда в 1474 году

префект Эминек из рода Ширинов задержал поставку зерна и пшеницы, граждане итальянских городов Крыма стали страдать от недостатка хлеба, и баржи были посланы за зерном в Мокастро, Воспоро, Цихию (Абхазию) и Трапезунт. И лишь когда Эминек сменил новый префект—Сейтак, консул Кабелла мог донести банку св. Георгия, под протекторатом которого были крымские колонии Генуи: «мы теперь морем снабжены провиантом»⁵⁷. Здесь, в Кампании, где к середине XV века перемешалось греческое, армянское, итальянское и татарское население, были ярко выраженные феодальные отношения. В середине этого столетия ряд деревень принадлежал здесь фамилии Гуаско. Крестьяне этих деревень должны были обрабатывать поля и виноградники Гуаско. Гуаско требовал с них «дань» (оброк), «что противно обычаям татар», прибавляет консул Солдаи Ди-Негро. Над крестьянами тяготел полный произвол феодала. Он их судил и имел право приговаривать к смертной казни. В местечке Ускуте была воздвигнута виселица и поставлены позорные столбы⁵⁸. Во владениях Мухаммеда-ибн ходжа Байрама мы видим те же сады, виноградники и пашни, что в деревнях Гуаско. Но едва-ли те отношения, которые мы наблюдаем в этих деревнях, мы можем целиком перенести и на владения Мухаммеда. Ярлык даже не дает нам права решить вопрос: были ли вотчиною Мухаммеда-ибн ходжа Байрама перечисленные в ярлыке деревни или они были переданы ему во временное держание.

Второй ярлык — Тохтамыша, данный Бей-Ходже с зависящим от него племенем Шуракуль, не дает нам права говорить о земледелии шуракульцев. Ярлык говорит только о кочевании их внутри или вне Крыма, во время которого они освобождаются от каких-бы то ни было требований. Ни плата на хлебные магазины, ни подать с дымов, от которых освобождается племя Шуракуль, не дают никаких оснований говорить ни об оседлости, ни о земледелии шуракульцев⁵⁹.

Таким образом, один из ярлыков XIV века говорит нам только о старинной земледельческой культуре южного Крыма, вошедшего отчасти в состав Крымского ханства, и не более того.

Более поздние ярлыки Менгли-Герая и Мухаммед-Герая, т. е. ханов, время которых интересует нас прежде всего, тоже ограничивают наши выводы известным районом⁶⁰. Первый ярлык Ходжа-Бию вообще дает очень мало для каких-либо заключений. Освобождая от налога с дыма по числу строений, от работы на казенные амбары, ярлык только позволяет предполагать и оседлость, и земледельческое хозяйство — и только. Два других ярлыка — Менгли-Герая 1468 года и Мухаммед-Герая 1517 года — оба относятся к Керченской области и отдают в феодальное держание «Керченский народ», состоящий, повидимому, из рыбаков, земледельцев, добытчиков соли. Перечисленные в ярлыках места отдаются то с озером, то с заводью, с землею, низменностью. Освобождаемые от рыночных пошлин в пользу хана жители продают рыбу, соль, хлеб мерою, напиток из проса, лошадей, коров и овец. Упоминаются старшины местечек, которые уплачивают подать по старине. Грамоты различают оседлых и юртных людей; может быть, под вторыми разумеются кочующие. «Старые люди» не должны рассеиваться из области. На бродячих и шатающихся людей из внутренней Керченской области «налагают руку», если находят их в Крыму, Кафе, Азове или Кыпчаке; их выводят и отдают. Отмечу, что люди Керченской области подлежат выдаче и возвращению даже тогда, когда они находятся в городах, не подвластных ханам — в Азове и Кафе.

Таким образом, Керченская область была вторым районом оседлой и земледельческой культуры с несомненными признаками феодальных отношений. Но корни этих отношений также следует искать не в прошлом крымских татар, а в наследии, идущем от греческих и итальянских времен.

Но и у татар несомненно издавна была своя земледельческая культура, засвидетельствованная показаниями Плано Карпини и Рубрука. Эта культура принимала своеобразную форму кочевого земледелия, описанного в XV веке Барбаро. «В исходе февраля месяца, — писал Барбаро, — по всей орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно приготовили все для того нужное, ибо в такой то день марта предположено отправиться к такому-то месту, для посева избранному. Вследствие сего объявления все желающие немедленно делают приготовления свои; насыпают семенной хлеб на повозки и отправляются с рабочим скотом, женами и детьми или только с частью своих семейств к назначенному месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась орда во время возвещения приказа о посеве. Тут остаются они до тех пор, пока вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы и потом уже возвращаются назад в орду. Между тем, хан, подобно матери семейства, отпустившей детей своих порезвиться и беспрестанно издали наблюдающей за ними, все кружится около засеянного поля, останавливаясь то там, то здесь и никогда не удаляясь от оною далее четырех дней пути. Когда же хлеб созреет, то все желающие, как сеятели, так равно и покупатели, отправляются туда для жатвы с повозками, волами, верблюдами и со всем нужным, как бы на собственную мызу. Почва земли у них весьма плодородна. Пшеница очень крупна зерном и не редко родится сам-пятьдесят, а просо сам-сто. Иногда жатва бывает так обильна, что не знают, куда деваться с хлебом, и часть его необходимо оставляют на месте». Но в то же время орда может и одиннадцать лет обходиться без посева и хлеба⁶¹.

«Крымские акты» подтверждают это описание Барбаро и именно для волжской Большой орды, которую Барбаро имел в виду. Орда и на рубеже XVI века часто распаивала земли где придется в степи. В 1491 году пахали на Орели, Самаре и Овечьих водах; в 1492 году Орда пахала на Куме. Посеяв хлеб, уходили и возвращались ко времени жатвы. Московское посольское донесение так и отмечало: орда к просам пошла⁶².

Те же документы не раз говорят о посевах, имевших значение не для какого-либо определенного района Крыма, но для всей массы крымских татар. Мы видим, что соображения, связанные с земледелием, часто сказывались на военных планах ханов. Не раз (в 1493, 1501 и 1508 годах) Менгли-Герай обещал московским великим князьям итти в поход на Литву, когда «жнитво будет», когда «новь» или «жито поспеет»⁶³. Впрочем, остается неясным, чью жатву, чью новь и жито: литовские или татарские имел в виду хан. Но в других случаях у нас не может быть сомнений. В 1497 году, посвящая в свой план похода на Крым великого князя литовского Александра, Ших-Ахмат (хан Большой орды) писал ему: «ино мне видится так потягнути бы на них, как они будут житя свои жати»⁶⁴. Дальше мы читаем, что в 1491 году, получив «шерть» от сыновей Ахмата и уверившись в безопасности с их стороны, Менгли-Герай распустил улусы на пашни и жито. Мы читаем, что татары жнут хлеб, «снимают». Ожидая в 1491 году нападения астраханцев, Менгли-Герай приказывал прятать хлеб и везти его в город⁶⁵.

В июне того же 1491 года Иван III писал в Крым своему послу Ромодановскому и наказывал ему попросить «лал велик да и красен» у хана. Но посол должен был выбрать время: «толко Менли-Гирей хлеб свой возмет, а рати на него не будет»⁶⁶. Как видим, наравне с ратью поставлена «уборочная кампания», как дело, которое настолько может озаботить и отвлечь внимание хана, что ему будет не до других дел. Урожай и своевременный сбор его уже стал важным жизненным вопросом для Крыма. Засуха грозила бедою. В жаркое лето 1517 года в Крыму выгорели хлеб

и трава. Потравив пашни скотиною, все люди вышли за Перекоп, «ино им домышлятися о своих прожитках». «Хлеба у них и без того добре мало было, — писал в Москву посол Мамонов, — а нынеча отнудь нету». В этот неурожайный год хан Мухаммед-Герай собирался просить, чтобы Василий III позволил крымским купцам закупить мед и хлеб в Путивле, а король — в Киеве и Черкасах⁶⁷. Этот факт позволяет думать, что закупки хлеба не были постоянным делом для Крыма⁶⁸.

Но что мы можем сказать о характере этого земледелия? Как оно сочетается с несомненным кочеванием крымских улусов? Была ли здесь та форма кочевого земледелия, которую описал Барбаро, или оно принимало какой-либо иной вид, приближаясь к оседлому? На эти вопросы трудно дать определенный, точный ответ.

Я думаю, что для самого полуострова исключена возможность таких посевов, о которых писал Барбаро. Прежде всего внутри полуострова не было такого простора и размаха кочеваний, какой мы видим у волжской оады. Помимо того мы знаем, что еще до XVI века отдельные, сравнительно небольшие районы Крыма закрепились за отдельными княжескими родами, где мы и встречаем обыкновенно их улусы, хотя бы князей Ширинских. Это позволяет думать, что и пашни отдельных улусов были приурочены к известному району, постоянному месту.

Мы знаем, что при кочевом быте поля и пашни возникают возле зимовий и бывают тесно связаны с ними. Когда кочевники уходят со скотом на летние пастбища, в зимовках остается часть людей, которые ведут полевые работы, косят и убирают сено и хлеб. Осенью кочевники возвращаются на зимние пастбища; при этом первое время скот и овцы пасутся на убранных полях, сенокосах и примыкающей к ним целине. Здесь возникает и собственность на землю. Территория зимних пастбищ одной группы более или менее точно отграничивается от территории другой группы. Здесь возникает собственность на пашни, образуются поместья.

Зимовья были и у крымских татар XVI века. Документы упоминают «зимницы» Сагиб-Герая⁶⁹. О местах оседлости, селениях у татар говорит и Герберштейн. Описывая их кочевья, он оговаривается: «впрочем живущие в селениях и городах следуют другому образу жизни». В немецком переводе «Записок» сказано яснее: «но есть также и другие, которые живут в местечках и деревнях, именно старики и кушцы, которые не ходят на войну»⁷⁰. Возможно, что в такие зимницы, деревни и селенья и распускал Менгли-Герай улусы на пашни и жито.

К середине XVI века приурочивается известное предание о переходе крымских татар к оседлой жизни. Это — предание о Сагиб-Герее, который будто-бы приказал поломать арбы, чтобы покончить с кочеваниями, отвел всем места для постоянного житья, дав каждому достаточное количество земли, и приказал строить дома и деревни по всему Крыму «от Ферх-Кермена на севере до Балаклавы на юге, от Кафы на востоке до Козлова на западе». По словам передающей это предание рукописи, по повелению хана на владение отведенною землею были выданы грамоты, которые «сохраняются и доселе»⁷¹.

Это предание, хотя и с оттенком легенды, отражает тот перелом в хозяйственной жизни Крыма, который падает именно на середину XVI века, когда оседлое земледелие становится заметнее. Но и здесь мы должны прежде всего иметь в виду определенные районы Крыма.

От середины XVI века сохранилось несколько ярлыков на пожалованные земель. Часть их выдана Сагиб-Гереем. В некоторых более поздних грамотах встречаются ссылки на пожалование земель тем же Сагиб-Гереем, а иногда и Менгли-Гереем⁷². Жаловалась земля с тем, чтобы владелец обрабатывал ее и сеял, жаловались земли с колодцами пресной воды, укреп-

лялись за владельцами земли, на которых были пашни, сенокосы, сады, мельницы, зимовья и летние пастбища овец. Почти все земли были со сложившимся уже хозяйством. Насколько можно установить, главным районом пожалований опять был округ Кафы, Старого Крыма, верховья р. Карасу, где сосредоточивались владения старинных княжеских родов.

Но оседлое земледелие несомненно захватывало более широкий район. В семидесятых годах XVI века Крым посетил Броневский. Описав Бахчисарай, Салачик, ханские дворцы на р. Альме, Броневский продолжает: «Та часть полуострова, в которой живет хан со своими татарами, от Перекопа к озеру до Крыма, обработана, ровная, плодородная и изобилует травами»⁷³. Несколько раньше описания Броневского, в 1559 году, состоялся известный морской набег на берег Крыма возле Перекопа Данила Адашева. «И оттоле (от Ярлагаш-острова), — повествует летопись, — пришли на улусы, на сидячих людей, на Кременчик, да на Кошкарлы, да на Когольник, от Перекопи за 15 верст»⁷⁴. Таким образом, в третьей четверти XVI века обработанные поля, оседлые улусы, «сидячих людей» мы встречаем между Перекопом и Бахчисараем.

Группа документов начала XVII века убеждает нас в правильности наблюдений Броневского и показаний участников похода Адашева. Это — несколько записей в кадиаскерских дефтерях и решений кади, которые относятся к 1609—1615 годам⁷⁵. Земельные участки, о которых говорится в документах, расположены на р.р. Альме, Каче, Салгире, близ Бахчисарая, Симферополя и дальше по направлению к Евпатории. Перед нами проходят жители деревень — татары, продающие друг другу участки земли: «житель деревни» дарит другому свой пай пашни и пастбища с водопойным колодцем. Выступают деревенские общины, спорящие перед судьей друг с другом. Предмет спора — пастбищная земля, которой завладела, и которую запахала одна из деревень. К судье обращаются евреи Чуфут-кале с жалобой на деревню Майрум, жители которой вспахивают и засевают пастбища, которыми одинаково пользуются и Чуфут-кале, и Салачик, и Бахчисарай, и соседние общины. При указании границ спорной земли называются имения беев. Мы видим рост их землевладения, встречаем беев как покупателей земли, принадлежащей и отдельным лицам, и целой общине. Таким образом, уже в начале XVII века в районе ханских дворцов перед нами выступают хорошо известные по памятникам XVII и XVIII веков татарская сельская община («джемаат») и крупное бейское землевладение. Мы видим также, как пастбище уступает место пашне.

Наличность оседлого татарского земледелия в начале XVII столетия подтверждается еще одним документом, заслужившим репутацию точности и полной достоверности своих показаний. Это — Книга Большому чертежу. По этой «Книге» путнику, направлявшемуся степью в Крым, при первом вступлении на полуостров еще у Перекопа бросались в глаза поля: «а пашню пашут на сей стороне Перекопи». Дальше, от Перекопа до Бахчисарая, по обе стороны дороги, встречались татарские деревни. «А у татар во всех деревнях пашни пашут, а сеют пшеницу, ячмень и полбу»⁷⁶.

В 1634 году составил свое «Описание Черного моря и Татарии» д'Асколи, в течение 10 лет бывший префектом Кафы и близко наблюдавший жизнь Крыма. По его наблюдениям, крымские татары живут в поселениях и обыкновенных домах. Они пашут и сеют. Пшеница и другие хлеба, а также лен растут в изобилии. Но в то же время д'Асколи отмечает, что поселки «все сосредоточены в долинах или вдоль рек, которых всех семь, хотя и не очень больших». Итак, земледелие и пашни в долинах. Что же касается главных степных пространств, здесь, повидимому, продолжали господствовать пастбища. Указав, что Бахчисарай лежит в ло-

щине, д'Асколи продолжал: «а наверху пастбища и проезжие дороги». При путешествии через эту широкую степь приходится ночевать под открытым небом, так как здесь нет поселений⁷⁷. То же говорил и Боплан; рассказав о фруктовых садах в долинах реки Салгира, он писал, что на равнине Крыма от южного берега до Перекопа много подвижных татарских улусов, состоящих из двухколесных телег⁷⁸.

Сопоставляя все указания источников, мы приходим к выводу, что в Крыму XVI века совершался далеко не законченный переход от кочевого скотоводства и земледелия к оседлому сельскому хозяйству. При этом в южной половине полуострова и по долинам рек, создававших благоприятные условия для садоводства и сельского хозяйства вообще, переход татар к оседлой форме его прошел быстро. В собственных же степях переход шел медленнее, и земледелие продолжало сочетаться с кочеванием улусов. Соотношение земледелия в хозяйстве татар и кочевого скотоводства не поддается учету. Оно постепенно менялось в пользу земледелия. Что же касается первой половины XVI века, времени Мухаммед-Герая, то при чтении документов больше бросаются в глаза кочевания улусов, чем их земледельческое хозяйство. Если исключить южную часть полуострова и оазисы в речных долинах, то можно допустить, что только остававшаяся в зимовьях часть населения неотрывно была занята земледелием, и только уборка хлеба требовала всех сил улусов.

Такой порядок долгие держался в части Крымского юрта, лежавшей за Перекопом. Это был главный район кочевий. В семидесятых годах XVI века на пути от Очакова к Перекопу Броневский встречал татарские хижины, сделанные из тонких дерев, обмазанных тиной, грязью или навозом, покрытые камышем. Здесь Броневский видел летние кочевья — с апреля до октября, когда с табунами коней, стадами верблюдов, крупного скота и овец кочевники-татары направлялись от Очакова к Перекопу, доходили до Дона, а иногда шли через Перекоп в Тавриду. В степи к северу от Перекопа пасли свои стада и все перекопские и азовские татары, оставаясь там все лето и осень.

Говоря о возвращении живших в низовьях Днепра татар в зимовники, Броневский указывает, что это бывает после уборки хлеба. И дальше, передав рассказ Страбона о кочевой жизни роксолан, Броневский прибавляет: «Татары почти таким же образом ведут жизнь; с той разницею, что теперь очень многие из них обрабатывают поля и часто собирают сено»⁷⁹. В этом рассказе Броневского мы встречаем ту стадию земледелия, когда зимовья являются центром земледельческого хозяйства кочевников, и которая едва ли была изжита и в собственном Крыму в XVI веке.

В развитии крымского земледелия есть еще одна сторона. Оправдывая набеги, Саадет-Герай писал Василию III: «Нашие земли куны, и пашня, и плуго-война»... «И ты, брат наш, сю землю гораздо знаешь. Се наше земли живет войною...». По словам московского посла Третьяка Губина, Мухаммед-Герай писал султану: «Не велишь пойти на московского и волошского, чем быть сыту и одету?»⁸⁰. Как видим, ханы первой половины XVI века видели путь к богатству не в земледелии, а в военном грабеже. Это соответствует тем выводам, к которым пришел Ф. Ф. Лашков, изучая крымское землевладение более позднего времени. И позже крымские царевичи не интересовались хозяйством, предпочитая легкую наживу путем набегов на Русь и Польшу. Также и мурзы не занимались хлебопашеством в больших размерах, предпочитая скотоводство, «которое, — писал Лашков, — составляло до последнего времени главное занятие крымских помещиков»⁸¹. Таким образом, развитие крымского земледелия пошло по пути развития мелкого производства крестьянского типа; при этом в первую очередь переходили к пашне, повидимому, беднейшие татары.

В связи с этим мы видим, что по документам XVII и XVIII веков эксплуатация крестьян, живших на помещичьих землях, меньше всего выражалась в барщине. Заключавшаяся в работе на поле помещика, в его винограднике или саду барщина бывала не больше 8—9 дней в году. Главное были крестьянские платежи. На первом месте стояла десятинная подать, затем «сауга» — оброк с дыма и ряд других платежей, значение которых остается неясным для переводчиков татарских текстов⁸². Я думаю, что в тех районах Крыма, где издавна было крестьянское земледелие, такой порядок был несколькими веками раньше. В ханских ярлыках середины XVI века (1551, 1577 годы) беям передается право на все поборы с крестьян. Поборы с пашен, садов, мельниц, колодцев, ясак с арыков, сборы с заводей, соляных озер, амбарные пошлины — вот те феодальные доходы, которые известны нам как по документам XVI века, так и по более ранним грамотам Тимур-Кутлуга и Тохтамыша⁸³.

Я думаю, что именно оброчная форма ренты была характерна для татарского феодализма и прочно держалась на протяжении нескольких веков. В терминах ярлыка Тимур-Кутлуга конца XIV века А. Ю. Якубовский установил, однако, наряду с крестьянами-оброчниками и особых крестьян барщинников⁸⁴. Если это так, то в этой барщине, встретившейся в окрестностях Судака, Кафы и Старого Крыма, я готов видеть не татарскую, а местную итальянскую традицию.

В собственном хозяйстве крымских феодалов, вероятно, больше имело место применение не барщинного крестьянского, а рабского труда. Я опять обращусь к кадиаскерским записям XVII века. Мы встречаем занесенные в них акты о передаче и продаже рабов, иногда в значительном количестве. Передаются невольницы-русские и татарки, передается мельница на р. Салгире с мельником казаком Андреем, его женою и сыном. Некий Арслан Ага, сын Рамезана, передал своему сыну 18 невольников и рабынь. Хозяйство его на р. Салгире состояло из пахотной земли, зимнего пастбища и пая на колодец. В 1668 году житель Бахчисарая — Аджи Усеин, сын Мустафы, продал, очевидно, все свое имение, состоявшее из пахотной и пастбищной земли в Каракуртском кадалыке, с паем колодца, кишлюю, 25 головами рогатого скота, 158 овцами, тремя чугунными казанами, с тремя казаками и одной невольницей. Русские казаки-невольники по именам Андрей, Петр, Иван, Петр Великан, повидимому, застарели в рабстве. Они успели в неволе жениться и вырастить детей. Имена их жен и детей звучат по-татарски: Инаст и сын Чора, Менунте и дети Хазанфар и Мургиша⁸⁵. Так рабы вошли как постоянная и необходимая сила в хозяйство крымского феодала.

Что же было столетием раньше? Громадное количество рабов-пленников, которых приводили крымцы из своих походов и в конце XV и в начале XVI века, — факт общеизвестный. Подсчитывая число русских полоняников после одного из таких походов, Сагиб-Герай писал в 1533 году Василию III, что у более значительных людей по 15—20 голов полоня, «а у иных, всее нашей рати, на всякую голову по пять, по шесть голов твоего полоня в руках»⁸⁶. Эти пленники прежде всего распродавались татарами, преимущественно в Кафе. Сагиб-Герай считал, что те, кто привел по 15—20 голов, тем самым добыли по 40—50 тысяч денег⁸⁷. Сам Сагиб-Герай получил только «тамги» с продажи этого полоня 100 тысяч денег. Много пленников выкупалось из Крыма, но много оседало в крымских улусах или до выкупа, или на долгое время. Направляя в 1533 году на военную разведку в крымские улусы московских служилых татар, Василий III приказывал им «быть в улусах, где им пригоже, будто полону ищут»⁸⁸.

Броневский указал и те виды работ, которые возлагались в XVI веке на невольников. Так, знатные «имеют свои поля, обрабатываемые пленными венгерцами, русскими, валахами или молдаванами, которых у них очень много, и с которыми они обращаются, как со скотом». У татар, которые живут в степях, «их невольники роют везде колодцы; они употребляют в топливо навоз, который невольники собирают в степи и сушат на солнце»⁸⁹.

В невольничестве XVI века есть одна характерная черта. Герберштейн рассказывает, что пленники у татар «принуждены служить рабами шесть лет подряд, по истечении которых они делаются свободными, но не могут удалиться из страны»⁹⁰. Одно случайное замечание посольских дел подтверждает слова Герберштейна. В 1525 году получил свободу московский казак, который был в Крыму в полону «да и отработался»⁹¹. Известно, что такой отпуск пленных-рабов практиковался у многих народов; возьмем ли славян VI века, по свидетельству Маврикия Стратега, или башкир XVIII столетия. Такой порядок говорит нам о том, что в крымском татарском хозяйстве XVI века потребность в рабочей силе была еще не так велика, как столетием позже.

Итак, несмотря на все успехи земледелия в крымских степях XVI века мы встречаем все еще «кочевой феодализм», при котором главным достоянием феодала были его стада. Побороты с улусников и труд невольников были основными формами эксплуатации. Мало погруженные в хозяйственные заботы феодалы-татары уделяли много времени войне и набегам. Охота была вторым их делом. «Князья и главнейшие мурзы выезжают верхом с почетной свитой, где все вооружены луками и стрелами, с борзыми собаками и соколами, так как татарское доврянство очень любит охотиться»⁹². Я думаю, что не будет большою натяжкой, если эту нарисованную д'Асколи картину отнести и ко времени столетием раньше.

В немногочисленных городах Крымского ханства мы встречаем разноплеменное население. Так, в Кыркоре жили армяне, евреи, татары-мусульмане. Жители этого города издавна были «тарханами», т. е. свободны от всяких податей и повинностей⁹³. Как и во всяком средневековом городе здесь были купцы и ремесленники. Абдула, Магмет Куляхья, Шабах Мух Ядин, Осман Усеин Кгафар, Абыл Кгерим и др. принадлежали в 20-х и 40-х годах XVI века к кыркорским купцам⁹⁴. Тарханные грамоты ханы выдавали не только всей общине, но и отдельным купцам. Помимо общих повинностей и налогов, эти купцы освобождались во время своих торговых поездок от тамги, весового собора и других «издержек». «А из старины то у нас тархан, а с товару у него тамги не имывали», говорил о таком купце Менгли-Герай⁹⁵.

О ремесле в городах Крымского ханства слишком мало известно. По отзывам иностранцев более позднего времени, крымские татары выделяли кожевенные изделия, ковры. Это засвидетельствовано документами и для начала XVI века. В описи имущества Печерского архимандрита Васьяна наряду с кафинским одеялом указаны ковры «солгацкие»⁹⁶. Солхат — это татарский Старый Крым, изделия которого, как видим, приобрели известность. По установившемуся обычаю, почти каждый посол или гонец, приезжавший из Крыма в Литву и Польшу, помимо подарков от хана, царевича или князя, пославшего гонца, подносил королю подарок и лично от себя. По документам 1505—1508 года таким подарком посла очень часто бывал «коверец солгацкий», иногда даже «поветхий». Бывало, что подобный «коверец» присылали и царевичи, и мурзы или ханский казначей-подскарбий. Однажды и крымский купец Дмитрий помимо куфтеры и камки поднес королю и «коверец солгацкий добрый». Также часто среди подношений послов встречаются тебеньки, иногда белые, чаще же всего черленые; два

раза встретила и фляжка кожаная⁹⁷. Так, кожаные изделия и ковры, Крыма, в частности города старой крымской культуры—Солхата, ценились и в начале XVI века.

Впрочем, в крымских городах не было одного условия, в силу которого там могли бы сосредоточиться ремесло и торговля: города не были центрами, в которых жили бы постоянно феодалы, крымские ханы, царевичи и знать. Ханы и знать кочевали. Поэтому, наряду с городами, подвижная орда была своеобразным средоточием торговли и ремесла. Вместе с ордою, где вместе с ханом находится придворная знать, князья, мурзы и ближние люди, чиновники и гвардия хана, кочует и базар. Такой базар мы находим и возле раскинувшейся на берегу Бешь-Терека орды царицы, такой базар в орде царевича. Даже когда в 1525 году царевич Ислам-Герай, выкинутый из Крыма усобицей, кочевал в поле на Конских и Овечьих водах, с ним были и базары. Свой базар бывал и у крупного крымского вельможи. Пришедшему на службу в Крым князю Тевекелю хан пожаловал «отца его место, и базар, и волости»⁹⁸.

Базар это — кочующий посад, где живут и купцы, и их семьи, и ремесленники, где раскидывается походная мечеть⁹⁹, где разворачивается торговля при каждой остановке орды. Это — старая традиция кочевого быта татар. «Лишь только хан изберет место для жительства своего, — писал И. Барбаро, — немедленно приступают к устройению базара, наблюдая при этом, чтобы улицы были сколь можно шире»... «Упомянув о купцах, я долгом поставлю объяснить здесь, что их всегда очень много при орде; иные нарочно с разных сторон приезжают в оную с товарами, другие же бьвают только проездом»¹⁰⁰.

Человек моего базара, мой базарянин — так часто в ханских грамотах определяется купец. Термин «базарянин» заменяется равнозначущим «ордобазарец». Базаряне — часто сравнительно крупные купцы, уезжающие из орды в далекие торговые поездки. Крымские базаряне бывали в Большой орде, в Астрахани, постоянно ездили в Москву, торговали в Рязани, заезжали в Юрьев, где жили московские служилые татары, через Москву направлялись в Казань, бывали в Киеве, Тевризе, ходили в «азямы», Мисюрь, Шам, Рим, в Литовскую землю, к ляхам и волохам. Это были и «царевы купцы», и купцы из улусов князей¹⁰¹.

Купец — денежный человек, и карманы купцов-базарян должны были быть открыты для хана при всяком случае. Так, когда царский конюх потерял пущенного в царский табун коня московского посла, хан приказал взять на базарянах три рубля и отдать послу. Нуждаясь в деньгах, Менгли-Герай занял 2.416 алтын у двух ордобазарцев. Но крымские ордобазарцы едва ли обладали крупными деньгами. Когда ханам бывал нужен крупный заем, приходилось обращаться к кафинским гостям¹⁰².

Базары — и одно из средоточий ремесла. По словам того же Барбаро, «при орде во всякое время неотлучно находятся сукновалы, кузнецы, оружейники и всякого рода мастеровые»¹⁰³. На базаре ведется и мелочная торговля; там продают хлеб. Это, очевидно, дело мелких базарных торговцев. Среди них было не так много татар. По словам Броневского, это — христиане-невольники, турки, армяне, евреи, черкесы, пятигорцы, цыгане. Мелкий торговец и мелкий ремесленник, повидимому, преобладали и на базарах орд, и в городах и прежде всего бросались в глаза наблюдателю. Недаром Броневский писал, что купцы и ремесленники люди самые ничтожные и бедные¹⁰⁴.

Таковы были хозяйственные основы, на которых покоился общественный и политический строй Крымского юрта, строй пока еще кочевого быта с заметными, однако, чертами оседлого уклада хозяйственной и общественной жизни.

3. Гераи

Характерной чертой кочевого, в частности татарского, феодализма было то, что отношения между феодалами складывались и долгое время существовали под внешнею оболочкой родовых отношений. Так это было и в Крымском юрте на рубеже XVI столетия.

В это время мы застаем здесь второе, третье и четвертое поколение Гераев, сыновей, внуков и правнуков основателя династии Хаджи-Герая. С самого начала истории этой династии для нее, как и для всякой другой, характерна внутренняя борьба. Когда после упорной борьбы с братьями власть над Крымским ханством надолго утвердилась за Менгли-Гераем, оставалось еще три ех-царя, братья хана — Джанибек, Айдар (Хайдэр) и Нур-доулет. Эти бежавшие из Крыма цари нашли «опочив» у соседей. Свергнутый Джанибек был принят в Москве. Укрывшиеся сначала в Литве Айдар и Нур-доулет осенью 1479 года тоже перебрались в Москву. Судьба братьев была не одинакова. Весною 1480 года Айдар был сослан в Вологду, а Нур-доулет был посажен царем в Мещере. Один из братьев Менгли-Герая — Издемир и племянник Довлеш (сын Девлет-яра) побывали в Турции, в Большой орде и, наконец, сказались на службе польского короля (с 1491 года). Разорение в 1493 году первого построенного Менгли-Гераем днепровского городка было одною из первых услуг польскому королю Издемира в его борьбе против родины.

Рассеянные по соседним землям братья внушали вечные опасения хану. Каждый из них был готовым кандидатом на крымский престол, кандидатом, которого всегда могла поддержать сильная рука одного из соседей Крыма. Вот что заставляло Менгли-Герая мечтать о смерти брата Издемира и, кстати, племянника Довлеша и настойчиво просит Ивана III постараться, «как бы сех наших недругов не было»¹⁰⁵. До тех пор пока Айдар и Нур-доулет оставались в Литве, в письмах хана чувствуется страх и перед ними. Даже переезд братьев в Москву, где они очутились в руках надежного союзника, не совсем успокоил Менгли-Герая. Так, в 1487 году хана тревожит слух, что король хочет выкрасть Айдара. В ответном письме Иван III спешит успокоить хана: «яз твоего для дела Айдара царя держу у себя в крепости»¹⁰⁶. Другой брат Менгли-Герая — Нур-доулет, правя в Мещерском городке, со своими уланами, князьями и казаками играл не малую роль в борьбе Москвы против астраханских наследников царя Ахмата. Так же положение брата тоже внушало опасения Менгли-Герая; надежнее было бы держать возможного соперника в своих руках. И Менгли-Герай звал брата к себе, чтобы вместе стать «о своем юрте» против недруга. Но проникая в замыслы хана, московские дипломаты справедливо возражали ему: «инотобе ведомо из старины, от дед и отцов наших, — на одном юрте два осподаря бывали ли?». Менгли-Герай знал, что в это время один из крымских «недругов», сын царя Ахмата Муртоза, играя на мусульманских чувствах Нур-доулета, соболезнуя тому, что он живет «промеж неверных», звал его к себе («нечто из тое из поганые земли избыти захочешь») и обещал посадить на Крымском юрте вместо Менгли-Герая¹⁰⁷.

Двое из братьев хана оставались в Крыму: Милкоман и Ямгурчей-царевич, как называют их московские документы. Если Милкоман остается для нас в тени, то Ямгурчей с восьмидесятих годов XV века до 1508 года занимал видное место при дворе брата. Царевич Ямгурчей то выполнял дипломатические поручения, отправляясь к Баязету за военной помощью, «да и о иных управах о земских», то стоял во главе походов на Черкасск, Канев, Киев и вообще на Литву. Построив городок — крепость на Днепре, у устья Тягинки, Менгли-Герай посадил там Ямгурчей. В январе 1493 года:

Ямгурчей писал оттуда Ивану III: «в город вшедши, слава богу, у недруга, как на шее, вшед, стоим»¹⁰⁸.

Так же как при Менгли-Герее род Гераев был рассеян и в следующем поколении. Сыновья Нур-доулета — Зенай (Джаны) и Саталган-царевич оставались и служили в Москве. Сын Девлет-яра — царевич Довлеш женился в Литве и из Киева был переведен вглубь страны. Сын враждовавшего с Менгли-Гереем Издемира — царевич Азбяк вернулся в Крым. Но в то же время один из сыновей постоянно верного брату Ямгурчю — Али-Герай должен был бежать из Крыма. Не раз проявлявший себя как непокорный вассал двоюродного брата Мухаммед-Герая — Али-царевич «силою понял за себя» царя — вдову Менгли-Герая. За это хан Мухаммед-Герай приказал своим сыновьям убить Али-салтана. Но Али-Герай скрылся в Белград. И второй сын Ямгурчю — Ябунчи-салтан, повидимому, не ладил с ханом. Едва умер отец, как Ябунчи уже заводит речь с Василием III о «юрте» в Рязанской земле: «мне в сей земле гнев некаков есть»¹⁰⁹.

Из родных братьев Мухаммед-Герая двое — Саадет и Мубарек царевичи в момент смерти отца были в Турции у султана¹¹⁰. Они оставались там и внушали Мухаммед-Герая ту же тревогу и те же опасения, что Менгли-Герая его братья. В 1516 году московский посол писал из Крыма, что хотя оба царевича и заверяют хана, что не хотят под ним царства искать, но он им не верит¹¹¹.

Из братьев, остававшихся в Крыму¹¹², с хромым Ахмат-царевичем у Мухаммед-Герая с самого начала царствования были напряженные отношения, вскоре перешедшие в открытую борьбу. Насильственная смерть Ахмата вызвала прямое восстание против Мухаммед-Герая сына Ахмата — Геметь-царевича, к которому на помощь явился из Турции Саадет-Герай. Это было началом той борьбы между братьями, дядями, племянниками, которая ознаменовала и конец правления Мухаммед-Герая и годы после его смерти в 1523 году.

Таким образом, при первых Гераях мы видим в Крыму обычную феодальную борьбу, следствием которой и было рассеяние части членов ханского рода. Но за эту борьбу можно разглядеть и известный, освященный обычаями порядок отношений. В роде Гераев признавался принцип родового старшинства. Дядя, брат хана, считался старше племянников — его сыновей. Счет старшинства велся и в разросшемся роде, среди двоюродных братьев. Так, помогая московским дипломатам разобраться в этом счете, Менгли-Герай писал Ивану III: «Ябынча-царевич, два у меня сына, Магмет-Кирей да Ахмет-Кирей, от тех менши, а иных моих детей болши»¹¹³. Таким образом, старший сын брата Менгли-Герая — Ямгурчю считался ниже только двух первых сыновей хана.

Принцип старшинства определял и политические отношения среди ханского рода. Со времени Хаджи-Герая ханская власть в Крыму неизменно оставалась в руках Гераев. При жизни хан назначал своего преемника, калгу. Правильно решенный старыми историками — Карамзиным, Малиновским, Вельяминовым-Зерновым вопрос о происхождении звания и положении «калги» в Крыму был, к сожалению, запутан В. Д. Смирновым в его «Истории Крымского ханства». По мнению В. Д. Смирнова, Менгли-Герай ввел новое учреждение — сан калги, придумав и самый титул. Затем, вопреки традиции тюрков, в силу которой власть должна переходить к старшему в роде, Менгли-Герай хотел установить новый порядок, согласно которому власть от отца должна была переходить к старшему сыну. Поэтому он назначил калгою своего сына Мухаммед-Герая. Эта ошибка В. Д. Смирнова объясняется общею склонностью его опираться на восточные источники, в данном случае на показание Сейид-Мухаммед-Риза, который действительно, писал: «как только Менгли-Герай воссел на трон самостоя-

тельности, то одного из сыновей своих, Мухаммед-Герая отличил назначением его на должность калги, в смысле наследника престола»¹¹⁴. Но, во-первых, В. Д. Смирнову не удалось опровергнуть того, что звание калги отнюдь не крымского происхождения, что институт калги истари распространен у тюрков¹¹⁵. Во-вторых, и Менгли-Герай не отступил от общего обычая, и при нем калгою сначала был не сын Мухаммед-Герай, а брат хана—Ямгурчей, как это давно было указано Карамзиным и Малиновским¹¹⁶. Поэтому и подарки из Литвы царевич Ямгурчей получал в первую очередь после хана, и в шертных грамотах имя Ямгурчей ставилось тотчас после имени хана¹¹⁷. Точно также и при Мухаммед-Герее калгою был сначала его брат Ахмат и только потом сын — Богатырь-царевич.

Впрочем, вопреки освященному временем порядку, вместо официально признаваемого старшим калги на первое место после хана фактически выдвигался его старший сын. Противоречия между калгою и старшим сыном царя, повидимому, были неизбежны и иногда вызывали у племянника чувство неловкости по отношению к дяде. Так, прислав в 1491 году в Москву своего человека с грамотою, Мухаммед-Герай счел нужным извиниться за свой поступок, признавая, что ему «грамоты деи посылать непригож мимо дядя своего Ямгурчя»¹¹⁸. Московские дипломаты, может быть, и чересчур считались с реальными отношениями вместо родовой нормы, и Менгли-Герай был вынужден разъяснить (в 1504 году) Ивану III, что непосредственно за ханом следует брат его и калга Ямгурчей, «а менши его сын мой Махмет-Кирей». «Как нас видишь первыми очима, а брата бы еси моего Емгурчя также видел»¹¹⁹. Но Мухаммед-Герай затмевал своего дядю-калгу и в глазах близко стоявшей ко двору хана знати. Когда в 1508 году хан с царевичами, уланами и князьями давал «шерт» Василию III, то сообразно официальному старшинству в грамоте хана были названы последовательно Ямгурчей, Мухаммед-Герай и Ахмат-Герай царевичи. Но в представлении одновременно писавшего в Москву духовного лица — Баба-шиха эту шерт дал хан, и во главе царевичей Мухаммед-Герай¹²⁰. После смерти Ямгурчя (вскоре после 1509 года) Мухаммед-Герай стал калгою.

Те же противоречия и, более того, прямая вражда наблюдаются после 1515 года, когда ханом стал Мухаммед-Герай, между калгою Ахматом и старшим сыном царя Богатырем-царевичем. Но только открытое выступление Ахмат-салтана против царя было поводом к тому, чтобы лишить Ахмата звания калги и передать его Богатырь-царевичу. В обоих рассмотренных случаях, как видим, брату-малге, не удавалось стать ханом.

Мы видим, что каждый хан был окружен группой ближайшей родни — Гераев. Каждый из них назывался царевичем, салтаном. Крымский юрт был как бы общим достоянием рода, где каждый царевич имел свою долю улусов и ясаков. Улусами владели и царицы. Мы уже встретили орду и базар Нурун-царицы на Бешь-Тереке. Свой улус был и у вдовы Менгли-Герая — Нур-салтан царицы¹²¹.

Раздача, распределение улусов между членами рода зависело от хана. Настаивая в 1503 году на том, чтобы Иван III отпустил в Крым Абдыл-Летифа, пасынка Менгли-Герая, он писал: «бог нам дал, улусы у нас есть». В 1516 году требовал у царя себе улуса Алп-Герай. Когда хан отказал, царица Нур-салтан уступила свой улус внуку: «царю сказав, да свой улус ему дала». Таким образом, за царицей-вдовой признавалось право распорядиться своим улусом, но с ведома царя. При этом улус не вышел из рук рода Гераев. После смерти владельца улус снова поступал в распоряжение царя. Когда умер Бурнаш-царевич, Мухаммед-Герай пожаловал его местом и лодьями Богатырь-царевича¹²².

Помимо улусов царь распределял между членами своего рода ясаки. У Нур-салтан были ясаки, пожалованные ей мужем — Менгли-Гереем. Но Му-

хаммед-Герай иначе распорядился ими. Взяв у матери, он передал их все тому же Алп-царевичу, чтобы он отказался от своего плана похода на Москву¹²³.

Итак, Гераи — первая группа крымских феодалов, из которых у каждого было право на долю власти, улусов и доходов. Принцип старшинства должен был определять отношения между членами рода и степень прав каждого из них. Но этот принцип часто уступал место голой борьбе между Гераями. Победенные в ней и выброшенные за пределы Крыма отметались от юрта своего рода.

4. Двор и администрация хана

Как в орде и столице царя, так и в улусах старших царевичей, перед нами выступает двор, феодальная курия, с обычным штатом придворных чинов и членов администрации. Для ознакомления с составом двора и администрации ханов документы посольских дел являются важным и надежным источником. Административный строй татар, в частности Золотой орды, изучали прежде всего на основании ханских жалованных ярлыков, в которых приводится детальный перечень различных должностных лиц. Но, написанные по общему, и даже не татарскому, а обще-тюркскому шаблону, ярлыки не давали гарантии того, что отражаемый ими строй отвечал золотоордынской действительности. «Когда проф. И. Н. Березин, — писал Н. И. Веселовский, — задумал использовать ярлыки для своей диссертации «Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева», получилась работа далеко неудовлетворительная, потому что следовать за ярлыками без критики нельзя; требовалось произвести исследование; действительно ли существовали в Золотой орде все те подати, которые перечислялись в ярлыках, и существовали ли все те должности, которые упоминались в этих документах, или же там был, по преимуществу, набор слов¹²⁴.

Ту же опасность для исследователя представляют и ярлыки крымских ханов. Поэтому важно, что в дипломатических актах встречаются не только названия тех или иных придворных или административных должностей, но называются и лица, занимавшие их. Это гарантирует достоверность сведений актов. На основании только их указаний я и попытаюсь дать перечень придворных и административных чинов Крымского юрта на рубеже XVI века; считаясь с тем, что этот перечень может оказаться неполным.

В русских переводах ханских ярлыков встречаются обозначения: князи избные и надворные, слуги избные и надворные, внутренние и задворные слуги¹²⁵. Широкий термин «ичка» — слуга охватывал все категории чинов двора — от высших до низших. Часто «ички» — простые военные слуги, какие были у каждого царевича, князя, мурзы. С другой стороны, термин «ичка» прилагается и к князьям; таковы Карача-князь, Ибраим-князь и др. Князь Шыгалык, «большой временник» у царицы, тоже «ичка», старый, добрый и верный слуга¹²⁶.

В неоднородном круге придворных слуг главную массу составляли те, кого русские документы называют молодые «робята», «дворные паробки», «царевы дворяне»¹²⁷. Это — простые военные и дворцовые слуги царя, привыкшие получать подачки от хана, нередко проявлявшие своеволие. Для них ханы выговаривали «поминки» из Москвы и Литвы, за них ручались, что от них не будет «лиха» послам. Когда в 1474 году во время переворота и смены хана были арестованы русские купцы, помимо других денег с них взяли и 300 алтын выкупа для царевых дворян. На дворян возлагались различные поручения; нередко их посылали в качестве гонцов в Москву или в Литву¹²⁸.

Из этой группы слуг документы выделяют ясаулов. Ясаулы — прежде всего стража ханского дворца, его дверей. У этих дверей московские послы нередко сталкивались со своевольными ясаулами. По старому обычаю, они добивались у послов «посошной пошлины», но послам было строго запрещено давать ее. Так, в 1509 году в Перекопе, где хан в этот раз принял гонца, после того как лучшие князья по обычаю «карашевались» с гонцом в городских воротах, когда гонец, за которым несли поминки — «девяти», был уже у ханских дверей, ясаулы покидали ему под ноги посохи, требуя пошлины, но напрасно: гонец «через посохи перешел», сказав: «того не ведаю». Иначе было в 1516 году с послом Мамоновым. Ему «истома» у посоха была «не на мал час». И когда ясаулы отняли у упрямого посла вместо посошной пошлины мерена, царь приказал вернуть коня, но выдал из своей казны 50 алтын ясаулам, уступая старому обычаю¹²⁹. Как и другим дворянам, ясаулам давались те или иные поручения. Так, когда в 1501 году была назначена общая мобилизация, оповестить об ней было поручено двум ясаулам¹³⁰.

Из более важных чинов крымского двора известны конюший, сокольник, дворецкий. Долгое время при дворе Менгли-Герая и Мухаммед-Герая должность конюшего занимал князь Елюка (Юлюка, Юлеке) из рода Кипчаков. В 1521 году вместе с Сагиб-Гераем князь Елюка переехал в Казань. Оттуда он был отправлен послом в Москву, где был задержан Василием III и вскоре умер. Звание конюшего сохранялось за князем Елюкою до смерти. Но по отъезде Елюки в Казань, мы встречаем в Крыму при Саадет-Герее уже в 1523 году нового конюшего Али-бея. Определить круг ведомства конюшего по имеющимся материалам нельзя. Князь Елюка имел известный вес при дворе. В 1507 году он отправлял своего самостоятельно посланника к великому князю Литовскому. В 1516 году князь Елюка ездил сам в Литву в качестве царского посла. Аналогично было положение и Али-бея. В 1523 году жалованный ярлык Саадет-Герая его стрельцам был дан по докладу конюшего Али-бея¹³¹.

Мы знаем, что крымские ханы нередко посылали своих людей в Москву закупать северных кречетов или выпрашивали их у московских государей в подарок. Соколиная охота сильно интересовала ханский двор. Здесь тонко разбирались в птицах; кречет красный, белый, серый, кречет высокий, кречет-боец, «коё лебеди ловит», кречет-узорожье, кречеты-молодики, «которые не державаны», — каждый из них имел свою ценность в глазах ханов и их двора. Для соколиной охоты было создано особое ведомство. Во главе его стоял сокольник. Ему были подчинены рядовые кречетники, сокольники и паробки. В 1524 году ханским сокольником был князь Мамыш¹³².

Едва ли крупное положение при хане занимал Девлет-Кильдей, Бурчи-Барлышев сын, которого документы называют дворецким, старостою поварским и поваром. Девлет-Кильдей не княжеского рода; он — добрый человек, добрый и верный слуга. Так рекомендовал его хан, когда Девлет-Кильдей ехал в Москву в качестве гонца. Аналогичное положение занимает повар Гасан, о поминках для которого не раз просил хан Московского великого князя¹³³.

Неясно, какое положение занимал Григор сытник; «наш холоп» — как называет его Менгли-Герай; у сытника Григора князь М. Л. Глинский занимал 6000 алтын¹³⁴.

При дворе казанских царей этого же времени (1531 год) были ловчий и оружничий¹³⁵. Возможно, что те же должностные лица были и у крымских ханов.

Финансами Крымского хана ведали казначеи — «дуваны». Документы отличают старшего, «великого казначея» или «большого царского казна-

чая» от «меньших»¹³⁶. Были семьи, члены которых бывали ханскими дуванами по традиции. Так, казначей Ян-Чюра и Собак-дуван были братьями. Ян-дуван был сыном Оюз-дувана. Казначей Ян-Муш был сыном казначея Ян-Махмута; зять последнего — Ша-Ислам тоже был казначеем¹³⁷. На должность казначея ханы часто брали лиц из не-татарского населения Крыма. Так, Ша-Ислам был «жидовин»; Августин, на обязанности которого, по выражению грамоты, лежали скарбы и дела хана, — итальянец; Мусофей-дуван — «жидовин». «Коморником» царевым был и Янушко из Люблина, еще мальчишкой взятый в плен татарами и бывший «у хана в великой важе»¹³⁸.

Некоторые из казначеев пользовались большим влиянием у ханов. Таков был Ян-Махмут, которому от польского короля «бесчисленно поминков хаживало», чтобы он «королево слово доносил». Поэтому для московского великого князя Василия III было важно, когда Ян-Махмут его «дружбы похотел». Влиятельностью казначеев объясняется то, что со стороны и Литвы, и Москвы им постоянно присылались подарки. Так, в 1486 году из шести лиц, наиболее влиятельных в Крыму, «золотой» от московского князя получил Собак-дуван. В 1505 и 1508 годах великий князь литовский посылает «сукно» подскарбию Чабаку. Нередко казначеи присоединяли своих гонцов к царским послам и самостоятельно писали как московским, так и литовским великим князьям. Иногда казначеев отправляли послами¹³⁹.

Казначеи хранили казну хана. Я уже говорил, что главная казна находилась в Кыркоре. Именно казначеям московские послы передавали присланную из Москвы «помочь» казною, девятные и залпросные поминки, состоявшие обыкновенно из дорогих мехов, шуб, рыбьего зуба и т. п. По приказу царя казначей Ян-Махмут должен был расплатиться в Кыркоре с московским купцом, отдать долг, сделанный Ян-Чюрою дуваном, когда он был в Москве в качестве большого посла хана¹⁴⁰.

Когда в 1516 году царский пристав встречал «за Перекопью» московского посла, то при встрече был и царев дуван Ша-Ислам «о гостех», очевидно, ради торговых пошлин. Таможенные сборы были сдною из отраслей ведомства казначеев. Поэтому и в турецкой Кафе, где часть пошлин поступала в пользу крымского хана, мы встречаем дувана Мухаммед-Герая¹⁴¹.

Для рассматриваемого времени мне известны таможенные сборы в трех окраинных городах Крымского юрта: Перекопе, Очакове и Ислам-Кермене¹⁴². В 1500 году три наиболее крупных московских гостя, торговавших с Крымом, и дьяк Семен Башенин дали в Москве следующую справку о таможенных порядках в Крыму. Пошлины брались с русских купцов, когда они «подем» приходили в Крым. На царя бралась тамга по 7 денег со 100 и на ширинского князя с головы «по три алтыны без дву денег». «А иные пошлины с них нет никому ничего опроче того, что которой гость придет ко царю с честью, с поминком, или ко князю». При возвращении купцов никакой пошлины не полагалось. Если караван купцов приезжал в Крымское ханство через Кафу, то тамги не бралось, «а со всего каравана хозяин несет царю поминок — камку, куфтерь кафинскую, да зуфь, да ковер, да тясму, а князю несет то же». Таковы были крымские порядки. Но московские гости указывали на несправедливости и новости, появившиеся в последнее время. Несправедливостью было то, что таможенники облагали товар пошлиною «не по цене», оценивая его втрое выше, и помимо тамги стали брать сбор с «котла»¹⁴³ то однорядку, то однорядку и беличью шубу или же, кроме того, ковш, «став блюд». Новостью же была очаковская тамга, причем ее брали с купцов и в том случае, если они ехали в Крым не через Очаков, а старою дорогою от Таванского перевоза степью на Перекол¹⁴⁴.

Кроме проезжих пошлин в Крыму взималась «зауморщина», т. е. охранный пошлина за охрану имущества умершего иностранного купца. Иван III, повидимому, был неправ, когда писал в 1500 году Менгли-Герая: «наперед того в твоей земле зауморщина нашим людям не бывала». Еще до 1486 года, когда московский купец Иван Жеглов умер в Крыму, все его имущество было взято на хана. На требование Ивана III отдать взятый «живот» брату Жеглова, Менгли-Герай объяснял, что «живот» Жеглова взяли турецкие люди и его человек: «ино то у нас майтамал¹⁴⁵ идет; а то нам идет с турецким по половинам»¹⁴⁶. Таким образом, известную долю крымских пошлин получал султан так же, как хан получал долю пошлин в Кафе. Мы видим, что и в Крымском ханстве, как это бывало и в турецких городах, в таможенном деле царил произвол; брались лишние пошлины, а в случае смерти купца, не ограничиваясь охранной пошлиной, на царя забирали весь купеческий товар.

Характерно, что к делу сбора торговых пошлин привлекались купцы. Так, товар умершего Жеглова взял на царя Халель-ордобазарец, т. е. купец, выступающий в роли ханского зауморщика. Таков же был и тезик Хозя Махмет. Купцы нередко бывали торговыми агентами хана, возившими для продажи его «бологодеть» и закулавшими для него нужные товары. И Хозя-Махмет «здесе на тамги и на пошлины и на прибыточные дела нас крымским послом ехал в Москву, откуда должен был привезти, для хана и рыбьего зуба, и соболей, и кречетов. Упрашивая великого князя не задерживать Хозя Махмета в Москве, Менгли-Герай мотивировал это тем, что Хозя-Махмет «здесе на тамга и на пошлины и на прибыточные дела надобной человек»¹⁴⁷.

Повидимому, из купцов был и Синан-турчин, взимавший в 1500 году зауморщину в Очакове и через несколько лет выступающий как подскарбий и писарь царев, или казначей, по другому источнику. По отзыву Менгли-Герая в грамоте Василию III, Синан «мне, да и тебе, брату моему, много надобной человек, в твоём, брата моего, да и в моем счаску угодень и в потребах искусень человек». Искусень в потребах — обычное выражение XVI века; это — человек, умеющий найти и закупить нужный товар. Синан ведет торговые дела. В 1508 году он посылал в Москву трех своих холопов и с ними товара на 2.000 алтын. Синан охотно берется за торговые поручения. Собираясь в Мекку, он спрашивал Василия III, не надобно ли ему чего-либо в тех государствах: «что велишь, и мы тебе привезем». По поручению царя Синан ездил за море. Посылая своих людей в Москву, он и от хана получает 18 тысяч отманских денег, чтобы купить для него надобный товар. Все это дает основание видеть в Синане купца. Услуги Синана и его влияние при ханском дворе были признаны Василием III. Синан был известен и великому князю Александру, который не позабывал послать ему поминоков. С своей стороны, и Синан, вернувшись из-за моря, писал в своей грамоте Александру, что справил для него «поминки великие», но пока не пришел корабль, Синан ограничивался челобитьем и легким подарком¹⁴⁸.

Среди ханских таможенников мы встречаем и человека западной культуры, быть может, итальянца или поляка. Это — очаковский мытник в 1510 году — Яков. В своем письме Сигизмунду I он писал, что был христианином, но хан «обасурманил» его. Тяготясь своим положением, он просил Сигизмунда помочь ему выбраться из ханства, а писать ему по-латыни¹⁴⁹.

Рассматривая перечень чинов ханского дворца и администрации, мы видим, что часть должностных лиц, как-то конюший, сокольник, дворецкий и др., была связана с дворцовым хозяйством и личными потребностями хана, как это бывало при всех средневековых дворах. Более важные из этих

придворных получали поручения и общегосударственного порядка, обычно дипломатические. Другая часть чиновников хана, казначеи и таможенники, была связана с организацией ханских поборов, определявших хозяйством страны. Организация таможенного дела, с которой мы ознакомились, подчеркивает важность для Крымского государства транзитной торговли, не затрагивающей в сущности хозяйственных основ самого ханства. Целью проходивших через Крым купеческих караванов, шли ли они из Литвы или из Москвы, была Кафа и то «заморье» (Стамбул и Малая Азия), которое открывалось за нею. Северные товары, главным образом меха, лишь отчасти оседали на рынке Крымского ханства. Точно также на обратном пути караваны купцов вступали в пределы ханства с уже готовым грузом шелка и шелковых тканей, пряностей и красок, жемчуга и дорогих камней, которые везли дальше. Как мы видели, этот транзит был важен для царской казны и вызвал организацию таможенного дела, к которому были привлечены опытные купцы.

Но для ханской казны был важен и свой, крымский вывоз. Его предметом были невольники. На пошлины, получаемые ханом от торговли рабами, мне уже пришлось указать во второй главе.

На основных отраслях крымского хозяйства — скотоводстве и земледелии — базировались другие доходы Гераев. Подымная подать, ясак и калан¹⁵⁰, десятина с хлеба и скота, о которых говорят ханские ярлыки, — во те доходы, которые получали Гераи от своих улусов. Обязанности кормить проезжающих ханских послов, гонцов, слуг и других людей, снабжать их фуражем, давать волов и коней для их подвод ложились на все население ханства за исключением тех, кто получил от хана тарханную грамоту. Наконец, проезжие пошлины, связанные с внутренней торговлей, — «перевоз» и рыночные сборы, весовщина и мелкие сборы с продажи сафьяна, соли, кила, меди, краски, досок, хлеба и муки, осенних плодов на городских и улусных базарах — возвращают нас снова к ведомству таможенников¹⁵¹.

Разраставшийся круг дел молодого ханства требовал письменводства. Среди должностных лиц Крыма постоянно встречаются «афызы». Афыз — писец, «царев дьяк»; но он же может быть и приставом, и переводчиком. Афызов мы видим в составе посольств, которые отправляются в Литву или Москву, то в качестве секретарей, то переводчиков, то — даже «тетей», т. е. вторых послов¹⁵².

В самом Крыму афызов назначали для встречи иностранных послов и прикомандировывали к ним в качестве приставов. Так, в 1516 году на встречу послу Мамонову был выслан Азек-афыз с царскою грамотою, которую он и прочел, переводя ее на русский язык. В то же время Бетюка-афыз был назначен приставом при после. Из Кыркора он выехал навстречу Мамонову, за версту от Перекопа встретил его и остался при нем. В Перекопе Бетюка расставлял посольство по дворам, приходил передать послу «речи» царя. Пристав должен был защищать посла и от возможных обид¹⁵³.

Может быть, в начале XVI века еще не было строгого распределения секретарей-писцов по отдельным ведомствам, но некоторые указания на известную специализацию есть. В 1516 году «статки» умерших в Перекопе русских купцов забрал Еферь-афыз, царев дьяк и пошлинник. Тот же дьяк вместе с другими властями (кади, ага) опечатывал имущество умершего посла Мамонова. Это все обязанности ведомства казначея, к которому и мог принадлежать Еферь-афыз. В 1519 году младший казначей Ша-Ислам отправил в Москву со своею личною грамотою Шухум-афыза, вероятно, подчиненного ему секретаря¹⁵⁴. Грамота Саадет-Герая 1524 года называет «казенных писцов» Гулам-Али и Сулеймана, писца дворного Шах-Куллы, писца ордобазарского Асана¹⁵⁵. Это — все новые люди, может быть, прие-

хавшие с Саадет-Гераем из Турции. Но я не думаю, чтобы Саадет-Герай, всего несколько месяцев пробывший в Крыму, успел провести реформу и разграничить ведомства. Такое разграничение, повидимому, уже было раньше.

Особым должностным лицом был печатник (в 1508 году некто Кабак) и, может быть, дефтерник¹⁵⁶.

Близко к афызам стояли бакшей-переводчики. Между теми и другими, в сущности, нельзя провести разграничения. Одно и то же лицо могло быть и дьяком, и писцом, и переводчиком. Бакшей, так же как и афызы-дьяки, входили в состав посольств и иногда играли роль более значительную, чем простой переводчик. Так, вместе с московским дьяком Ф. Карповым никто иной как царев бакшей составлял и писал «шертную» запись, которую потом, как основной документ, хранили в Москве. Вместе с другими членами посольства и бакшей давал шерт «душою хана»¹⁵⁷.

Когда в 1518 году Мухаммед-Герай отправил в Москву в качестве переводчика Дану-афыза, крымский князь Аппак предупредил Василия III, чтобы он не равнял Дану с другими бакшеями, так как он — «царев паробок»¹⁵⁸. Следовательно, бакшей стояли ниже царевых дворян. У нас слишком мало данных для того, чтобы решить вопрос, из какой среды набирались ханские дьяки, писцы и переводчики. Но весьма вероятно, что они выходили из тех же городских классов, что и таможенники-купцы. Укажу, что переводчик и писец Касым был сыном известного нам купца Хозя Махмета¹⁵⁹. Может быть поэтому при поездках Касыма в Москву ему давались поручения купить то панцырь, то кречетов, то рыбьего зуба.

Среди казначеев и таможенников ханов мы уже встретили иноземцев. Естественно, что мы их найдем среди переводчиков и писцов. Таков был Ибре-хозя-турчин¹⁶⁰. Повидимому, случайно оказался в роли царского переводчика калужанин Потап Сабельников, читавший у царя литовские и волошские грамоты, но потом бежавший из Крыма¹⁶¹. Иноземцем был писарь царев Абрагим, после 1507 года перешедший на службу в Польшу¹⁶².

Некоторых иностранцев, поступивших на службу к хану, мы встречаем в более видной роли царских послов в Литве. Таковы итальянцы Августин Гарибальди, Ян Баптист, Винченци Зугульфи, сын известного Захария Гвизольфи—Патесплен фрязин¹⁶³. Посредничество итальянцев в сношениях Менгли-Герая с Литвою было настолько значительно, что в 1513 году свой «присяжный лист» Сигизмунд I написал по-русски и по-фряжски¹⁶⁴.

В канцелярском деле ханского двора еще много прорех; чувствуется неналаженность. Грамоты из Москвы в Крым приходилось писать и по-русски и по-татарски¹⁶⁵; это вызывалось малою опытностью крымских переводчиков. «Сказывают нам здесь, — писал Василий III князу Аппаку, — что у царя наши грамоты переводят молодые люди, и они нечто в той грамоте которое дело не сполна переведут, и нечто в том будет поруха цареву делу и нашему делу, и яз того для писал ко царю свои грамоты по-татарски, чтобы царю наши дела все сполна ведомы были». В 1515 году царица Нурсалтан просила писать ей по-татарски: «и ты к нам прислал хрестьянским писмом написав, и мы не добыли здесь, кому ее прочесть, и что еси в ней написал, и мы ничего твоего дела не ведаем»¹⁶⁶.

Царские чиновники иногда проявляли ничем неприкрытую дикость. Направлявшийся в Крым посол должен был быть готов столкнуться с примитивностью крымских понятий о посольской неприкосновенности. У посла могли угнать коня, силою отнять шубы и однорядки. Когда близкий к царскому двору Космак (впоследствии князь рода Кипчаков) с плетью гонялся на лошади за послом Мамоновым и с ножом в руках ломился в его дверь, пристав Бетюка не явился помочь послу, а наоборот, позже и сам грабил

посла. Впрочем, это делалось с ведома и попустительства хана и было одним из приемов дипломатического давления на посла¹⁶⁷.

В. Д. Смирнов в своей истории Крымского ханства писал, что при первых Гераях весь штат центрального ханского управления кочевал вместе с Ордою¹⁶⁸. Но несомненно, что известная доля должностных лиц должна была осесть в столице хана — Кыркоре (напомню, что там хранилась ханская казна). Помимо того в каждом городе хана мы встречаем и определенный штат местной администрации.

В Кыркоре, Перекопе, Очакове, Ислам-Кермене мы встречаем наместников хана. Старый Крым занимал особое положение: он был городом Ширинов. Наместничество в этих городах передавалось членам определенного рода, было как-бы прерогативой его. Так, в 1496 году наместником Кыркора был Мамыш-улан. В 1516 году здесь наместничал его сын Аппак. Документы, по имени города, называют его «Кыркорским» или «городным», т. е. князем ведающим Кыркорским замком. В 1524 году в Кыркоре Аппаков сын княжой Магмед-ага. Мамыш и его потомство принадлежали к роду Кипчаков¹⁶⁹.

Когда-то В. Х. Кондараки утверждал, что наместники Перекопа назначались из членов ханской фамилии и только в исключительных случаях допускались лица из первостатейных князей Ширинских¹⁷⁰. Но если так бывало в более поздние времена, то такой порядок сложился не сразу. В Перекопе при Менгли-Герее наместником был князь Халиль из рода Кипчаков. Значительно позже, в 1529 и 1530 годах, там был наместником Ибреим-паша—Кулоков сын, тоже Кипчак. Ибреим-паша писал в Москву о своем назначении, что Саадет-Герай «жалованье свое учинил, на перекопских воротех, всего Фарят-кермени города княженье дал мне, на Халилево на княжое место и останка его пошлину дал»¹⁷¹. В промежутке между Халилем и Ибреим-пашею Перекоп поручался как-то царевичу Ахмату. В 1531 году город на Перекопских воротах был отдан царевичу Девлет-Герая¹⁷². Итак, Перекоп бывал или в руках царевичей, или наместников Кипчаков¹⁷³.

В Очакове, прежде чем этот город в 1510 году был передан царевичу Мухаммед-Герая, наместником был князь Мусека, Кипчак¹⁷⁴.

В Ислам-Кермень вскоре после его основания был назначен князь Ад-Рахман. В 1550 годах литовские документы знают Ослам-керменского воеводу — князя Бийтак-Адрахмановича¹⁷⁵.

Доходы в перечисленных городах делились между царем и наместником. В 1517 году в Перекопе умер московский посол И. Мамонов. Наместником Перекопа был царевич Ахмат. Он предупредил членов посольства, что имущество Мамонова должно быть опечатано; «а мне взяти своя пошлина-кумартка»¹⁷⁶. Опечатать имущество посла вместе с местным кади, царским агою и дьяком царевич прислал и своего дьяка¹⁷⁷.

Назначенный в Перекоп Ибраим-паша, как мы видели, получает и пошлину «останка» князя Халиля, т. е. такую же долю пошрины, какую получал князь Халиль.

Установить весь штат царских чиновников каждого города невозможно. Наиболее полно они известны мне для Перекопа. Здесь мы уже видели кади, агу, царского дьяка. Несомненно здесь были и царские таможенники. В 1523 году в Перекопе встречается аминь и вообще приказные люди, всего около 200 человек. Здесь же были бешлеи, обязанностью которых было налагать железо и цепи на арестованных и стеречь их. При этом бешлеи получают пошлину, очевидно, аналогичную московскому пожелезному¹⁷⁸. В Кыркоре тоже был ага. В Ислам-Кермене в распоряжении Абды-Рахмана был бешлей, царев человек. Когда в 1525 году по приказу хана Саадет-Герая был арестован Сагиб-Герай, его отвезли в «Балыклею» ханские бешлеи, очевидно, бешлеи бывшие при орде царя. Здесь же на ханском ор-

добазаре нам известен и кади, которым был одно время мулла Нурадин¹⁷⁹. Можно думать, что в каждом городе, также как и в ханской орде, нитат должностных лиц был одинаков и достаточно многочислен.

В улусах старших царевичей мы находим в миниатюре такой же двор и такую же администрацию, как у царя. Возьмем два примера.

Своя орда и свои улусы были у калги Ахмата-царевича. Его юрт был у устья Днепра; центром юрта был Очаков. Сначала этот город в 1510 году Менгли-Герай отдал своему сыну (в это время уже калге) Мухаммед-Герая. Хан характеризовал Очаков этого времени как старый, разваленный город и собирался строить новый Очаков «в стрелище, где Буг в Днепр впал». Когда Мухаммед-Герай стал ханом, Очаковым стал владеть царевич Ахмат. Ахмат называл своими, т. е. входящими в его юрт, и белгородских казаков и, распоряжаясь ими, посылал их на Литву. Как мы видели, временно Мухаммед-Герай поручал Ахмату и Перекоп. Но своими местами для Ахмата были берега Днепра и Заднепровье. Недаром во время распри с царем Ахмат со всем своим двором перекочевал за Днепр¹⁸⁰.

«Уланы и князи есть, и добрые сеити есть, и избные и надворные добрые слуги у меня есть», так характеризовал свой двор Ахмат-царевич. У него — такие же приемы послов, как и у царя. В 1509 году, еще при жизни Менгли-Герая, Ахмат отказал в аудиенции московскому послу: «на корнюш не велел к себе ехати, челом ударить»¹⁸¹.

У царевича были свои казначеи-дуваны, свои писцы и переводчики, афызы и бакшеи. «Великий бакшей» Ази-Мендей достался ему, как писал Ахмат-салтан, от отца. Дуван царевича Олло-Бердей был сыном Лаим-Бердея, бывшего раньше (1501—1504 годы) дуваном Менгли-Герая¹⁸².

Те же уланы, князья и добрые слуги окружали и Богатыря-царевича. У него не было чего-либо похожего на юрт Ахмата. Повидимому, царевич почти постоянно был возле своего отца, хана. Но у Богатырь-салтана все же была своя орда и базар¹⁸³.

У Богатырь-салтана, как и у хана, был свой печатник. Запечатав раз свою грамоту печатью отца, царевич очел нужным объяснить Василию III: «да с моею печатью мой печатник на дело отъехал, и яз, отца своего печатью запечатав, послал есми». У Богатыря-царевича свой казначей, несколько писцов. Один из них — Олло-Бердей афыз, может быть, бывший казначей царевича Ахмата, в момент его опалы перешедший к Богатырь-царевичу¹⁸⁴.

Улусы и дворы менее значительных царевичей были мельче. Там все упрощалось. Но и у мелких салтанов был небольшой штат людей. Таков дуван Бучкак-салтана. Писцов-секретарей и казначеев мы видим и у крупных князей главных крымских родов¹⁸⁵. Так двор и администрация царя повторялись в миниатюре в улусах его вассалов.

5. Княжеские роды

Главные князья и мурзы Крыма принадлежали к немногим определенным родам. Старейшие из них давно обосновались в Крыму; они известны здесь уже в XIV веке. Какие из них занимали первое место в XVI столетии, на это нет единодушного ответа у историков Крымского ханства. У В. Д. Смирнова мы находим два противоречащих одно другому утверждения. Признавая старинным господствовавшим в Крыму род Яшлау, Смирнов писал: «позднее, со времени воцарения Гераев, род Яшлау был заслонен другими, каковы в особенности Ширин, Барын, Аргын и Седжеут, составлявшие ближайших сподвижников и опору новоявленной династии». Несколько дальше В. Д. Смирнов утверждал, что Сахыб-Герай к прежним древним родам — Ширин, Барын, Аргын и Кипчак — присовокупил пятый — Седжеут; сравнив в пра-

вах и привилегиях; он же возвысил и значение рода Мансур¹⁸⁶. Таким образом, перечень четырех главных родов Крыма у Смирнова не всегда один и тот же. Опираясь на «крымские дела», показания Герберштейна и Мухаммед-Риза, В. В. Вельяминов-Зернов признавал древнейшими главными родами Крыма Ширинов, Барынов, Аргынов и Кыпчаков¹⁸⁷. Нет сомнения, что на рубеже XVI века в представлении современников именно эти роды считались основными и главными. Когда пасынок Менгли-Герая—Абдыл-Летиф получил Касимов, он должен был дать обязательство не принимать людей от других московских служилых царевичей, но для Ширинов, Барынов, Аргынов и Кыпчаков было сделано исключение, так как это — крымские роды¹⁸⁸. В 1515 году, требуя подписи крымских феодалов под шертною грамотою, Василий III настаивал, чтобы были выделены по именам Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак, т. е. князья главных родов¹⁸⁹.

Князья четырех главных родов, как известно, назывались «карачи».

Институт карачей был общим явлением татарской жизни. Вельяминов-Зернов указывал, что и в Казани, и в Касимове, и в Сибири, и у ногаев главные князья назывались карачами. При этом, как правило, допускающее, впрочем, исключения, карачей бывало всюду четыре¹⁹⁰. Но карачи не все были равны по своему весу и значению. Литовские документы проводят разницу между карачами Крыма. Так, в 1496 году от великого князя были посланы подарки карачам и двум карачам меньшим, или в 1503 году двум карачам — князю Байрашу и князю Довлет-Бахты и двум «подлейшим карачом»¹⁹¹.

Первые двое карачей это — Ширин и Барын. Они считались выше других родов Крыма. «Изначала государские есмь два слуги — Шырын, а другой Барын», писал Василию III князь Довлет-Бахты¹⁹².

Ширины, как известно, занимали первое место среди князей Крыма. И так было не только в Крыму. Род Ширинов в XVI веке был рассеян по нескольким татарским царствам. Ширины были в Казани, придя туда, вероятно, вместе с Улу-Мухаммедом, и заняли там первое место¹⁹³. Первое место заняли Ширины и в Мещерском городке, к которому у Ширинов было особо ревнивое отношение. По преданию, когда-то именно Ширинами была покорена Мещера. В родословной князей Мещерских мы читаем, что «князь Ширинской Бахмет Усеинов сын пришел из большие орды в Мещеру и Мещеру воевал и засел ее»¹⁹⁴. В Касимове долгое время сидели крымские царевичи, окруженные вассалами и слугами, выходцами из Крыма. Крымские ханы привыкли смотреть на Касимов, как на свой юрт; «а из старины тот юрт наш», заявлял Мухаммед-Герай заменявшему посла, подъячому Мите Иванову¹⁹⁵. Поэтому, когда в 1512 году Василий III посадил в Касимове царевича Большой орды Шейх-Аулияра, а позже его сына Шигалея (Шах Али) это вызвало общее возмущение в Крыму. «Над Нур-Довлатовыми и над Касымовыми слугами на нашем юрте недруга нашего сына Шаг-Влияра, того ли тебе пригоже, взяв, держати?». Но активно выступили только Ширины, пойдя в поход на Мещеру. Но это не были действия, враждебные Москве. Война была начата только против чужого царевича, севшего на близком Ширинам юрте¹⁹⁶.

Отдельных Ширинов судьба могла закинуть и к заволжским ногаям, как это случилось с Бегишом (Бигиш) и сыном его Утешем, бежавшими из Казани когда был свергнут Алегам. Но за их судьбою следили из Крыма, и когда Утеш попал в руки московского князя, Менгли-Герай просил отпустить Утеша в Крым, где у него остались улусы и люди¹⁹⁷. Так мы видим, что несмотря на раскиданность по отдельным татарским царствам между всем родом Ширинов сохранялась известная связь, известное единство. Но основным гнездом, откуда распространился род Ширинов, был Крым.

Владения Ширинов в Крыму в более позднее время простирались, по словам В. Х. Кондараки, от Карасу-базара до Керчи; по Ф. Лашкову, они лежали подле Солхата, где и в конце XIX века находились родовые имения ширинских князей¹⁹⁸. Солхат, Старый Крым, и в начале XVI века был центром владений Ширинов. Когда послу Мамонову нужно было видеться с ширинским князем Агишем, Мамонов должен был ехать к нему в Старый Крым. Когда Мухаммед-Герай выдавал свою сестру за сына князя Агиша, свадьба была здесь же, в Старом Крыму. В 1531 году князь Бахтияр-Ширин приглашал сюда к себе Саадет-Герая: «зазвал к себе царя, а молвя, чтобы еси, государь, в своей отчине в Крыму побывал»¹⁹⁹. Здесь между Кафою и Старым Крымом мы встречаем улус Бахтияр-мурзы Ширина. Когда в 1502 году Менгли-Герай собирался в поход на Литву, он думал сначала поехать в Кафу, чтобы самому взять тот вспомогательный отряд, который должен был дать ему кафинский паша; «оттоле (т. е. по пути из Кафы), и своих людей Ширинов возму», говорил царь²⁰⁰.

Как мы видели, ширинский князь пользовался особой привилегией: он получал пошлины с проезжавших через ханство купеческих караванов²⁰¹. Кроме того князю ширинскому шло «жалованье», которое выплачивал ему кафинский дуван царя²⁰². Это была доля общих крымских доходов, ясаков, которую ширинский князь получал наравне с Гераями-царевичами.

Как военная сила, Ширины представляли собою нечто единое, выступали под общим стягом. Несколько позже, рассказывая о победе при Судьбищах в 1555 году, летопись пишет, что московские воеводы потоптали передовой полк царев, правую и левую руку и «знамя взяли ширинских князей»²⁰³. Подсчитывая свои силы и сопоставляя их с силами хана, ширинский князь Агиш писал: «правая оглобля — государь мой, царь, а левая оглобля — яз убогой и с братьею и з детми, тысяч нас с двадцать есть у государя, у Менгли-Гирея царя». Ширины иногда выступали самостоятельно, как единое целое, во внешних отношениях Крыма. В 1516 году Айдешка-мурза приезжал в Москву от ширинского юрта. О самостоятельном походе Ширинов на Мещерский городок уже говорилось выше²⁰⁴.

Независимые ширинские князья и при Менгли-Герее, и при его сыне часто занимали враждебную позицию по отношению к хану. «А с Ширины, государь, царь живет не гладко», доносил московский посол в 1491 году. «А с Ширины у него рознь велика пришла», читаем в посольском донесении 1519 года²⁰⁵.

Это были отголоски того времени, когда ширинские беи не раз решали судьбу ханского престола. Известна та поддержка, которую получил когда-то Улу-Мухаммед от ширинского князя Тэгене. После смерти Хаджи-Герая, по выражению В. Д. Смирнова, судьбою Крыма распоряжались Эминек, сын Тэгене, и Барын Абдул-л-Ла²⁰⁶. Эминек был главным руководителем переворота, направленного в пользу Джанибека. При нем главной силою в Крыму были князь Эминек и князь Абдула. Заключая договор с ханом, Иван III предписывал своему послу добиваться, чтобы «шерть дали» также Эминек и Абдула²⁰⁷. Позже с помощью того же Эминека Менгли-Герай снова занял крымский престол. В начале вторичного правления Менгли-Герая Эминек пользовался все тем же влиянием. Чтобы царь дал шертную грамоту или выступил против хана Ахмата—обо всем этом посол Ивана III должен был просить Эминека. По поводу всех вопросов, которые обсуждались и решались Менгли-Гереем и Иваном III, Иван писал Эминеку наряду с царем: «приказал ко мне царь с своими послы, да и ты—ко мне приказал», «царь пак ко мне приказал, да и ты», «а ты так же ко мне приказал». Известный союз 1480 года был, в сущности, заключен Иваном III не только с Менгли-Гереем, но и с Эминеком²⁰⁸. В это время и король Казимир обменивался грамотами с знаменитым ширинским князем, а крымский

посол в Вильно давал присягу королю от имени царя, Эминека и всех уланов и князей²⁰⁹. В 1482 году князь Эминек снова поднял борьбу против Менгли-Герая. Он «выбежал» из Крыма к «недругам» хана, т. е. сыновьям Ахмата, и «наводил» их на крымского царя. Но в 1483 году Эминек был снова в Крыму и, повидимому, снова в силе²¹⁰.

Измена Эминека не могла поколебать влияния Ширинов. В 1482 году (год измены) и в 1484 году (вероятно, после смерти Эминека) Эминека заменил его брат, Азика. В эти годы Иван III с просьбою «делать» у царя его «дело» обращается к Азике. К середине 80-х годов и Эминек, и Азика сошли со сцены. В 1486 году Иван III говорил о их «дружбе» с ним, как о прошлом²¹¹. Но то же влиятельное положение занял сын Эминека, Бараш. В 1486 году он, по московским сведениям, на Азикине месте²¹². При переломных первых людей Крыма имя князя Бараша и его брата Довлетека-мурзы ставилось сейчас же после имен царевичей²¹³. Стремясь в 1502 году во время трудной войны с Москвою к миру и союзу с Менгли-Гераем, великий князь литовский Александр, по словам московского посла, предлагал царю некоторые города и волости и «выход», неуплаченный за прежние годы; «а сверх того, что будет тебе, и царице твоей, и детям твоим, и твоим князем, Барашу и Довлетеку, колко тысяч рублей денег вперед выходу давати, и ты бы о том о всем написав, свою грамоту да прислал бы еси», писал Александр. Из всех крымских князей здесь выделены только Ширины, как участники в дележе выхода, наравне с Гераями. Характерно, что, посылая в 1496 году подарки в Крым, князь Александр назначал их прежде всего двум старшим карачам (князь Бараш был одним из них), потом Довлетеку-мурзе и, наконец, двум меньшим карачам²¹⁴. Так, ширинский большой мурза был поставлен выше князей Аргынов и Кипчаков. В 1492 году московскому послу К. Заболоцкому был дан наказ, если князя Бараша и Довлетека-мурзы не будет у царя, отвезти им их поминки; что же касается всех других князей, то к ним не ездить, а передать им поминки тогда, когда они будут у царя²¹⁵. Так оценивалось значение Бараша и Довлетека.

Вторым родом Крыма считались Барыны. По указанию Ф. Лашкова, позже их владения лежали в Карасубазарском каймаканстве²¹⁶. Возможно, что здесь располагались барыньские улусы и в XVI веке. Повидимому, на обратном пути от Старого Крыма эти улусы были повоены в 1491 году вторгшимися в Крым татарами Ших-Ахмата. Тот князь Абдула, который в 70-х годах XV века вместе с Эминекком распорядился крымским престолом, был главою Барынов. Но позже карачи Барыны вовсе не играли такой роли, как ширинские князья. После 1477 года имя князя Абдулы не встречается в источниках. Его место занял его брат Казый. Несколько позже карачею и князем Барынов стал сын Казыя — Довлет-Бахты. Но соседи Крыма не считались так с Довлет-Бахты, как с князьями Ширинами. «Шырыну от тебя ежегодов твой легкий поминонок, тяжелой поклон ходил, а яз убогой твоего жалованья не видал», писал в 1516 году Довлет-Бахты Василию III²¹⁷.

Кроме Ширинов и Барынов в начале XVI века известны в Крыму роды Аргынов, Кипчаков, Седжеутов, Коуратов, Киятов. Некоторые из них очень древни; их знают самые старинные предания монголов (Барыны, Аргыны, Коураты, Кияты). Но ни один из этих родов не мог равняться с Ширинами и Барынами. Правда, на видных местах при ханском дворе и в ханской администрации мы постоянно видим представителей рода Кипчаков. Но их значение не вытекает из силы их независимых улусов, как у Ширинов. Значение этих Кипчаков определяется их службою у хана; это были не улусные, а служебные князья.

Названные роды также как и Ширины не сосредоточивались целиком в Крыму. По наблюдениям Вельяминова-Зернова, Барыны, Аргыны и Кипча-

ки были в Казани, Аргыны и Кипчаки — в Касимове²¹⁸. Что же касается Киятов, то они и не считались крымским родом; они считались родом Большой орды. В Крыму была только ветвь этого разделившегося рода, когда князь Лекса, от которого пошли Глинские, ушел в Литву, а князь Скидерь покочевал в Перекоп²¹⁹. Связи с Большой ордой крымских Киятов еще дают себя знать в начале XVI века. В 1515 году посол Василий Коробов захватил на Дону татарина Карачюру Абдулина. Выяснилось, что Карачюра служит крымскому Алп-царевичу, а родом Кият Большой орды. Пять лет тому назад Карчюра овдовел, ушел из Крыма жениться в ногаи и с тех пор не был в Крыму. Может быть в этом желании Карачюры найти жену в ногаях сказываются старые привычные связи Киятов²²⁰.

Я не касался до сих пор одного из княжеских родов — рода Мангитов. Этот тоже древний род, так же как и Кияты, был родом из Большой Орды и так же как Кияты появился в Крыму позже других родов. Но явившиеся в Крым Мангиты считались таким же важным родом, как Ширины и силою и влиянием стали соперничать с ними. Это определялось всем историческим прошлым Мангитов.

Известна тесная связь между Мангитами и ногаями. В представлениях авторов-современников ногайские степи — кочевья Мангитов, именно там находится Мангитский юрт, там правят Мангитские князья²²¹. Ногайские князья были старшею ветвью поколения Едигея, от которого шли и Мангиты; крымские Мангиты были младшею ветвью того же рода²²².

В 70—80 и 90 годах XV века Мангиты были важною составною частью Большой орды. В это время исключительное положение в Орде, аналогичное положению князя Эминека в Крыму, занимал Мангит — князь Темир, сын Тенсобуя. Как Иван III искал поддержки своей политике у Эминека, так король Казимир IV обращался за помощью к Темиру. Стараясь в 1471 году поднять на Москву Большую орду, Казимир обращался к царю Ахмату, князю Темиру и прочим князьям²²³. Точно также после смерти Ахмата вопросы о выступлении Большой орды в поход решались двумя царями — сыновьями Ахмата, и Темиром²²⁴.

Князья Мангиты смотрели на московских князей как на таких же как и они улусников хана, и считались с ними старшинством. Князь Темир называл Ивана III сыном, а он его — отцом. Племянник Темира — Янкуват просил, чтобы Иван III сосчитался с ним годами; «будет он меня старше, и он мне большой брат; и яз его моложе, ино яз меньшей брат». Братом и называл себя Янкуват в письмах Ивану III²²⁵.

Янкуват жил в Крымской орде. Около 1485 года Менгли-Герай женился на дочери Темира — Нур-салтан, вдове Казанского царя Ибрагима. Повидимому, с этого времени Янкуват занял видное положение в Крыму. Ему посылались из Москвы в «поминок» те же золотые, что Ширинам — Барашу и Довлетеку; ему посылались грамоты того же содержания, что и ширинским князьям; с одними и теми же приветственными речами послы должны были обращаться как к первым из Ширинов, так и к Янкувату: «а Довлетеку мурзе, Еменекову сыну, да и Янкувату та ж речь молвити, что и Барашу князю». В 1488 году Янкуват отъехал к Ших-Ахмату на юрт дяди Темира, но в 1490 году вернулся в Крым и занял прежнее положение. В следующем году на дочери Янкувата женился царевич Ямгурчей²²⁶.

Но родственные связи крымских ханов с Мангитами не мешали Мангитам Большой орды стоять во главе ее борьбы с Крымом. В 90-х годах главным князем Большой орды был брат Темира — Азика. В 1491 году от имени царей — Седихмата и Ших-Ахмата, Мангита Азики, всех карачей и добрых людей был заключен мир с Менгли-Гераем. Но осенью этого же года Азика уже разорял крымские улусы в самом Крыму²²⁷. Впрочем, Большая орда была накануне гибели. Мангитам приходилось разделять с царями

превратности судьбы. Через три года после того, как он разорял Крым, князь Азика был изгнан из Большой орды вместе с царем Муртозою. В 1501 году мы встречаем Муртозу и Азику в Тюмени на Тереке. В 1502 году Азика просил Ивана III взять его к себе, чтобы, служа великому князю, Азика мог в то же время «доставать» свой юрт. Эта просьба была безуспешна. Точно также и Менгли-Герай не принял Азику, когда в 1504 году он делал попытку перейти к нему, хотя Азика и надел на себя личину смирения и уверял: «Яз не на княжение сюда приехал». Но без ведома отца Азику взял к себе царевич Ахмат. И вскоре Азика занял первое место среди крымских князей²²⁸.

Изгнание Азики не поколебало положения Мангитов в Большой орде. После переворота 1494 года занял место Азики и стал первым лицом в Орде князь Тевекель, сын Темира и брат царицы Нур-салтан. Это были годы союза волжских царей с Литвою. В сношениях и переписке Орды с литовским князем Тевекель играл видную роль. Он же руководил и борьбою Большой орды с Крымом. Так продолжалось до распада Орды в первые годы XVI века.

Этот распад ознаменовался, между прочим, отъездом ряда феодалов в Крым, иногда с целыми улусами, а также переходом в Крым отдельных групп татар. Так, в 1500 году пришел из Орды к Менгли-Герая Ебагулан с братом, Ченбулатом—улановы дети, и Кирей Менглишиков сын—Китай; с ними пришло с три тысячи душ, «а голодны и наги добре». Летом 1501 года Менгли-Герай ждал, что будет много перебежчиков из Орды: «чае меж их коромолы и людей к себе от них чае», писал в Москву посол И. Мамонов. В конце того же года Мамонов доносил: «безконны добре, а сказывают и охудали и кочуют на рознь: к Менли-Гирею царю и ныне, по Веденьеве дни, пришли из Орды пеши человек с пятьдесят, иные и с женами пришли». В мае 1502 года Менгли-Герай писал в Москву: «от нашего недруга, от Шиг-Ахметя царя, много добрых людей отстав, к нам перешли». По донесению посла Заболоцкого, от Ших-Ахмата отступили целые улусы. Выступив в этом году в поход, Менгли-Герай встретил на Кобыльей воде улус Большой орды: «а идет тот улус в Перекоп». Наконец, приехавший 28 июня из Крыма в Москву посол Ф. Киселев привез весть, что Менгли-Герай взял Орду и все улусы Ших-Ахмата и направил Орду в Перекоп²²⁹.

Для Ших-Ахмата и Тевекеля пришло время скитаний. «Как Менгли-Гирей царь взял Орду, и мы от тех мест ходили на поле казаком», так позже писал о себе Тевекель. Как Ших-Ахмат в конце концов нашел убежище в Литве, так и Тевекель прибился в Крым. Это было весною 1503 года, когда Тевекель приехал «служити» Менгли-Герая. «Лихо есмя промеж себя покинули и душу есмя свою под одну грудь положили», так писал о своем примирении с Тевекелем Менгли-Герай. Хан пожаловал Тевекелю место, волости и базар его отца. Это было возможно, так как и улусы Темира теперь могли быть в Крымском юрте²³⁰.

После 1502 года в Крымском юрте было не мало «ординских людей». Уже в 1503 году Иван III советовал Менгли-Герая использовать их для борьбы с Литвою, уверяя, что от них нечего ждать крамолы. Нам понятно, что, заключая в 1506 году мир с великим князем Александром, Менгли-Герай мог дать ему клятву от имени всех людей обеих орд — Перекопской и Заволжской, которые подданы хану, и что послом, дававшим эту клятву, был князь Тевекель. Понятно почему, перечисляя в 1516 году своих князей и слуг, Мухаммед-Герай писал, что помимо старых слуг у него «Ординского юрта, да и Ногайского уланы, и князи, и мурзы, и добрые люди—мои холопы и слуги»²³¹.

С этого времени мы встречаем в Крыму многочисленных представителей рода Мангитов, позже получивших название Мансуровых. Опираясь на свои улусы, которые в общем держались за Перекопом, на Днепре, а главное на свое общее значение в татарском мире, Мангиты становились так же сильны, как они были в Большой орде и в Крыму. За первое место в рядах князей они вступили в борьбу с Ширинами. Следуя указанию Мухамед-Риза, выдвижение Мансуров (Мангитов) и Седжеутов обыкновенно относят ко времени Сагиб-Герая²³², но это выдвижение подготовлялось раньше.

Как видим, состав княжеских родов в Крыму в начале XVI века далеко еще не определился. Помимо старых, один за другим в Крым вливались представители новых родов, притекавших из других татарских орд. Одни из этих родов были хотя и древни, но не так значительны (Кияты, явившиеся в Крым раньше рассматриваемого времени), другие (Мангиты) сразу заняли выдающееся положение, опираясь на свое прошлое. Говоря о притоке в Крым представителей новых княжеских родов, я должен подчеркнуть, что это не было переселением целого рода. Как основные крымские роды не замыкались в пределах только Крымского юрта, так Киятов и Мангитов мы встречаем одновременно в различных татарских царствах (Мангиты заняли выдающееся положение и в Казани)²³⁴. Таким образом, говоря о крымских княжеских родах, мы не должны забывать, что в то же время это были и обще-татарские роды, растекшиеся по отдельным ордам и служившие живою связью между ними.

6. Князя и хан

Внутренняя спайка татарского княжеского рода нашла яркое выражение в обращенных к великому князю Василию III словах ногайских мурз, двух из семнадцати сыновей князя Мусы, происходившего по старшей линии от известного мурзы Эдигея: «А от Мусиных от семнадцати сынов лиха тебе не будет,—писал Василию III Шийдяк-мурза,— а будет от большие моее братии твоей земли которое лихо, и мы о тех гораздо бием челом; а будет от меньше моее братии твоей земли которое лихо, и мы их уйдем». «Мы у того мурзы,—писал Мамай-мурза о старшем брате,— и хопи и братия»²³⁵.

Известное единство и сплоченность мы видели и у крымских княжеских родов, особенно у Ширинов. Во главе каждого княжеского рода стоял старший в роде, большой князь. Наблюдения над чередованием этих князей у Ширинов помогают нам представить себе ту последовательность, с которою старшие в роде мурзы выдвигались и получали звание князя. Как мы знаем, после князя Эминека на его место выдвинулся его брат Азика. Дальше «на Азикине месте» мы видим сына Эминека—Бараша. После Бараша звание князя получил другой сын Эминека—мурза Довлетек. После смерти Довлетека в 1508 году князем ширинов стал Агиш. Его отец, брат Эминека и Азики, сын князя Тэгене—Кочек мурза так и оставался мурзою, т. е. княжеским сыном, до конца жизни. Агиш в молодости, «в робятах», был паробком Менгли-Герая, т. е. служил при его дворе. Теперь Менгли-Герай пожаловал его и «учинил» князем на юрте его отца²³⁶. О своем отношении к своему предшественнику Довлетеку Агиш так говорил в письме Василию III: «Тегинины дети ровны есмь, Довлетек князь толко меня четьрма лети постарее»²³⁷.

Эта история смены ширинских князей приводит к двум наблюдениям, из которых первое нуждается, впрочем, в дальнейшей проверке. Звание старшего князя переходило не от отца к сыну, а от старшего к следующему за ним брату, т. е. и здесь мы встречаем тот же принцип, какой при-

знавался и в роде Гераев. Третий брат не пользовался ни правами, ни положением двух первых. И в семье Гераев Менгли-Герай выделял только Мухаммед и Ахмат-салтана, а Мухаммед-Герай — Богатырь и Алп царевичей. Напомню, что племянник Менгли-Герая — царевич Ябунчи, сын Ямгурчя, считался ниже только двух старших сыновей хана. Подобный же переход звания князя был и у Мангигов, когда они были еще в Большой орде: на первом месте был князь Темир, потом его брат Азика и наконец сын Темира — Тевекель. У Барынов также после Абдулы был князем его брат Казый. После смерти сына Казыя — Довлет-Бахты звание князя получил второй сын Казыя — Исенек. Но если третий брат сам не становился родовым князем, сын его, как мы видели на примере князя Агиша, это звание получить мог. Свое пожалование Агиш объяснял простым своим старшинством по возрасту в княжеской семье Тэгене. «В Ширинех старой есми, и выслуга твоя пришла, молвил (разумеется, Менгли-Герай), и меня убогого князем учинил». Новый князь — Агиш, в противоположность прежним, был не из богатой отрасли рода. «А какова у старых князей казна была, такой казны у нас нет», писал Агиш Василию III, выпрашивая у него денег²³⁸.

Второе, что мы видим в приведенных примерах, это то, что в звании князя, т. е. первого в том или другом роде, утверждает хан: он «жалует князем». «Меня бог князем учинил, да Менгли-Гирей царь князем учинил», говорил Агиш. Также в 1526 году Саадет-Герай пожаловал звание князя сыну Довлотека — Бахтыяр-мурзе: «и на отца нашего месте, на Девлетекве княжом, — писал Бахтыяр, — на Ширинском юрте великим князем нас учинил». Также был пожалован и брат Довлет Бахты Барина, Исенек: «и царь мне молвил — слуга еси и карача мой, отца моего и брата моего местом меня пожаловал»²³⁹.

Едва ли при пожаловании кого либо званием князя ханы всегда строго придерживались принципов родового старшинства. Я думаю, что назначение князем Агиша, происходившего от третьего сына Тэгенэ, не вытекало из этих принципов. Князь Агиш писал, что при его назначении была принята во внимание и его «выслуга», т. е. служба и преданность хану. Политические расчеты здесь также имели место, особенно в разгар усобиц Гераев, в моменты напряженной борьбы, когда важно было снять врага и на его место поставить друга, когда сами князья и мурзы разделялись между враждующими сторонами.

Утверждение ханом родового князя являлось обычным правом сеньера утверждать наследника умершего вассала в наследовании его прав и владений. В этом утверждении проявлялась и юридическая и фактическая зависимость родовых князей от хана.

Рядом со старшим родовым князем встречаются и другие князья, принадлежащие к тому же роду. Так, среди Ширинов рядом с их большими князьями были князь Бостай, князь Ебелек; у Кипчаков рядом с родовым князем Магмудом — князь Халель, Алпак, никогда не занимавшие видного места в своем роде. Впрочем, некоторые из них были, повидимому, не родовыми, а служебными князьями.

В их лице мы встречаем другой принцип выдвижения феодалов. В старшинстве служилые князья принадлежали к тем же княжеским родам, но их значение определялось близостью ко двору, службою хану. Если сила ширинских князей определялась силой их улусов, бывших основой их независимости от ханов, то рядом образовывалась особая группа служилых князей, принципиально отличных от князей родовых.

Звание князя хан мог пожаловать за придворную службу. Некоторые должности в ханской администрации давали сами по себе право называться князем. Наиболее важным было звание первого князя Орды.

Понятие и звание первого князя или второго лица в государстве после государя очень древне у народов Востока²⁴⁰.

Это понятие мы встречаем и повсюду у татар. Киракос Гандзакечи писал, что когда Менгу-хан утвердил за Сартаком, сыном Бату, власть его отца, он дал ему право называться вторым в царстве²⁴¹. Опираясь на Вассафа, Гаммер-Пургшталь указывал, что вообще у татар «первый из придворных князей назывался князем князей»²⁴². Звание первого князя несомненно было в Золотой орде. Говоря об «ординских» князьях, летопись часто называет их великими. Но иногда в выражении летописи «большей князь надо всеми князи во Орде» проскальзывает неясное указание на официальное положение такого князя. Таким «большим князем» был известный Едигей, «князь велики Ординский», он «вяше» всех князей ординских один держал все царство ординское и по своей воле ставил царей²⁴³.

Напомню, что князь Едигей был родоначальником Мангитов. Это положение первого князя удерживалось в роде Едигея. Таким же большим князем ординским был сын его Мансур. Таким же был, как мы видели, правнук Едигея — Темир. Говоря в письме к Казимиру IV о своем положении в Орде, Темир объяснял ему: «с приращения царов слуга есть, от предков царей Альчиново место есть, великий человек есть». «Альчиново место» и есть то первое место, которое так возвеличивало Темира²⁴⁴. Таким же великим князем был сын Темира — Тевекель. Царь, калга и великий князь — таково было представление современников о составе носителей верховной власти в Орде. «А на царстве, государь, нынеча Ших-Ахмет, — писал в 1500 году из Крыма московский посол князь И. Кубенский, — а калга Хозяк-салтан, Ахматов же сын, а князь — Тевекель, Темирев сын»²⁴⁵.

То же звание мы встречаем и в Крыму. Когда Азика-Мангит перебрался в Крым, он, по его словам, получил от Менгли-Герая звание «великого князя». «И волной человек, Менгли-Гирей царь пожаловал, — великой царь Тактымыш яз буду, а великим князем ты будешь, молвил был»; «как Темир-Кутлу яз царь буду, а великим князем ты буди». Это звание великого князя было подтверждено для Азики и Мухаммед-Гераем после смерти отца. В словах князя Азики мы встречаем характерные сопоставления с прошлым Золотой орды, где Едигей и другие Мангиты занимали первое место: «Как отец твой был князь великий, ты буди», сказал, по словам Азики, ему Мухаммед-Герай²⁴⁶. Таким образом, звание первого князя связывалось с традицией Золотой орды, где оно укрепилось за князьями-Мангитами.

Объясняя свое положение, князь Азика писал, что он занял место князя Айдара, что ему та же мера, что «боле великого князя нет»²⁴⁷. Место Айдара (я думаю — не легендарного) — то же, что Альчиново место в Золотой орде. «Айдарово место» и раньше встречается в документах, относящихся к Крыму. Когда в 1492 или 1493 году князь Сюлемен Коурат женился на одной из царевен, Менгли-Герай дал ему Айдарово княжое место. И позже, в 1526 году, князь Шахман Мангит писал Василию III: «великие орды великий царь, брат твой Саадет-Гирей царь на Айдарове меня княжом месте великим князем учинил»²⁴⁸.

Положение князя на Айдарове месте было в Крыму положением близкого к царю царедворца. Именно тем, что он занял это положение, князь Азика объяснял и свою осведомленность о делах государства и возможность влиять на хана. «И ныне Магмед-Гирей царь пожаловал тем же княженьем, — писал Азика Василию III, — смотри — яз твое око, а слыши — и яз твое ухо... А твое царю какво печалованье будет, и мы царю о тебе ради печаловати, как о себе»²⁴⁹. Так ли велики были сила и влияние князя Азики как он говорит, из документов не видно. Но в одном случае

мы встречаем великого князя в его практической деятельности. Когда люди мурзы Янкувата-Мангита, царского шурина, ограбили московского гонца Кадыша, он подал иск Сюлемену Коурату, великому князю. Но решение по иску вынес не великий князь, а сам хан, который не велел «доправить» ограбленное на людях Янкувата²⁵⁰. Таким образом, судебная жалоба на имя царя шла через великого князя. В данном случае он был тем оком и ухом государя, о которых говорил князь Азика.

Великий князь получал право и на определенные доходы. Поясняя в 1519 году, что хотя его место и не таково, чтобы кун ему не добыть, князь Азика говорил в грамоте Василию III, что поминки все-таки должны присылаться — две части царю, а одна часть ему, что так из старины бывало. Эти притязания также опирались на золотоордынские традиции. Когда в Большой орде великим князем был Темир, он тоже писал великому князю Казимиру, что когда его отцы и дяди служили царям, то цари брали себе две доли поминков, а третью отдавали нашим отцам и дядям. «А меня самого, — продолжал Темир, — как цара видь, с приречения царов слуга есть», и требовал, чтобы ему присылалось столько же поминков, сколько каждому из царей (царей тогда было двое)²⁵¹. Этот порядок князь Азика думал перенести и в Крым и, повидимому, не безуспешно. Позже, в 1528 году хан Саадет-Герай просил Василия III присылать обычную мангитову княжью пошлину²⁵². Эта пошлина была, повидимому, повсеместною привилегией князей Мангитов. Несколько позже мангитское место и доходы мы встречаем в Казани. Так, в 1551 году царь Сафа-Герай предлагал ногайскому мурзе Юнусу быть князем на мангитском месте и обещал дать ему мангитские доходы (Ногайские мурзы тоже происходили от Едигея). Перед завоеванием Казани, в июле 1552 года, и Иван IV пытался привлечь на свою сторону Юнус-мурзу — не даром «мангитская» рать ногаев насчитывала 100.000 человек — и тоже давал ему широкие обещания. «А хотели есмь тебя юртом устроити по тому же, как были прежде сего в Казани Мангитцкие князья»²⁵³.

Теперь нам становится яснее, почему появление в Крыму крупных князей Мангитов угрожало влиянию Ширинов.

Великий князь по своему положению царедворца сближается с избными, надворными, ординскими и городовыми князьями. В их лице мы встречаем ту группу крымских феодалов, которые были непосредственно связаны с ханом службою при его дворе, в его войске и администрации. Документы не противопоставляют друг другу отдельные подгруппы этих князей, и я думаю, что между понятиями князь избный, надворный, ординский не было, по существу, разницы. Главный вид их службы была служба военная в собственной армии хана. Это были те князья, которых одна из литовских грамот назвала «полковыми»²⁵⁴. Мы знаем, что «двор хана» это гвардия его. Орду тоже можно рассматривать как известную боевую единицу. Во главе частей ее и могли стоять полковые; ординские князья также, как многочисленные уланы командовали ханскими конными отрядами; к ним еще применялся старинный монгольский термин — уланы правой и левой руки²⁵⁵.

Таковыми же служебными ханскими князьями были, как мы видели, и наместники ханских городов: городской Кыркорский князь, князь Феррах-Керменский, князь Ислам-Керменский. Рядом с ними можно поставить и ордобазарского князя, стоявшего во главе ордобазара на правах ханского наместника²⁵⁶. Всех этих князей хан включает в список своих «ичек», слуг наравне с сокольником, поваром и дуванами²⁵⁷.

Мы видели, что должность наместника того или другого города, а вместе и звание князя, часто передавалась членам одной и той же семьи, что служба в ханской администрации стала их традицией, что, почти как пра-

вило, это были Кипчаки. Помимо Кипчаков, на ханской службе среди ординских князей было не мало и недавних пришельцев в Крым Мангитов²⁵⁸.

К служебным ханским князьям я отнесу и поступивших на ханскую службу князей-итальянцев Гвизольфи. Среди лиц, которым посылались в 1504 и 1505 годах подарки из Литвы, был князь Захарья. Его сын мурза Вицент или Вицентий был членом крымских посольств в Литву в 1505 и 1507 годах. Когда Вицент был отправлен послом в 1521 году, он уже был князем²⁵⁹. Итальянские князья, как видим, подчинились татарскому порядку. Сын князя при его жизни назывался только мурзою и князем становился лишь после смерти отца.

Среди близких к ханскому двору феодалов было и высшее духовенство Крыма—сеиты, богомольцы царя. Известен тот почет, которым повсюду окружалось высшее мусульманское духовенство. Почетом и влиянием пользовалось оно и в Крыму. Во главе духовенства стоял главный сеит, «большой молла, над всеми моллами старший», по выражению московских грамот. Он же был и «кадый большой», тогда как простые «моллы» были обычными судьями²⁶⁰. Сеиту, как и крупным князьям, присылались подарки из Литвы и Москвы. Он самостоятельно переписывался как с литовским, так и московским государем. Представители высшего духовенства ездили послами от хана, были его советниками. Таков был Абдыл-Авель-ших — слуга хана, его «великий человек».

Детали переговоров между московскими государями и крымскими ханами о союзах и самый порядок заключения союза позволяют нам еще раз проследить состав главных феодалов Крыма.

Обычное требование московских государей заключалось в том, чтобы помимо царя «шерть» была дана: 1) царевичами, братьями и сыновьями хана, 2) сеитами, 3) уланами и 4) князьями²⁶¹. В 1508 году «роту и правду учинили»: 1) царевичи Ямгурчей, Мухаммед-Герай и Ахмат-Герай в головах и все царевичи, 2) Баба-ших и все сеиты и муллы, 3) останочный Кият Сакал князь, Мамыш-улан в головах и уланы и князья, 4) Мангит князь Тевекель, Седжеут князь Мамыш, Коурат князь Сюлемен в головах и уланы, князи и воеводы, 5) князь Ширин Агиш, Барын Девлет князь (Довлет-Бахты), Аргын Мардан князь, Кыпчак Магмуд князь в головах и «воеводы князи» и ички князей и мурзы²⁶².

Первая группа ясна. Из всех царевичей выделены и поставлены во главе брат хана и калга Ямгурчей и два старших сына царя по обычному принципу. Вторая группа — духовенство. Поставленный во главе ее Баба-ших, в течение многих лет «пошлый богомолец» Менгли-Герая, как старший принес присягу во главе сеитов и мулл. Во главе уланов и князей третьей группы поставлены князь Сакал и Мамыш-улан²⁶³. Положение князя Сакала мне не удалось определить; его имя не встречается больше в источниках. Мамыш-улан более известное лицо. За 24 года до «шерти» 1508 года, в 1484 году Мамыш-улан ездил в качестве посла в Москву. В 1496 году он был наместником Кыркора. В 1502-году ему было дано «большее Кагалгын место». Термин «калга» — заместитель, наследник, — как указывает В. И. Смирнов, имел и другие формы — каглыгай, кагалгай, кагылгай²⁶⁴. Таким образом, в 1502 году Мамыш-улан получил звание заместителя какого-то важного места, как я думаю, места старшего улана. В 1507 году Мамыш-улан ездил как посол в Литву. Таким образом, в 1508 году Мамыш был старым уланом, насчитывавшим не один десяток лет службы, во время которой он и занимал важные посты и выполнял ответственные поручения. В этом году Мамыш-улан занимал, надо полагать, положение старшего улана. Другой старый улан, служивший еще в 1498 году Менгли-Гераю—Девлет, в 1516 году был тетем и калгою Мамыш-улана, т. е. вторым лицом после него и наследником его положения или должности²⁶⁵. Выражение «калга»

и позволяет думать, что Мамыш был первым из уланов хана и поэтому и присягал во главе их. По аналогии с Мамышем, я думаю, что среди служилых князей такое же положение занимал Сакал-князь.

Пятая группа это четыре карачи, за которыми стоят князья и мурзы четырех первых княжеских родов — Ширинов, Барынов, Аргынов и Кипчаков. Важность мнения князей-карачей и необходимость их согласия на то или другое решение были подчеркнуты Мухаммед-Гераем в 1517 году, когда не состоялся намечавшийся союз с Москвою: «И Шырын, и Аргын, и Барын, и Кипчак карачи князи наши в головах и все уланы и князи роты и правды не учинили»²⁶⁶. Князей Сакала, Тевекеля, Мамыша и Сюлемена можно было бы рассматривать, как представителей родов Киятов, Мангитов, Седжеутов и Коуратов. Но нет данных для того, чтобы решить, приносили ли они «шерть» как родовые князья или как люди близкие хану, его родня и его служебные князья.

В грамоте царевича Мухаммед-Герая, говорящей о той же шерти, перечисление принесших клятву вассалов сокращено. Совсем забывая о духовенстве, Мухаммед-Герай назвал: 1) царевичей, 2) уланов и князей избных и надворных, 3) князей и мурз²⁶⁷. Вторая группа здесь соответствует третьей (с Мамыш-уланом и князем Сакалом) предыдущего перечисления, третья — пятой, а может быть, и четвертой.

7. «Земская дума»

Мы встретили большое число феодалов: царевичей-Гераев, духовных, князей и мурз, принадлежавших к разным родам Крыма, ханских служилых уланов и князей. Все эти люди разного положения, разного веса и значения были связаны с ханом и подчинены ему как его вассалы. С другой стороны, и хан чувствовал известную зависимость и от царевичей, и от князей, как от каждого в отдельности, так и ото всех в целом.

Внешним выражением зависимости ханов от князей была традиция выборности хана. Несмотря на то, что ханский престол переходил по принципу наследования от одного Герая к другому, что вскоре после основания их династии кандидатов на ханский престол стал выдвигать турецкий султан²⁶⁸, для получения ханом власти признавалась необходимая санкция главных князей. Когда с помощью султана Сулеймана Саадет-Герай овладел крымским престолом, формальным актом его воцарения было то, что князья его «подняли на царство»²⁶⁹. Чем-то задетый, князь Агиш-ширин писал в Москву: «Меня бог князем учинил, да Менгли-Гирей царь князем учинил, и говорити было кому мне в доuku и в спор, ино было говорити Менгли-Гирею царю, молвя, что яз тебя князем учинил, прикладывая вину, — а сего царя (т. е. Мухаммед-Герая) бог царем учинил, да яз в головах с карачи сам-четверт царем его учинил»²⁷⁰. Князь Агиш был прав; во времена первых Гераев воля главных князей, особенно Ширинских, могла решать судьбу престола.

Выбрав царя или санкционировав его власть, князья сохраняли свое влияние на него. «И слава богу, — продолжал Агиш, — что ни учнем царю говорити, и наши речи до него доходят, а он наши речи читит»²⁷¹.

На волю хана оказывали влияние не только частные «речи» отдельных князей, но и совещания хана со всеми крупными феодалами. Документы постоянно говорят о совете царя с царевичами, уланами и князьями. Так, в 1501 году посол Мамонов говорил о походе на Литву перед царем (Менгли-Гераем) и князьями, и хан решил идти в поход, поговоря с братом (Ямгурчеем) и князьями. В 1501 году Менгли-Герай объявил мобилизацию по своей заповеди и княжой думе. В 1502 году царь идет к Днепру, потому что «так нам наши люди думали». Когда в 1493 году Менгли-Герай соби-

рался в поход на Киев, уланы и князя говорили ему, чтобы он к Киеву не приступал, а шел бы вглубь Литвы²⁷².

С князьями и уланами ханы решали не только вопросы войны и стратегии, но обсуждали все вопросы дипломатии, внешних сношений. В 1515 году Мухаммед-Герай писал Василию III: «великий царь, отец наш, сам собою почтен, со всеми царевичи, и с уланы, и со князми крепко здумав, всех нас думою к тебе с Довлет Килдеем ярлык был написал», т. е. грамота в Москву была результатом общей думы хана, царевичей, уланов и князей. В 1517 году царь прекратил переговоры с московским посольством по думе уланов и князей. Вопрос о союзе с Литвою Менгли-Герай обещал Сигизмунду I решить «з нашими братьею и з нашими детьми, и с царевичи, и з вланы, и с князи порадивши допевна». В 1518 году Мухаммед-Герай отступился от Литвы, «с уланы и со князми подумав»²⁷³.

Дума хана с уланами и князьями не была случайным бесформенным совещанием. Для совещаний, принятия решения, для важных актов созывался съезд феодалов. Так, посол Мамонов доносил, что «шерть и правду» с братьею, детьми, сеитами, уланами и князьями царь «учинит» в Кыркоре, когда будет «съезд о царе, Менгли-Гирееве године». Или в 1519 году салтаны, уланы и князя должны были собраться для шерти 9 декабря, когда «праздник курман будет». Здесь съезды приурочены то к празднику, то к поминкам по царю. Но вассалы хана собирались на совещания и без постороннего повода. Так, мы читаем в донесении посла Мамонова 1517 года: «А молвят, что у царя быть съезду мая о полне (т. е., в полнолуние), и делу твоему, государеву, сказали, туто же быти; а слухи, государь, на мае о полне съехатись всем людем на земскую думу». В 1518 году посол В. Шадрин говорил, что желая обманом залучить к себе Ахмата-царевича царь послал за ним «будто у царя земская дума»²⁷⁴. Так, московские бояре нашли и термин для съезда вассалов — «земская дума».

Состав этой думы ясен: это — те же крымские феодалы, которые в 1508 году давали шерть московскому великому князю. Дума состояла из царя, царевичей, представителей духовенства, уланов, князей и мурз. О порядке совещания в 1517 году, когда решался вопрос быть ли Крыму в союзе с Литвою или Москвою, князь Аппак писал так: «И твои (Василия III) речи услышав, государь наш, Магмет-Гирей царь, и брат его Ахмат-Гирей салтан, и дети его Богатырь салтан и Алп-Гирей салтан, и все уланы, и князи, и карачи учили думать так». Кого отправить в Москву послом, решали все — и большие и меньшие: салтаны, уланы, князья и мурзы. Мухаммед-Герай писал в Москву, что он хотел отправить послом Аппака, но «ино ми отдумали сеити, и уланы, и князи». Так намечается состав думы²⁷⁵.

В широком и несколько неопределенном собрании крымских феодалов были представлены те группы, на которые они делились: духовенство, служилая и родовая знать. В 1517 году дума отказала в согласии на союз с Москвою. Условием союза крымские феодалы выставили требование, чтобы в Казани был посажен ханом пасынок Менгли-Герая — Абдыл-Летиф и чтобы с «Мещеры» был сведен «недруг» Шах-Авлияр и посажен один из сыновей Менгли-Герая. Об этом отказе Мухаммед-Герай писал Василию III в таких выражениях: «и Ширын, и Аргын, и Барын, и Китчак, карачи князи наши в головах и все уланы и князи роты и правды не учинили»²⁷⁶. Здесь подчеркнута значение в подобных совещаниях карачей, князей главных родов.

Но не следует думать, что от основных крымских родов на съезд являлись только их главы. В 1519 году, во время конфликта с царем, Ширины уклонялись от съездов. «Ширины от царя берегутся, — писал в Москву посол Б. Голохвастов, — коли, государь у царя съезд, тогда ко царю не ездят, а хоти, государь, и поедет, ино один от их семьи»²⁷⁷. Таким обра-

зом, один представитель от Ширинов на съезде — было исключением из общего правила.

Съезд ханских вассалов мог быть полным и не совсем полным, и это не имело значения для его правомочности. Но отсутствие важных вассалов могло парализовать выполнение решения съезда. Зимой 1517 года царь много раз звал к себе Ахмата-царевича для «ратной думы», но Ахмат не явился, чтобы тем самым помешать походу на Москву; «для думы сего года у брата своего, у царя не бывал»²⁷⁸. Таким образом, для хана важно было получить на съезде согласие каждого крупного вассала на то или другое решение.

Те документы, которыми приходится здесь пользоваться для характеристики феодального съезда Крыма, — акты дипломатических сношений — по своему характеру не могут охватить всех вопросов, которые могли обсуждаться на съездах. Но во всяком случае вопросы о войне, мире, заключении союза и другие вопросы внешней политики решались здесь. Содержание дипломатической грамоты, выбор посла были теми деталями, в которые также входил съезд.

От больших съездов надо отличать те более тесные собрания, которые собирали ханы ради текущих политических вопросов или для обсуждения и подготовки и более важных решений. Нередко те или другие вопросы возникали и должны были получить разрешение при приемах послов. На этих приемах тоже присутствовали вассалы хана. При этом круг советников царя был, повидимому, несколько шире, когда посол правил «большое посольство» чем тогда, когда он приходил передать хану речи «наедине», что во все не исключало присутствия наиболее близких к хану лиц или наиболее важных его вассалов. Без них и не велись переговоры. Так, посол В. Шадрин писал в 1517 году великому князю: «И как, государь, Ахмат царевич и иные царевичи и Аппак князь ко царю приехали, и царь, государь, по нас прислал часа того, и почал, государь, твое государское дело делати и свое»²⁷⁹.

Посол Мамонов, после его смерти заместитель его Митя Иванов и посол В. Шадрин дали перечень лиц, которые присутствовали на их аудиенциях у Мухаммед-Герая. В 1516 году во время приема Мамонова были: 1) Алп-царевич и Азбяк-царевич, 2) Сур-Алла ших и Абдыл-Аль ших, 3) князь Азика, князь Довлет-Бахты, Бахтеяр-мурза, Асан-мурза, 4) Мамыш-улан и Абды-Ла улан. Мамонов отметил, что не было Ахмат-царевича, Богатырь-царевича и князя Агиша, которые были в своих улусах, но должны были бы быть на приеме. Во время аудиенции Мити Иванова были князь Агиш, князь Довлет-Бахты и князь Аппак. При приеме Шадрина: 1) Мансыр-сеит, 2) князь Агиш, князь Азика, Мемеш-мурза, Мамыш-Седжеут, 3) князь Аппак, князь Халиль, князь Япанча, Мамыш-улан и Абду-Ла улан²⁸⁰.

Мы видим, что из царевичей при приеме посла присутствуют калга (Ахмат-царевич) и два старших сына хана (Богатырь и Алп-царевич). Что же касается Азбяк-царевича, сына Издемира, то его присутствие можно объяснить тем, что Азбяк жил в Москве и только что приехал в Крым; в силу осведомленности о московских делах и отношениях он мог быть полезен на совещании у царя.

Вторую группу составляют духовные лица. Сур-Алла ших или Насыр-Олло ших был сыном известного уже нам сеита Баба-шиха, старшего среди духовенства в 1508 году. В 1515 году Насыр-Олло ших был «начальным шихом». Абдыль-Аль ших или Абдыл-Авель ших, «верный и добрый богомолец» хана, два раза был в Москве, сначала в качестве второго, потом первого посла царя. «Твой ближний человек», так не раз называл его Василий III в своих грамотах Мухаммед-Герая. Мансыр-сеит был тоже одним из

приближенных хана. Когда в 1516 году Мансыр-сеит не получил подарка от московского государя, Мухаммед-Герай счел нужным дать ему поминок самовольно, как «доброму» человеку²⁸¹. Таким образом, присутствовавшие на аудиенции духовные лица стояли в первых рядах крымского духовенства и были близки хану.

В лице князя Азики, князя Агиша, Довлет-Бахты, Бахтеяра-мурзы, Мемеша мурзы—Ширина, князя Мамыша-Седжеута и Асана мурзы мы встречаем главных представителей Мангитов, Ширинов, Барынов и Седжеутов. Агиш, Мемеш-мурза и Бахтеяр мурза один за другим занимали место князя Ширинского. Довлет-Бахты был князем Барынов; князь Мамыш был главою Седжеутов; князь Азика был первым среди Мангитов. Асан мурза, по выражению Мухаммед-Герая, «мангытский большой мурза»²⁸², был сыном известного князя Темира. Все это были наиболее крупные вассалы хана.

В последнюю группу я выделяю Мамыш-улана, Абды-Ла улана, князя Аппака, князя Халиля и князя Япончу. Аппак и Халиль, как мы знаем, были служебными князьями, занимавшими видное место в ханской администрации; Мамыш-улан, как я пытался показать, стоял во главе уланов хана. Об Абду-Ла улане и князе Японче у меня почти нет сведений. Оба они выполняли некоторые поручения хана: Абды-Ла провожал вместе с другими до Путивля караван ехавших в Москву итальянских мастеров, князь Японча ездил с Богатырем-царевичем в Киев за предназначенной для Крыма литовской казной²⁸³. И того и другого я отношу к группе ханских «слуг», как Мамыш-улана или князя Аппака.

Таким образом, помимо широкого съезда вассалов ханы собирали и более тесный совет, приглашая старших царевичей, главных представителей духовенства, первых лиц княжеских родов и некоторых лиц ханского двора и администрации, своих уланов и князей. Этот тесный совет, по своему составу, был в миниатюре тем же съездом вассалов.

8. Арриер-вассалы

Главной обязанностью ханских вассалов была военная служба.

Перед каждым большим походом царь мобилизовал царевичей, князей «всю рать». Посольские грамоты не раз говорят о порядке этой мобилизации. В 1501 году детям царя, князьям и всем людям для сбора был назначен срок в 15 дней. Каждый воин должен был привести с собою трех коней, иметь доспехи и корм; на 5 человек полагалась телега. Дома могли остаться только те, кому было меньше 15 лет. Этот принятый по общей думе порядок касался всех «казаков», кому бы они ни служили. Неявившийся не считался больше ни слугою царя, ни царевичей, ни князей; указ повелевал «того ограбить и казнить». В 1502 году «наряжаться» и «кормить коней» был дан большой срок—два месяца. Остальное было так же как и в 1501 году, только на каждых 5 человек нужно было еще взять двух волов на корм. Эта мобилизация была не легким делом; по словам Менгли-Герая, от походов «убогие люди» впадают в долги, терпят протор²⁸⁴.

Порядком объявления мобилизации был «проклич» на базаре. Так, в 1524 году «в Перекопи на базаре кликал бирич, чтоб деи казаки крымские никто не отъезжали никуда, а готовили б ся со царем на службу. А были бы все люди готовы в Перекопи до велика дни за месяц»²⁸⁵. Такое оповещение повторялось несколько раз по базарным дням: «кликали не одна, чтоб люди не разъезжались никуды, а были бы к службе готовы»²⁸⁶.

К месту сбора армии вперед высылался «кош». «И кош у нас наряжен готов», писал в 1502 году Менгли-Герай; «перед собою кош свой отпустим, и людем своим всем велим сбиратись к своему кошу»²⁸⁷. Позже Броневский

писал, что когда хан собирался в поход, то татары сосредоточивали свои силы в Перекопе или по ту сторону Перекопа неподалеку от Днепра²⁸⁸. В 1501 году рать была собрана на Четёрлике, т. е. близ Перекопа внутри полуострова. В 1532 году, выступив против Литвы, Саадет-Герай стоял с армией в Ислам-городе. Здесь одиннадцать дней царь дожидаясь царевичей, уланов и князей с людьми и потом двинулся обоими берегами Днепра на Черкасы и Киев. В 1541 году Сафа-Герай шел на Москву: «и повеле кликати в орде: которые люди с ним не успеют выйти, и те бы его доезжали в Ислам-Килмене городке; туто царю зжидатися с людьми»²⁸⁹. Иногда, как о месте сбора армии документы говорят о таких урочищах, которые лежали на самой окраине крымских кочевий. Так, в 1502 году перед походом на Литву войско собиралось на Белой и Синей воде. Но от места первоначального сбора надо отличать такие станы, где стояла уже готовая армия, прежде чем перейти к военным действиям. Так, собираясь на московскую Украину царевичи стояли под Черным лесом. Угрожающая Литве рать «лежела» за Днепром на Бузулукском устье. В других случаях, местом такой стоянки были Кобыльи воды или Мамай-луг, до которого хан шел уже «со многою ратью»²⁹⁰.

Иногда дурная примета могла задержать выступление войска. Так, в 1502 году царевичи отказались выступить в поход в августе: «тот, рекши, месяц август лих»; пошли в сентябре, в третий день «на молоду», т. е. в новолуние. Новолуние считалось благоприятным моментом. Так, Ахмат-царевич в 1517 году отпустил свою рать в Петров пост, «увидев молод». В том же году царь собирался выехать на Мамай-луг «на молоду»²⁹¹.

Как известно, татарское войско состояло преимущественно из конницы. И для начала похода и во время его было важно, чтобы кони были свежи. Сообщая о своей готовности к походу, Менгли-Герай писал Ивану III: «и кони у нас ужь опочинули, тучны». Когда же «конь устал, а корму не стало», пришлось прекращать военные действия. В 1493 году, когда татары уже успели сжечь ряд литовских городов, продолжать войну остались только те, у кого были кони тучны²⁹².

В описаниях современников мы часто читаем, что татары отправлялись в походы налегке и не брали с собою обоза. Но это не совсем так. Уже требование хана, чтобы у воинов были телеги и волы для убоа, заставляет признать, что в крупных походах и татары не обходились без обоза.

В походы шла и артиллерия. В 1493 году Менгли-Герай ходил на Черкасский городок с пушками и пищальями. Известное количество их было в распоряжении ханов. Но они все-таки остро ощущали недостаток огнестрельного оружия, необходимого на рубеже XVI века. С просьбами о присылке пушек и пушкарей или пищалей Менгли-Герай обращался то в Кафу — к наместнику султана, то к своему союзнику — Ивану III²⁹³.

Количество военных сил в различных походах разнилось. Мы встречаем и 15, и 25 тысяч, и 40 тысяч «нарядной рати», и 60, и 90, и 100 тысяч. Наибольшее засвидетельствованное источниками число войск — 250 тысяч, выставленные в 1509 году Менгли-Гераем против ногаев. Количество воинов и учитывалось и заносилось, очевидно, в ведомости. О рати в 250 тысяч Менгли-Герай писал, что изготовил ее, переписав²⁹⁴.

Войско состояло из собственной рати царя и отрядов его вассалов. Во главе своей рати царь часто ставил царевичей, особенно старших. В состав ханского отряда входили «царевы дворяне», аналогичные тому «двору» казанских царей, который мы видим в их походах. Перед походом «слугам» хана, т. е. его постоянным служилым людям, выдавались деньги. Я думаю, что мобилизуемые улусники, простые воины тоже входили в ханскую рать, становясь под команду уланов. Но «улары и князья» в то же время особая

составная часть сил хана. Каждый князь шел в поход во главе своих военных слуг и казаков. Характерно, что когда в 1491 году Менгли-Герай строил план борьбы против Большой орды и предлагал Ивану III привлечь и казанских казаков, он намечал их количество «князей 20—30», т. е. не представлял себе этой помощи иначе, как в виде князей с их отрядами. В Крыму такие дружины мы встречаем у служилых князей хана, наместников Ислам-Керменя и Кыркора, князя Абды-Рахмана и князя Аппака. Своему стороннику — князю Абды-Рахману король присылал платья, шуб, однорядок и доспехов на 200 человек. Желая подчеркнуть свое значение, князь Аппак писал: «ста два, три братья у меня есть, и у великого царя рати и голова бываю», «...у самого меня слуги есть»²⁹⁵.

Одна из грамот, именно князя Магмед-ши, перечисляет составные части крымской армии 1508 года. Это были ближние и дальние люди хана, рать царевича Ямгурчея, рать царевича Мухаммед-Герая, рать Ахмат-Герая, рать Фети-Герая, Бурнаш-царевича; затем рать уланов и княжая; рать Ширинов, Барынов и всех людей²⁹⁶. Как видим, ханские уланы и князья и здесь выделены как особая рать, которую не следует смешивать ни с собственными военными слугами хана (ближними и дальними людьми), ни с отрядами родовых князей и мурз.

Отряды царевичей строились так же, как войска царя. Мы помним, что на службе у старших царевичей были свои уланы и князья. В 1517 году Ахмат-Герай посылал на Литву сына Гемметя со многую ратью, с уланами и избными и надворными князьями²⁹⁷. Царевич Ахмат подчеркивал преданность ему его вассалов. Согласно феодальному принципу они служили только своему сюзерену. Недруг сюзерена был и врагом его вассалов и тогда, когда личная политика Ахмата расходилась с политикой хана. Когда царевич был в союзе с королем, то «яз королевскою саблею сек, — писал Ахмат, — а они все из моего слова не выступили, а ему друзи были». Когда Ахмат перешел на сторону Василия III, перешли и его вассалы: «со мною их ррта и правда заодин и того для, что твоею саблею секут и недругу твоёму недрузи учинилися...»²⁹⁸.

Такие же военные слуги были и у Богатыря царевича. В 1515 году он заявлял Василию III о своей готовности сечь саблею его недруга «с уланы, и со князьями, и с слугами, и с товарищи»²⁹⁹.

Так же, как вассалы царя, уланы и князья царевичей составляли их думу. По думе уланов и князей Ахмат-Герай посылал рать на короля. И Богатырь-царевич, собираясь на Литву, «учинил гораздо думу со всеми уланы и князьями»³⁰⁰.

Материальной базой уланов, князей и мурз были их улусы. Ехавшему в качестве посла к ногаям князю Темиру был дан наказ: если он наедет в поле улусы, пытать, какого они мурзы³⁰¹. Такие же улусы князей и мурз были раскинуты и по Крымскому царству. Мы встречаем улусы Ширинов — князя Агиша, Бахтеяра мурзы, на Днепре улус Мангита Тениш-мурзы. Улус князя Аппака, неподалеку от Кыркора, где Аппак был наместником. Мы видим, что в виде протеста против примирения с Литвою князь Халиль покидает ханский двор и уезжает в свой улус. Когда в 1523 году Саадет-Герай только что завладел властью, он встретил сопротивление князей: по «сказке» московского казака, «у него не живет никто князей, а все живут по своим улусам»³⁰².

Документы говорят только о распределении ханами улусов между членами рода Гераев. Но раздавали ли ханы и царевичи улусы своим уланам и князьям? В тех случаях, когда грамоты говорят о пожаловании улусом, всегда имеется в виду, в сущности, утверждение улуса за новым владельцем, к которому улус переходит в силу права наследования. Так, когда князь Тевекель Мангит пришел служить к Менгли-Герая, тот пожаловал ему ме-

сто, волости и базар его отца. И в других случаях хан принимает лишь меры, чтобы улус правильно, сообразно родовым счетам, перешел в руки нового владельца. Это бывало тогда, когда улус временно оставался без хозяина или становился выморочным. В 1504 году умер Берю-улан; «и иные слуги его и ясачники его порожки стоят», писал Менгли-Герай Ивану III и просил отпустить из Касимова брата умершего—Али-улана: «а он бы слуги свои взял и малой свой ясак ел, да тем бы жил». В 1509 году хан просил отпустить из Москвы Хозека сеита; своего богомольца: «у него братья были, да все отошли, а юрты их порожни». Точно также Менгли-Герай писал в Литву Сигизмунду I о том, что в Крыму умер Тювекель-улан, а детей и племени у него никого не осталось; «ино его слуг и людей его никто не держит». А между тем в Литве были братья Тювекель-улана: Ахмат-улан и Нурум-улан, с ним одного рода. И Менгли-Герай просил прислать Нурума, который должен был получить слуг и людей брата³⁰³. Как видим, во всех случаях выдерживается принцип, что улус не должен выходить из рук рода и должен передаваться по правилам родового старшинства.

Если только грамоты Менгли-Герая и Мухаммед-Герая подлинны, то передача оставшимся для меня неизвестными Махмудеку, Тутлу-бею и Хызр-бею Керчского «округа» или керчского народа была несомненным феодальным пожалованием ханов. Этим феодалам ханы передавали свое право на сбор податей с населения: тамги и других торговых пошлин, тех податей, которые должны были собирать и доставлять старшины. Ханским чиновникам и поборщикам запрещалось вступать в пожалованные владения. Но грамоты ограничивали и аппетиты назначенных наместников-кормленщиков, оговаривая, что они не будут причинять насилия податным бедным людям³⁰⁴.

Того же порядка было более скромное пожалование торговой пошлины, по пяти алтын со вьюка, которое получил при Мухаммед-Герее князь Абды-Ла. Князь Абды-Ла, сын Мусеки, женатый на сестре князя Аппака, примыкает к группе служилых князей хана³⁰⁵.

Что касается рядовых военных слуг, то для них, повидимому, обычным вознаграждением за их службу была раздача денег, платья, оружия и т. п. Щедкость по отношению к военным слугам — необходимое качество феодала. «А слугам своим, — говорил Богатырь царевич, — неколике тот ответ держу: яз бы вам здоров был, и кони, и аргамаки, и куны оскудно вам не будет; только у меня на дворе живите, а ешьте, и пейте, и носите, хотя 100 тысяч алтын на себя долгу всключите, а то мне вам платить надобе». Также и царевич Ахмат, когда пали кони у его слуг, наделил их новыми конями, много задолжав в Белгороде. В 1519 году Алп-царевич просил Василия III прислать 50 тысяч алтын, потому что царевич задолжал «слуг и товарищев ддя»³⁰⁶.

В глазах ханов, царевичей да и всех крымских феодалов Москва и Литва должны были быть источниками для раздач князьям, уланам и простым военным слугам. Первым средством для этого были московские и литовские «поминки». Хань тщательно следили за тем, чтобы поминки присылались всем, у кого, по их мнению, были для этого основания. В иностранные списки лиц, которым не доходят поминки, вносили и крупных и мелких слуг, и служащих своего двора, вплоть до писцов и поваров. Но никакое количество поминков не удовлетворяло Крым, и жалобы на скудость их — постоянный мотив грамот и ханов, и царевичей, и князей. «Что мне кому людям своим дати, — писал Богатырь-царевич, — а у меня людей много. Что мне князь великий послал, хотя то яз стану жвати да на люди свои плевати, ино и тут моим людям никому ничего не достанется». И царевич отнял силою у посла лишние поминки для своих уланов и князей³⁰⁷.

Другим источником дохода для слуг хана или царевичей были частые посылки людей или в Москву, или в Литву. С каждым послом ехало много лиц от хана, цариц, царевичей, князей и мурз, рассчитывавших на московские подарки. Когда в 1522 году в Москву приехали Чжабык-мурза и князь Яныш, то с ними было «добрых людей человек со 100, а всех их человек с 300 и с 400»³⁰⁸. Отсюда вытекали обращенные к хану просьбы московских великих князей присылать посла «не во многих людях» впрямь бездельных людей не посылать³⁰⁹.

В 1481 году Иван III наказывал своему послу Тимофею Скрыбе: «и царь бы пожаловал, сеунчника не посылал»³¹⁰. Сеунчники, т. е. гонцы с какою-либо радостною вестью или с простым приветствием постоянно присылались из Крыма и не только ханом, но и царевичами. За весть и приветствие сеунчники получали пожалование; «сеунч» и есть такое пожалование. По выражению крымских грамот, добрые люди посылались в Москву «сююнча просить»³¹¹. Таким образом, пожалование гонцу официально признавалось одною из целей, а иногда и самодовлеющей целью его посылки. В качестве таких гонцов с «сеунчем» посылались «паробки» и добрые слуги хана и царевичей, т. е. их простые дружинники.

Только что освободившиеся от дани Золотой орде, московские князья настаивали на том, что все, что дается в Крым, дается не по обязанности, а по доброй воле князей. Послам чуть ли не каждый раз давалась инструкция «в пошлину» не давать ничего. Всякий вынужденный подарок посол должен был дать, якобы, от себя³¹².

Особенно оговаривали московские князья «даражские» пошлины: «а пошлинам даражским и иным пошлинам всем некоторым не быти» — условие, которое не устают повторять московские грамоты³¹³. Но тем не менее, московским великим князьям приходилось идти на уступки.

В грамоте 1499 года великому князю литовскому Александру Менгли-Герай настаивал на том, чтобы те люди в Литве, которые исстари «тянули» к Крыму, давали ясак и чтобы у них были дараги. Городами и местечками, тянувшими к Крыму, по словам хана, были Киев и ряд других; «а опроче Киева по тем городком дараги были и ясаки с тех людей имали: Канев, да Нестобрат, да Дашко, да Яро, да Чонам, да Болдав, да Кулжан, да Бирин Чялбаш, да Черкасской городок, да Путивль, да Ляпятин, — те городки и з селы все царевы люди». Нуждавшийся в примирении и союзе с Менгли-Гераем, князь Александр готов был до известной степени идти на уступки. В наказе послу, ехавшему в Крым в 1500 году, говорилось, что если Менгли-Герай вспомнит о путивльской дани, то указать на то, что Путивль сожжен. Но когда великий князь Александр восстановит город, то «тых даней не отмовляет рделити тебе, брату своему»³¹⁴.

Когда северские города перешли к Москве, то, по словам Мухаммед-Герая, при Иване III с них платилась дань в Крым; при этом за этой данью присылались дараги. «А с нами, с братом твоим, отец твой и князь великий Иван, как учинил ся в дружбе и братстве, на всякий год дараги наши, князи наши, взимки взяв, к нам привозят с них»³¹⁵.

Конкретным примером подобных «взимков» может служить пошлина с Одоева, города, также окончательно перешедшего от Литвы к Москве в девяностых годах XV столетия.

В 1498 году Менгли-Герай писал Ивану III, что исстари князья Одоевских городов давали 1.000 алтын ясака, а другую тысячу уплачивали дарагам, т. е. лицам, которые были пожалованы правом получать для хана этот ясак. Менгли-Герай послал было к одоевским князьям их дарагу, Бакшеиша, но князья отказались дать ясак. Менгли-Герай и просил Ивана III взять ясак на одоевских князьях и передать его в Крым. В своем ответе Иван III признал справедливость притязаний Менгли-Герая. Но, объясняя

Иван III, больших одоевских князей не стало, отчина их пуста; что касается меньших князей, то одни из них служат московскому государю, «жеребьи» других находятся за ним же. Князьям дать нечего, и поэтому Иван III пожаловал Бакшаиша от себя. Но впредь московский князь просил пошлину «отложить»; «да и дараг бы еси их к ним, — писал князь, — не посылал по свою пошлину меня деля»³¹⁶.

У истории одоевской пошлины однако есть продолжение. Пошлина не была отложена. В 1508 году великий князь прислал ее не сполна. Из вызванной этим грамоты Менгли-Герая мы узнаем, что Бакшаиш каждый год ездил за «городовыми поминками» с одоевских князей и получал свой «езд», «конем его и ему корм с Одоевских волостей». После смерти Бакшаиша Менгли-Герай пожаловал его пошлиною сына Бакшаиша — Девлетъяра. В 1519 году Девлетъяр умер, и в Москву за пошлиной поехал его меньшей брат — Алдияр; хан просил, чтобы великий князь дал Алдияру то жалованье, которое шло его брату. В 1530 году о тысяче алтын с Одоева, которые шли Бакшеишу и его детям, напоминал Василию III Саадет-Герай. В 1531 году этот «взимок» хан просил уплатить уже брату Алдияра³¹⁷.

Бакшеиш и его дети принадлежали к группе паробков, добрых слуг царя. «Наш старый слуга», писал о нем Саадет-Герай. «Наш слуга», называл его раньше Менгли-Герай. Человек хана, царев татарин — так определяют Бакшеиша московские грамоты³¹⁸. Его сын Алдияр — паробок царя; «у меня во дворе живет», писал о нем Саадет-Герай. Может быть, семья Бакшеиша имела отношение к соколиной охоте хана. И Бакшеиш, и Алдияр привозили из Москвы кречетов; в Москве Алдияра называли сокольником³¹⁹.

В одоевском «взимке» уцелела одна из тех даражских пошлин, против которых так протестовал Иван III. Наряду с раздачей московских и литовских поминков, посылкою с «сеунчем» эта пошлина была тоже одним из видов пожалованья, вознаграждения слуг хана. При этом пожалованье переходило от отца к сыновьям по их старшинству. Здесь мы снова встречаем наследственность пожалованья. При передаче улуса, наместничества в городе, при распределении ясаков и поминков ханы постоянно руководились принципом наследственности. В общей форме это выразил Мухаммед-Герай в одной из своих грамот: «и которых хотя не стало будет, и мы теми месты детей их или братью их жалует; или кто их роду будет, и мы тех жалует теми месты, да и поминки тех им даем»³²⁰.

Такая наследственность пожалований, повидимому, была общетатарским порядком. Ногайский мурза Юнус обвинял севшего на ханство в Казани Сафа-Герая, что он, приведя с собою в Казань крымских людей, голодных и нагих, нарушил этот порядок. «Да над казанскими людьми учал насилство делати. У кого отца не стало, и он отцова дохода не давал. А у ково брата болшово не станет, и он тово доходу меньшему брату не давал». Летопись подтверждает слова Юнус-мурзы. И по ее свидетельству, Сафа-Герай «у многих князей ясаки подотъимал да крымцом подавал»³²¹.

Итак, наместничества, пожалованье торговой пошлиной, дележ московских и литовских поминков, посылки за подарками в Москву, некоторые пошлины — посошные, даражские, оставшиеся как наследие татарской власти над Русью, вот источники награждения слуг хана и царевичей за их службу. Наконец, раздача денег, коней, платья, стол, о чем так ярко говорит грамота Богатырь-салтана, — вот что получали паробки и добрые слуги хана, царевичей и князей³²².

Как это бывало всюду при феодальных отношениях, так и в Крыму за слугою-вассалом признавалось право свободного выбора сюзерена, право отказа. Заступаясь в 1517 году за Ширинов, устроивших набег на Каси-

мов, Мухаммед-Герая писал: «коли наш род был на Мещере, толды наших смел ли кто смотреть (т. е. думать о нападении) на Мещеру? Ано из Мещеры люди шли к нам служити, а от нас в Мещеру». Тоже почти полувеком раньше (в 1474 году) говорил Иван III о касимовском царе: «а уланов, и князей, и казаков у него много: как к нему приезжают люди многие на службу, так от него отъезжают люди многие»³²³. Так, живший здесь князь Мардан потом переехал в Крым. Право Мардана на отъезд не вызывало сомнений; «похочет Мардан к тебе ехати, — писал Менгли-Герая Иван III, — и мы его к тебе отпустим». Выехавший из Крыма в Касимов сын Мурзы Удема потом снова думал вернуться в Крым. В 1504 году Али-улан уехал в Касимов, разгневавшись на старшего брата³²⁴. Так постоянно шел приезд и отъезд вассалов из одного дружественного царства в другое. Отъезд сына ширинского князя Агиша — Мамашай-мурзы из Крыма, когда он увел свои улусы и пришел к ногайскому князю Измаилу, тоже был одним из видов феодального отказа³²⁵. Я не беру здесь в качестве примера вынужденный приезд в Крым князя Тевекеля и вообще ординских уланов и князей, приезд, вынужденный разгромом Большой орды. Но укажу, что эти вчерашние враги были приняты Менгли-Гераем и вступили в число его вассалов.

Такие же переходы от одного сеньера к другому практиковались и внутри Крымского ханства. Так, Хозяш-Азея мурзу, служившего сначала Менгли-Герая, а после его смерти Мухаммед-Герая, в 1519 году (т. е. еще при жизни Мухаммед-Герая) мы встречаем среди слуг Богатырь-царевича. После смерти своего сюзерена слуги могли свободно выбирать себе нового. Так, после смерти Менгли-Герая большая часть его слуг перешла к новому хану Мухаммед-Герая, но паробок Мангыр предпочел службу Ахмат-царевичу. «После отца моего мне бил челом и паробком ся учинил», писал царевич Ахмат. Собираясь уехать в Москву, Ахмат-Герая учитывал, что большая часть слуг оставит его, и писал о своем приезде только с теми, которые его «похотят». Иногда впрочем обстоятельства тяготели над волею дружины. Когда в борьбе с ханом Саадет-Гераем был убит князь Бахтеяр Ширин, то царь «всех слуг его поимал», но часть их все-таки перешла к царевичу Сагиб-Герая³²⁶.

Говоря о службе крымских военных слуг тому или другому феодалу, я должен сделать одну оговорку. Война, набеги, военная добыча занимали настолько важное место в жизни Крыма, что часто путали отношения между сюзеренами и их вассалами. Часто бывало, что в виду предстоявшего похода военный слуга оставлял своего сюзерена, не шедшего в поход, и шел за другим. Для любого военного предприятия в Крыму не трудно было набрать случайную рать. Так сделал царевич Гемметь, когда в 1518 году он пошел на Литву: «сколько ми рати бог дал, и яз с тою пошел». Так случилось и в 1517 году. Готовился общий поход на Москву. Но Гемметь-царевич пошел на Литву; «и все люди ко мне пристали да со мною захотели итти», писал он об этом походе. Такая же вольная дружина в 1.000 человек собралась годом раньше с Алп-царевичем в литовский поход. Важен был не предводитель, а самый набег. Поэтому, когда по приказанию хана Алп-царевич вернулся, то найдя нового предводителя, брата князя Шигалака, дружина все-таки пошла воевать литовскую землю. То же повторилось и в 1519 году. Алп-царевич и сын князя Агиша пошли в набег на литовскую Украину; но по приказу царя их вернули с поля. Тогда люди стали говорить сыну Агиша: то — царевич, а ты — княжой сын; пойдём! И он пошел с ними в набег. В 1518 году царевичи также по требованию царя отказались от похода на Литву, но 4 мурзы и с ними 20 тысяч пошли сами по-себе на московскую Украину. Двадцать тысяч было бы слишком много для дружин четырёх мурз! Это было несомненно сбродное

войско³²⁷. Я думаю, что в приведенных примерах его составляли не только случайные «казаки», но и различной степени важности военные слуги мурз, князей и царевичей, примыкавшие к отряду вольницы и самовольно шедшие в тот или другой набег.

9. Московская и Литовская партии

Самовольные набеги были обычным явлением крымской жизни. Они были насущным делом для татар. Набеги одинаково увлекали и массы, и «больших людей» и в тяжелый год становились необходимостью. Так, в 1517 году московский посол писал из Крыма, что следует накрепко беречь украины: ни царю, ни царевичам невозможно унять людей, потому что наги, и босы, и голодны. «А сами, государь, — продолжал посол, — царевичи и большие люди ждут того, как ся у них кони наедят, и царевичем, государь, и большим людем быти на той украине, которое им пригоже, на литовской или на волошской. А нешто, государь, твое дело государское не сделается (т. е. не будет заключен мир и союз с Крымом), и им, государь, быть однолично на твоей государской украине»³²⁸.

В данном случае выбор направления для набега определялся общию политикою Крыма. Но и царевичи, и князья, и мурзы далеко не всегда считались с политикой хана. В 1516 году московский посол доносил: «а царь, государь, унимает своих людей, не велит в Литву ходити»; «а что, государь, ни есть войны в Литовской земле от татар, то все ходят без царева ведома». Поход одного увлекал другого. Так, когда Ахмат-Герай послал сына Гемметя на литовские земли, то «за ним Алп-Гирей салтан, не стерпев, туды жь пошел»³²⁹.

Чтобы соблюсти договоры с Литвою и Москвою, ханам приходилось прибегать не только к строгим приказам, но и вступать на путь задаривания, платить царевичам за отказ от набегов. За такой отказ хан прибавил ясаков Алп-царевичу. Чтобы удержать от набега Кемелеш-царевича, Богатырь-Герай дал ему 40 тысяч алтын. В 1515 году, возвращая царевичей, пошедших было на московские земли, Мухаммед-Герай уплатил им — кому 30, кому 20, а кому 10 тысяч алтын³³⁰. Поэтому московские государи в свои проекты договоров с ханами включали пункт о том, чтобы московских земель не воевали ни уланы, ни князья, ни казаки, и добывались, чтобы «шерт давал» не только царь, но и его братья, и дети, и уланы, и князья.

Но самовольные набеги крымских феодалов можно было и обратить себе на пользу. Для Москвы было важно не только обезопасить себя от крымских набегов, но и направить их в другую сторону, на Литву. Это достигалось деньгами и поминками, которыми покупалась «служба» уланов, князей, мурз и, пожалуй, царевичей. Эта служба заключалась в непосредственной борьбе с Литвою. «И ныне за тебя день и ночь сечемся и помогаем», писал Василию III князь Халиль. Тонко рассчитанные присылка или отказ в поминке должны были влиять на волю феодала. Когда Алп-царевич не получил московских подарков, князь Аппак убеждал его: «и ты бы хоти один месяц короля повоевал, посмотрил был еси, что бы тебе князь великий прислал». Совет не пропал даром. Мы видим, что несколько позже Алп-царевич просил Василия III не забывать его десятерых уланов, которые «твоего недруга на всякой год саблею секут»³³¹.

Всякий проступок, всякое неблагоприятное действие по отношению к Москве влекли за собою отказ в поминке. Так, Карач-мурза был лишен поминка «за русский полон», Байраш за то, что не проводил московских послов. Лухбердею-дувану, ограбившему московского купца, тоже не был послан поминок, потому что он «жалованья не помнит». В 1518 году, ког-

да велись переговоры о союзе с Крымом, московскому послу был дан наказ: «а которой будет царевич молодой, или князь, или мурза, или которой ближней царев человек на той грамоте правды не учинил, и князю Юрию тому царевичу, или князю, или мурзе, или цареву ближнему человеку от великого князя поминков не дати»³³².

В последнем случае, как видим, дело шло не о службе с саблею в руке отдельных крымских феодалов; задача заключалась в том, чтобы всех их привлечь к союзу с Москвою и сделать этот союз прочным. Но и в этом случае было важно иметь на своей стороне отдельных лиц, которые своим влиянием среди крымских феодалов, при дворе царя или в его думе могли помочь сближению Москвы и Крыма и укрепить их союз. Важно было иметь свою партию, особенно в годы той неустойчивости крымской политики, которая наблюдается при Мухаммед-Герее.

И современники, и историки готовы были эту неустойчивость объяснять личными свойствами хана, слабостью его воли, склонностью к пьянству³³³. «Царь наш охочь пити, да не ведаю, как ему царство держати», говорил князь Аппак послу Мамонову. Впрочем, и сам хан откровенно сознавался в своей слабости. «Нынеча есмь пьяни, — говорил он князю Агишу при напоминании о делах, — помяни мя порану, и мы поговорим»³³⁴. Неспособность, нерешительность, колебания Мухаммед-Герая раздражали его ближних людей и вызывали их нареканья. «Яз сам брата своего царевы мысли не могу рассудити, — говорил Ахмат царевич. — То слышу, что великому князю гонца посылает, а дела еще не ведаю, с чем его посылает... Учну ему говорити: хочешь ли с великим князем дело делати, да своею ли мыслью хочешь, и ты своею мыслью не умеешь, да будет ти и не умети, и ты спроби, кто помнит, как отец наш дружился с великим князем Иваном и с великим князем Васильем подружился был; да по тому же себе великого князя Василия учини прямым другом и братом»³³⁵.

При колебаниях и неспособности хана руководить делами неминуемо должно было вырасти влияние его приближенных. Позволю себе еще раз сослаться на того же царевича Ахмата. «Коли был отец наш царь, — говорил Ахмат, — ино он один был царь, а мы дети его его слушали, а князи и все люди его же слушали; а нынеча брат наш царь, а сын у него — царь же, а князи у него — цари же, водят им куды хотят...»³³⁶.

Царевич Ахмат несомненно преувеличивал. Во внешней политике недолгого царствования Мухаммед-Герая была основная линия, которая и объясняет колебания хана между Москвою и Литвою. Главным вопросом для Крыма оставалась борьба с Астраханью, и интересами ее определялось отношение Крыма к Литве и Москве. И в той, и в другой можно было найти союзника. И споры, и борьба в близких к хану кругах феодалов Крыма шли преимущественно по вопросам о сближении и союзе или с Литвою, или с Москвою. Намечались литовская и московская партии.

Но не нужно думать, что среди крымских вельмож мы встретим устойчивых сторонников Москвы или Литвы. Часто личные мотивы определяли ту или другую ориентацию, казалось бы, самых убежденных и последовательных лиц. А для большинства вельмож и слуг царя едва ли не главным условием их симпатий были поминки и золото. Сторонники приобретались ценою золота, и на этой почве и шла борьба между Москвою и Литвою. Указывая на то, что от короля льется и червленое золото, и белое серебро, сторонник Москвы и главный проводник ее влияния князь Аппак задавал московскому государю вопрос: «а нам чего сухим языком домазати?». «А с королем в друзех как не быти? И лете, и зиме казна от него, как река, беспрестани течет, и малому, и великому, всем уноровил. И ныне бы, еси, — советовал Аппак, — одиночно, без всякого перево-

да, в которую пору межи вас шерти нет, наборзе посла своего послал с казною»³³⁷.

Несмотря на неустойчивость политических группировок в Крыму, все-таки для времени Мухаммед-Герая можно указать лиц, бывших опорой как Москвы, так и Литвы. Московским послам не раз давался наказ не говорить «тайных речей», если на приеме будет кто-либо «литовской стороны». И, наоборот, указывались те, перед кем можно говорить обо всем. Это были князь Агиш, Бахтеяр-мурза, Халиль и князь Аппак. Вокруг них и группировались те князья и мурзы, которые, по выражению грамот московских князей, «нам служат», «которые тебе добра хотят», писал Аппак Василию III³³⁸.

Князь Аппак был признанным главою московской партии³³⁹. В наказе послу И. Мамонову мы читаем, чтобы «о деле» посол говорил всем князьям, которые служат великому князю, «а большое Аппаку». Сам Аппак заявлял о своей неизменной преданности московскому государю: «яз своему государю, великому князю служу, как есмь его государев старой его холоп; да как есмь нынеча, и вперед его холоп»³⁴⁰.

Эта служба Москве была своего рода традицией в семье Аппака. Сам Аппак в этом отношении лишь занял место своего умершего брата, Магмедши. По пути «службы» московскому великому князю за Аппаком шла его многочисленная родня. «Аппак, брат мой большой, — писал Василию III Ахмет Паша мурза³⁴¹, — как тебе, великому князю, государю прямо служит, также и мы, холопи твои; правою рукою служу государю своему великому князю, а левою рукою тебе, государю своему, великому князю служу прямо, а пак тебе служу»³⁴².

Учитывая близость Аппака к московскому великому князю, сам Мухаммед-Герай нередко возлагал на Аппака роль неофициального посредника между собою и Василием III. Хан поручал Аппаку то написать Василию III, чтобы он присылал больше поминков, то попросить его отпустить в Крым Абдыл-Летифа; или поручал сказать, что ради дружбы готов дать в заложники сына. «А мне о том в своей грамоте к великому князю не писать», прибавлял хан»³⁴³.

Наместник Кыркора, придворный³⁴⁴, свой человек не только у царя, но и у царицы³⁴⁵, Аппак был хорошо осведомлен о планах хана. Аппак мог и объяснить великому князю колебания ханской политики и дать полезный совет. Аппак то объясняет причины гнева царя, то дает послам советы, как держать себя и вести дело. Это он, поддерживая престиж московского князя, советовал послу Морозову не потакать ясаулам, не давать им посошных пошлин. Когда Мухаммед-Герай, по настоянию Литвы, потребовал от Василия III уступки восьми северских городов, Аппак посоветовал прислать хану столько казны, сколько присылает король: «и он (т. е. хан) ся тебе городов отступит». Аппак объяснял, что, отказываясь от союза с Литвою, царь теряет 15 тысяч золотых, присылавшихся из Литвы ежегодно, помимо многочисленных девятных и запросных поминков, и постоянно напоминал, что следует присылать столько же денег, сколько присылает король, и даже больше, и кроме того обещать хану поход на Астрахань³⁴⁶.

Князь Аппак был для московского князя источником самой разнообразной информации. Он сообщал, куда покочевала «Астрахань»; он сообщал о приезде в Крым Чагир-мурзы и его отношениях к брату, о том, куда пошел Шигим-мурза, о его попытках сблизиться и породниться с Мухаммед-Гераем, о том, кто убеждал царевичей итти в набег на московские земли, что говорят царевичи и уланы о проекте «дружбы» с Москвою, о страхе хана перед Гераями, находящимися у султана, о плане похода царя на Литву, о его желании посадить на казанский престол Сагиб-Герая,

о разрыве царя с царевичем Ахматом и т. д.³⁴⁷. Когда во время приема ханом литовского посла неожиданно вошел Аппак, посол замолчал, и не даром: все, что он потом сказал при Аппаке, было передано в Москву³⁴⁸.

Как к проводнику московской политики, в силу этого и несущему ответственность за нее, к князю Аппаку обращались со всякими недоразумениями и обидами на Москву: «всегда мне о государя моего, о великого князя деле от царевичев, и от князей, и от мурз, и от всех людей истома много». Главные претензии были по поводу скудости тех подарков, которые присылались из Москвы. Чтобы сохранить для московского князя его сторонников, Аппак должен был делить между ними и то, что он получал лично для себя. Но и при этом ему приходилось выслушивать немало укоров: «видим мы, колко с Москвы царю нашему пришло с поминки телег и выюков, ино того половина тебе, Аппаку, досталось»; «один еси за себя заворотил великого князя жалованье и наше все, и ты один и делай!»³⁴⁹.

Главою литовской партии, к которой принадлежали князь Довлет-Бахты и улан Мамыш, был Абды-Рахман. Он делал, повидимому, быструю придворную карьеру. Абды-Рахман сначала был паробком Менгли-Герая. В 1504 году Менгли-Герай просил у Ивана III поминков для Абды-Рахмана, Халилия и Кулюка; «те три у нашего порога пригожие холопи и слуги нам», писал хан. В 1507 году Абды-Рахман был уже «старшим над дворянами хана». Литовская «Скарбовая книга» знает его, как «милосника царева»³⁵⁰. Еще при жизни Менгли-Герая Абды-Рахман был назначен каместником Ислам-Керменя на литовской границе. «Межи короля, брата моего, и меня обема нам правдою служи», сказал будто бы Менгли-Герай Абды-Рахману, сажая его в Ислам-городок. И при Мухаммед-Герее Абды-Рахман оставался «большим любовником» хана, по выражению грамоты самого хана³⁵¹.

В 1515 году Абды-Рахман уже занимал положение главы литовской партии. В инструкции московскому послу Мамонову этого года было сказано о «тайных речах»: «а будут у него (т. е. у хана) тут Адрахман князь или Одрыхмановы стороны хто ни буди, которые с Одрахманом в его стороне, и Ивану ся у царя отговаривати, чтоб ему перед Адрахманом речи некоторые не говорити»³⁵². Князь Аппак с завистью говорил о подарках, которые Абды-Рахман получал от короля: 2.000 золотых опричь платья и сукон. Часть этих щедрых подарков Абды-Рахман раздавал царевичам, уланам, князьям и мурзам, чтобы они содействовали планам короля³⁵³.

Но Абды-Рахман колебался. Уже в 1516 году он делает попытку принять и чествовать у себя в Ислам-городке московского посла, чтобы подготовить почву для сближения с московским государем. В июне 1517 года Абды-Рахман предложил Василию III свою службу. В ответ Василий III прислал Абды-Рахману грамоту и легкий поминонок. Но ни грамоты, ни поминка московский посол не передал Абды-Рахману; этому воспротивился Аппак. «Дадите вы Ад-Рахману, князю грамоту и поминонок от великого князя, яз от великого князя дела отступлюся, а вы ходите за Од-Рахманом, и Од-Рахман великого князя дело и делает, а мне до великого князя дела и дела нет». Сближение не состоялось. И в августе 1517 года Абды-Рахман вместе с Богатырь-царевичем уже уговаривал хана дать заложников королю, чтобы укрепить союз с Литвою. После этого Абды-Рахман был деятельным сторонником Литвы. Но в 1519 году он снова предлагал свою дружбу Василию III. После смерти Мухаммед-Герая мы встречаем Абды-Рахмана среди друзей Москвы³⁵⁴.

В то же время главный поборник Москвы — князь Аппак в 1521 году сменил свою прежнюю московскую ориентацию на литовскую. Помимо общей причины, и именно того, что в Казани был посажен Шейх-Али (Шигалей) — противник Крыма, тут замешалась и личная обида. В письме Сигизмунду I князь Аппак предлагал служить ему так, как он раньше слу-

жил московскому государю. «Но за одно дело, — писал Аппак — разгневался на него. Которые поминки я ему дал, он мне воротил, и было мне в стыд; от него отступился и поклялся перед богом, что до смерти буду мстить ему саблех моею»³⁵⁵. По словам летописи, свой известный поход 1521 года хан начал «советом посла своего беззаконного, Аппака-мурзы»³⁵⁶.

10. Распря Гераев

Как ни оценивать роль Аппака и Абды-Рахмана, ни тот ни другой не были крупными фигурами среди феодалов Крыма. Как служебные князья они имели значение при дворе хана, но вопросы общей политики ханства решались не ими. И среди родовых князей времени Мухаммед-Герая мы не встретим влиятельного князя, который мог бы так направлять политику Крыма, как это делал раньше князь Эминек. Наиболее сильными и влиятельными из лиц, окружавших хана, были старшие царевичи: брат царя и калга — Ахмат и сын Мухаммед-Герая — Богатырь-салтан.

Прямой и настойчивый, шумно проявлявший и гнев и радость, с яркою и энергичною речью; старший сын Мухаммед-Герая имел большое влияние на отца. Характеризуя положение нуредин-салтана, В. Х. Кондараки писал, что нуредин жил в столице хана, считался его ближайшим другом, занимал пост начальника главного штаба, командовал армией, присутствовал в диване и часто попадал на престол при поддержке беев и мурз³⁵⁷. В начале XVI столетия звания нуредина еще не было в Крымском ханстве, но положение царевича Богатыря напоминало положение нуредина. Тотчас после смерти Менгли-Герая Мухаммед-Герай сказал своему сыну: «яз при отце своем дела делал, а ему в том упокой был, и ты также мои дела делай»³⁵⁸. И хан давал Богатырю разнообразные поручения: то посылал его вернуть пошедших в набег царевичей и князей, то посылал сторожить украины, то отправлял в поход во главе армии.

«У Богатыря царевича отец его Магмет-Кирей царь и все люди в его руках: что хочет, то сделает», так говорил Аппак о силе и влиянии Богатыря при дворе. Когда в 1518 году сорвался налаживавшийся было союз между Василием III и Мухаммед-Гераем, по словам царевича Ахмата «переворотил его (т. е. хана) Богатырь-царевич и Од-Рохман князь»³⁵⁹.

О влиянии Богатыря хорошо знали в Москве. Ему посылались особые грамоты, а послам давались указания действовать на царя через Богатыря-царевича; к Богатырю направлялись просьбы, чтобы он «дела нашего берег», и послам поручалось добиваться «правды», т. е. клятвы в верности миру и союзу от Богатыря «в опришнину»³⁶⁰.

В отношении Богатыря-салтана к Москве мы тоже видим колебания. Но его переходы от дружбы с Москвой к союзу с Литвою и обратно были одновременны с переходами его отца, хана, и совпадали с поворотами всей политики Крыма. Впрочем и корыстный расчет получить больше поминков нередко руководил Богатырем царевичем. «Да князь ли великий, король ли, — кто меня более почтит, того аз боле и дело стану делати», заявлял Богатырь московскому послу³⁶¹.

1517 год был годом литовской ориентации Богатыря-царевича. «Какую правду ты видел от великого князя, — убеждал царевич отца, — литовского, государь, от себя и от нас отгонишь, а с московским, государь, своего дела не сделаешь». В этом году царевич не принял московского посла и не взял у него подарков. В январе Богатырь пошел было на московские окраины, но не довел похода до конца. В мае Ахмат-Герай предупреждал Василия III о новых планах набега Богатыря-царевича «думою Од-Рахмана». Осенью Богатырь действительно явился на московскую Украину³⁶².

В 1518 году Богатырь-царевич особенно настаивал на тесном союзе с королем, на том, чтобы королю дать заложников. Но когда хан дал все-таки «щерть» Василию III, Богатырь изменил свое поведение: он идет в походы на Литву. Впрочем, «щерть» Москве как хан, так и Богатырь царевич дали условно. Василий III должен был выполнить три условия: 1) помочь Крыму овладеть Астраханью³⁶³; 2) передать Крыму три украинные города³⁶⁴; 3) давать ежегодно поминки. С обычной прямою Богатырь-царевич заявлял: «не пособит князь великий отцу нашему да и нам на нашего недруга азтораканского, а любо у великого князя чего попрошу, и он мне не даст, ино с меня и щерть доле»³⁶⁵.

Если Богатырь-царевич был поддержкою и правою рукою хана, то Ахмат-Герай был враждебен ему и кончил открытою борьбою с ним.

Независимый от хана в своем днепровском юрте Ахмат вел свою политику. Сначала, еще при жизни отца, он — на стороне Литвы. В 1510 году он сам вызывался ехать в качестве заложника к Сигизмунду I. Тогда же Ахмат ходил в набег и на московскую Северскую Украину. Позже он объяснял, может быть и не совсем верно, мотивы своей тогдашней вражды к московскому государю: «а что будет меж нас с великим князем которое непригожество, то ся по грехом стало теми делы, от великого же князя его нежалованье к себе почюл есми, учал меня звати хромцом и тлупцом, и ни к чему яз не надобен»³⁶⁶.

Но сейчас же после смерти Менгли-Герая Ахмат пытается примириться с Москвою и в то же время заговаривает и об «опочиве» в Москве, если ему «лихо учинится». Уже в это время у Ахмат-царевича, повидимому, складываются какие-то замыслы против хана-брата. В 1516 году Ахмат поручал своему посланному в Москву человеку — Хозя-Ибрагиму что-то на словах сказать Василию III про Саадет-Герая и Мубарек-салтана, т. е. о тех живших в Стамбуле царевичах, в которых Мухаммед-Герай видел претендентов на крымский престол³⁶⁷.

Сближаясь с Москвою, Ахмат-Герай думал о том, чтобы возродить традиции Менгли-Герая, традиции лучших времен ханства. «Да пожаловал бы великий князь помятовал, каковы меж себя друзи были отцы наши: коли князь великий прикажет отцу моему царю, велит ему часто воевати Литовскую землю, и отец мой царь на то дело меня посылавал, и мне от отца своего то за честь было». Об этом времени дружбы с Москвою Ахмат твердил и хану³⁶⁸.

На свой союз с московским государем Ахмат-Герай смотрел как на свое личное дело, независимое от политики хана. Если планы хана и Богатыря-царевича были враждебны Москве, Ахмат противодействовал им, торопясь предупредить Василия III о замыслах хана. Так, в июле 1516 года, когда Богатырь и другие царевичи, готовые к походу, стояли близ Азова, Ахмат послал в Москву с вестью своего человека, чтобы великий князь велел своим людям на Украинах побережся. «Твоей земле добра хочу, чтоб еси своих земель накрепко поберег, а в недругу бы еси не плошился». Когда в 1517 году Богатырь-царевич вышел за Перекоп, Ахмат послал двух человек с вестью в Москву, говоря в то же время бывшему в Крыму московскому послу: «то уж мне до полна ведомо, что Богатырь пошел на великого князя Украину»³⁶⁹.

«Яз брата своего, великого князя, без вести не держу о всяких делах,—говорил послу Ахмат-царевич;—а пойдут царевичи, Богатырь-царевич и Алп-царевич, на великого князя Украину, а яз сам не иду, ни сына своего не пошлю, и брата своего, великого князя, без вести не держу». Здесь мы видим уже прямой отказ участвовать в политике и походах хана. А отказом в помощи еильный вассал мог парализовать планы своего государя. Напомним, что Ахмат не ехал на «ратную думу» к царю, чтобы

помешать походу на Москву. Но больше того. Он угрожал и самостоятельными действиями против Литвы, если царь попробует начать войну с Москвою. «А Черкасы и Киев мои соседи, — говорил царевич, — те яз города наперед поемлю»³⁷⁰. И в то время, как другие царевичи шли в походы на Москву, Ахмат самостоятельно повел борьбу с Литвою, не раз посылая сына Гемметя во главе своей рати³⁷¹.

В борьбе с Литвою у Ахмата создавались широкие планы. В 1517 году он просил Василия III дать ему место на Новгород-Северской Украине, где бы ему стоять; «а оттоле бы мне Литовская земля воевати». Ахмат строил планы совместно с московским князем овладеть Киевом, Вильно и Троками с тем, чтобы Киев остался за ним, Ахматом. А пока со всеми улусами и ордою Ахмат выкочевал к Очакову. «И на зиме, по синему льду, на заставу учну ходити и твоею, брата моего, саблюю учну сечи; и сею дорогою на твоего, брата моего, недруга, на Литовский юрт сын мой, Геммет-Гирей ходил, и там дятку моего с сыном взяли, и а иных там многих колко поимали, бог ведает»³⁷². Война разгоралась; убитые и взятые в плен вызывали новое мщенье.

Все это заставляло короля требовать мер против Ахмата. Его город Очаков был вечною угрозой для Польши и Литвы. Поэтому в 1517 году Сигизмунд I потребовал, чтобы царь свел Ахмата с Очакова в Перекоп, а Очаков держал бы сам. И так как в это время шли переговоры о союзе между королем и ханом, то вторым требованием короля было, чтобы в числе заложников был отправлен в Киев и младший сын Ахмата. В отчете московского посла Шадрина приводятся и доводы короля: «Ахмат мне недруг, и будучи он в Очакове, дружбу нашу и братство учнет рушити»³⁷³.

К этому времени назрела полная отчужденность хана и его калги. В июле 1517 года Ахмат говорил послу Мамонову: «а меня брат мой, царь держит отдаль себя»; «видишь сам, что у брата у своего, у царя, не живу, а хотя коли у него буду, и он меня таится». Теперь Ахмат был вызван к царю, но царь получил непреклонный ответ: «олны моей головы не будет, тогда дети мои и город перед тобою; хотя захочешь, и ты поиди со своими детми к королю, а яз как сына не дам, а с королем дружбы не хочу». И «плюнув тут, да пошел прочь от царя, да потаместа у царя и не бывал», передавал посол Шадрин³⁷⁴.

Этот отказ должен был вызвать раздражение не столько хана, сколько Богатыря-царевича. Он больше всех настаивал на союзе с Сигизмундом. Обещанная королем «большая казна» туманила голову Богатыря, пленяла воображение. Своим противникам, князьям-друзьям Москвы, он грозил суровою расправою: одних переколою, других пересеку. Уступая сыну, в собрании князей, перед польским послом, вызвав маленького Бибей-царевича, Мухаммед-Герай сказал Богатырю: «восе тебе сын, а твой брат, давай его в Литву, ты то ведаешь». «И Богатырь-царевич учал быти весел». Но и на этот раз все разбилось о сопротивление Нурун-царицы; недаром Аппак постарался, чтобы две его сестры и мать Тевекель-мурзы были в это время возле царицы, чтобы ее «отговаривати». Испугавшись за участь своего сына в Польше, царица поспешила увезти его в Кыркор. Узнав об ее отъезде, Богатырь в гневе колот упреками отца: «какой ты царь, коли тебя жонка не слушает». «Поедь ты, да утони ее», ответил, как потом передавал Кудояр мурза, царь сыну; «яз изыму за волосы, а ты отрежь ей голову, а брата возми». Но князья сумели отговорить и удержать хана³⁷⁵.

В феврале 1518 года в Москву пришло одновременно несколько известий о распре в Крымской орде. «Межи болшево и меньшево дву салтанов бесовскбе слово пришло», писал князь Аппак. О том же писал Мухаммед-Герай: «и ныне некоторой лихой человек лихое дело вкинул меж брата моего Ахмата царевича и между сына моего Богатыря царевича».

Рознь продолжалась всю весну и лето. В августе Мухаммед-Герай снова писал: «с братом с своим с Ахматом-Гиреем погневались». «В земле у нас меженина сталася, и тое деля замятни-на Днепрский берег в город перешел есми», писал и Ахмат. Сын Ахмата — Гемметь объяснил причины этой розни: «яз... на Литву своей войны не оставливаю, и того для Ахмат-Гирею, отцу моему, и мне царь, дядя наш, великую опалу положил»³⁷⁶.

В связи с возникшею распрею снова поднялся вопрос об «опочиве» для Ахмата в Москве. Еще в 1515 году Василий III обещал принять Ахмата с детьми и со всеми людьми, обещал ему и свободный отъезд в случае желания. В декабре 1517 года вопрос ставился определеннее: Ахмату был обещан Мещерский городок. В то же время Ахмат просил Василия III взять сына Юсуфа, намеченного в заложники королю, и укрыть его в Москве. Охотно, без оговорок, принимая Юсуфа, Василий III готов был принять Ахмата только в случае крайности: «если на царевича будет нужда велика, и нелзе ему там дотоле быти», только тогда посол должен был решительно говорить с Ахматом об «опочиве». Кроме Касимова Василий III готов был дать Ахмату и Каширу; а если бы Ахмат прислал Гемметя, то Мещерский городок великий князь был согласен дать и Гемметю³⁷⁷.

Мухаммед-Герай делал попытки примирить брата и сына, назначая местом их встречи Перекоп. В августе 1518 года состоялось примирение «Ино его (т. е. Ахмата), ехав, да привели и с волным человеком с царем его совокупили», писал Бахтеяр мурза. «Ахмат-Гирей, — сообщал сам хан, — пришед ко мне, в ноги пал, а молвил: «проступил есми»³⁷⁸.

Но мир был недолог и вскоре сменился открытым разрывом. В январе 1519 года посол Останя Андреев писал из Крыма: «а Охмат, государь, от царя отступил, а стоит в Очакове, а Гемметя-царевича, сына своего, послал к турецкому просити помочи на брата». С своей стороны, хан выслал Богатыря-царевича «заставою беречься» от Ахмата. В то же время хан передал Богатырю звание калги. В марте посол Голохвастов сообщал, что Мухаммед-Герай приказал убить Ахмата. Через некоторое время это было выполнено Алп-салтаном³⁷⁹.

История Ахмат-Герая переходит в историю его сына — Гемметя-царевича. В момент смерти отца Гемметь был в Турции. Через два года мы видим его и Саадет-Герая во главе экспедиции к Белгороду и Добричу, откуда царевичи увели 20 тысяч татар к Ядрину полю (Адрианополь)³⁸⁰. Напрасно Мухаммед-Герай пытался войти в сношения с царевичами и отправил к ним посла с грамотами. Царевичи изодрали грамоты хана: «не надобеть нам твой посол, ни твои грамоты». Но Василий III получил из Ядрина поля грамоты от примкнувшего к Гемметю князя Бурнаша и от слуг царевича Адар-Газы и Алакума. «Государю нашему, Гемметь салтану, бог счасток даст, в Перекопи государем будет», писал Бурнаш и слуги царевича. Таковы были надежды. А в случае неудачи, прибавлял князь Бурнаш, «опричь нам твоей земли инде места не искати»³⁸¹.

В своих планах Гемметь-салтан мог рассчитывать на Ширинов. Напомню, что семья Ахмата-Герая была в близком родстве с главами Ширинов: сам Ахмат был женат на дочери уже умершего князя Бараша, дочь Бахтеяра-мурзы была просватана за Гемметя. После смерти Ахмата его вдова с двумя младшими сыновьями жила у своего двоюродного брата и свата Бахтеяра. Мухаммед-Герай пытался разорвать эти отношения; он посватал дочь Бахтеяра-мурзы за своего сына Казы-Герая, но получил отказ: «обручал, государь, братанич твой у меня дочь; и он будет, и мне где быти?»³⁸².

В это время у Ширинов рознь с царем; они «берегутся» от него и не являются на съезд вассалов. Ширины были посвящены в замыслы Гемметя.

Как писал в Москву посол Голохвастов ещё в конце 1519 года, от Саадет-Герая и Гемметя приезжал из Царяграда человек к Бахтеяр-мурзе и всем Ширинам с известием, что султан «жалует» обоих царевичей и хочет помочь им «достать» крымский юрт. Царевичи указали и срок, «о которых было днех делу их быти». Но срок миновал, и Бахтеяр мурза справлялся через гонца у царевичей: «зачем ваше дело не ссталось, а коли ваше дело будет, и вы бы всем том к нам отказали»³⁸³.

Учитывая положение дел в Крыму, Василий III ещё в 1519 году поручил ехавшему в Кафу послу Голохвастову разузнать, где дети Ахмата, и звать в Москву младших царевичей — Юсуфа и Бачкака и их аталыка (воспитателя). Великий князь поручил Голохвастову звать и Гемметя. В 1521 году послу снова были поручены переговоры как с Саадет-Гераем, так и с царевичем Гемметем; при этом Саадет-Герая звать в Москву, если он сам поднимет вопрос об этом, и обещать ему от имени великого князя Каширу. Гемметя же, памятуя о дружбе Ахмата и услугах самого Гемметя, Василий III поручал усиленно звать, говорить и с людьми царевича, чтобы и они уговаривали его ехать в Москву, и обещать ему и Мещеру, и Каширу. Если же Гемметь спросит о Казани, то ответить: «а и Казани господине, государь наш тебе не боронит же»³⁸⁴.

11. Конец Мухаммед-Герая

На походе под Белгород и Добрин прерывается для нас история Гемметь-царевича. Известный крымский поход 1521 года на Москву прервал дипломатические сношения между Москвою и Крымом, и в «крымских делах» московского посольского архива оказался пробел. Нам меньше известна жизнь Крымского ханства в последние годы правления Мухаммед-Герая. Походом царя и царевичей на Москву сумели воспользоваться постоянные враги Крыма — астраханцы. Напав на крымские улусы, они захватили «без числа» скота, увели много пленных; много народа из улусов, спасаясь, прибежало в турецкую Кафу³⁸⁵.

Ответом на астраханский набег был тот поход Мухаммед-Герая на Астрахань, который сначала ознаменовался блестящею победой хана, а потом кончился гибелью как его, так и Богатыря-царевича и поражением крымцев. Выманенный ногайскими мурзами из Астрахани, которую он взял, Мухаммед-Герая, его сын и свита были изменнически убиты в палатке хана. Руководителями заговора были ногайский князь Мамай, ногай Шыгим-мурза и Мангит Темеш (Тениш) мурза³⁸⁶.

Вслед за смертью царя и царевича последовал полный разгром крымской армии. Московские казаки и ехавший в Турцию посол Морозов были очевидцами этого разгрома. Казаки видели на Дону, как «крымские татарове из Асторокани бегли от ногайских мурз и за Дон возились», и как «крымцы на Дону топли». «Да и мы, государь, — прибавляет в своем донесении Морозов, — видели по перевозом, к Азову идучи, днищ за 5, и за 6, и за 10 (т. е. 10—14 мая), по которым местом крымцы Дон возились, ино государь, лежит теплых лошадей и верблюдов по берегу и по полю, и телег метаню добре много. Да и татарове деи, государь, крымские по перевозом многие топли»³⁸⁷.

Первыми прибежали в Перекоп «в Лазареву субботу» сыновья Мухаммед-Герая — Казы-Герая и Бибей, Бахтеяр мурза и человек 50 уланов и мурз. А потом долгое время, до самого конца года, приезжали в Перекоп «на всяк день» разгромленные татары; некоторые приходили пешком³⁸⁸.

Царь Ших-Айдар с ногаями и Мангитами шел следом за бежавшими царевичами. Собрав кое-какие силы салтаны защищались у Перекопа. Битва продолжалась три дня и кончилась победою ногаев. Ворвавшись в

Крым, ногаи целый месяц опустошали его, угоняли скот и коней, «волочили» из гор и лесов попрятавшихся жен и детей. Стоя в 10 верстах от Перекопа, Ших-Айдар посылал людей в загон к Очакову, и там они угоняли стада и овладевали улусами. В это тяжелое время Казы-Герай стал ханом ³⁸⁹.

Но узнав о гибели Мухаммед-Герая и его старшего сына, султан Сулейман решил посадить в Крым Саадет-Герая и отправил его с отрядом янычар в Кафу. Сюда явились Казы-Герай, Бибей-салтан и крымские князья. По приказу Саадет-Герая Казы-Герай был казнен, Бибей-салтан закован и посажен в тюрьму; по сведениям, полученным в Москве от бегкула азовского, Саадет-Герай арестовал и отправил в Стамбул и много князей. Князья «подняли на царство» Саадет-Герая. Он женился на вдове царевича Ахмата — Ширин-бек ³⁹⁰.

В Крыму почти не оставалось народа. Если все крымцы соберутся, писал бывший в это время в Крыму И. Кольчев, то их не будет 15-ти тысяч, и то одна треть на конях, а две трети на кобылах и жеребятах. В степи за Перекопом были ногаи. Всю зиму по дорогам в Крым стояли сторожи, береглись ногаев. «А крымскому, государь, царю стать неким и почать неким, а надеется, государь, крымской царь на царя отманского», писал Василию III из Азова бегкул. Тот же бегкул сообщал, что Сулейман прислал Саадет-Герая 20 тысяч конной силы и 500 пищальников «побереги нового царя, доколе укрепится» ³⁹¹. Янычары, турецкие пищальники, тюфяки и пушки долгое время были опорой Саадет-Герая не только против внешних врагов, но и внутри Крыма ³⁹².

Принявшие нового хана князья сторонились от него ³⁹³. В мае 1524 года и, очевидно, занял место при дворе хана. Когда в конце зимы (за неделю рознь велика». Одною из причин этой оппозиции было покровительство царя Тениш-мурзе, измены которого не могли простить князья. Тениш (Тенеш, Темеш) мурза вернулся от ногаев в Крым 20 декабря 1523 года и, очевидно, занял место при дворе хана. Когда в конце зимы (за неделю до Масленой) хан позвал к себе князя Довлет-Бахты и ширинских князей, они не поехали и прислали ответ: «дашь нам нашего душегубца Тиниш-мырзу, и мы к тебе едем; а не дашь нам Тиниш-мурзы, и нам к тебе не ехати, занже тот у нас Тиниш-мырза убил дву государей, Магмед-Гирея царя да сына его Богатыря-царевича». Отказывая князьям выдать Тениш-мурзу, хан тем не менее признавал его вину. В грамоте Василию III, сообщая о смерти Мухаммед-Герая, хан писал: «и люди его, которых он кормил и жаловал, учинили над ним лихое дело, его и сына его Багатыря убили и рать их побили». Люди, которых кормил и жаловал Мухаммед-Герай, были те князья и мурзы Мангиты, которыми окружал себя Мухаммед-Герай. Сын Янкувата Мангита (Янкуват Мангит был шурином, зятем и вассалом Менгли-Герая) — Тениш-мурза был крымским Мангитом, к которому больше всего подходили слова «кормил и жаловал». Он и другие Мангиты и были главными виновниками смерти убитого хана. «Мангитские мырзы учинили недружбу Магмед-Гирею», писал в Москву и Довлет-Бахты. Рост влияния этого чужого ногайского рода и толкал старые крымские роды в оппозицию царю ³⁹⁴.

Впрочем, часть князей, и среди них Довлет-Бахты, очень скоро, уже к лету 1524 года, примирилась с новым ханом. В своем письме Василию III Довлет-Бахты отметил с похвалою одну черту Саадет-Герая — его прямоту. «А как к нам в руки пришел и царем ся учинил, то уж год минул. А не видали есмя того, чтоб слово молвил да вдругоряд бы его переговорил; никоторых для дел не слышали есмя от него ложна слова. Крепко правит, прямой человек... Хоти бы у него которой карач был, или улан, или князь,

или кто от ближних его людей, а только ложное слово говорит, и он ему — недруг, ложных речей не любит»³⁹⁵.

Но далеко не все были так увлечены Саадет-Гераем как Довлет-Бахты. В 1525 году началась длительная усобица между ханом, его племянником Ислам-Гераем и его братом Сагиб-Гераем, в результате гибельная для Ширинов. Князья разделились. За Ислам-Герая стали Ширины с князем Мемешем во главе. Впрочем, Бахтеяр-мурза так же, как Довлет-Бахты, был на стороне Саадет-Герая. Ислам-Гераю не повезло, и в 1526 году Саадет-Герай мог написать в Москву, что Ислам-Герай с князем Мемешом Ширином в ноги ему пали, что четыре карачи и все люди исправились. Князь Мемеш снова получил звание карачи, переданное было Бахтеяр-мурзе³⁹⁶. Но восстание против хана поднялось снова.

В марте 1528 года в Москве было получено известие, что царь «побил» князя Мемеша, Айдешку-мурзу Ширина, Пашу-мурзу брата Халиля и других князей и мурз, Саадет-Герай сам написал Василию III об измене князей. «И ты бы татаром не верил, их правде», писал долго живший вдали от Крыма хан; «татарове бога ся не блюдут, и правды в них нет, на правде не стоят». Тех людей, прибавлял хан, «все головы пошли». В августе 1529 года Саадет-Герай писал, что если он некрепко ногами стоял, когда «земля мешалась», то теперь стоит крепко³⁹⁷.

Но весной 1531 года посол Ст. Злобин доносил из Крыма, что у царя снова рознь с Ширинами, князем Бахтеяром, его братом Авляяром-мурзою и детьми. Не знаю, насколько справедливо донесли хану, что Ширины хотят его убить. Настороженный хан окружил себя янычарами и конною стражею. В это время Саадет-Герай выдавал дочь за Кочкар-мурзу Седжеута. На свадьбе князь Бахтеяр позвал к себе хана побывать в своей отчине — Старом Крыме. В необычайном окружении хан двинулся в гости, захватив с собою пищали, полуторные и сороковые. На последнем стане перед Крымом два ширинских мурзы — Таузак и Юнус пришли предупредить хана, что Бахтеяр-мурза, его брат и царевич Бучкак задумали убить царя, на его место посадить Бучкака, а калгою назначить Юсуфа. Саадет-Герай послал спросить Бахтеяра и других Ширинов, позволят ли они ему ехать в город с пищалями, а тем временем уже пустил царевича Сагиб-Герая изгнанным на ширинские улусы. Князь Бахтеяр и царевич Бучкак сами явились в стан к царю, и царь велел их убить. Был убит и царевич Юсуф, и Авляяр-мурза и те, «кто был с ним в думе» — дети Бахтеяра и Авляяра, которые не успели спастись. «И царь въехал в город Крым, ширинское княжение дал Тузак мурзе, а калгою учинил у него Юнус-мурзу». А царицу Ширин-бек хан велел посадить в заточенье в Кыркоре³⁹⁸.

Хан продолжал испытывать страх перед успешными бежать Ширинами, а Ширины ждали, что царь погубит весь их род³⁹⁹.

Винником всех оговоров был царевич Сагиб-Герай. По его оговору хан был готов уже обвинить в измене и своих «ближних князей» — Магмет-Пашу, Салимшу и других, всех Кипчаков, ближайшую родню бывших «ближними князьями» Мухаммед-Герая, Халиля и Аппака. Но оговоры Сагиб-Герая были раскрыты. Князья требовали выдачи его, но хан ограничился тем, что отправил его «за море», в Турцию⁴⁰⁰.

Люди, окружавшие Мухаммед-Герая, один за другим сходили со сцены. Не осталось сыновей Ахмата-царевича, давно не было князя Аппака, Халиля, Ширина князя Агиша. Еще в 1526 году умер Довлет-Бахты, уступив свое место карачи брату Исенеку⁴⁰¹. Были казнены князь Мемеш, Бахтеяр-мурза и многие другие. Мы видим, что это не была естественная смена поколений. Ширины удалялись насильственно; события царствования Саадет-Герая нанесли тяжелый удар их роду.

Я позволил себе остановиться на этих событиях, так как они создавали новую ситуацию в Крыму. Ослабление старых крымских княжеских родов в лице Ширинов открывало теперь дорогу новым родам. Прежде всего это были Мангиты-Мансуры, рост значения которых со второй половины XVI века давно был указан историками Крымского ханства. Князья Мангиты вошли в число первых карачей Крыма. В грамоте 1552 года Сигизмунду-Августу Девлет-Герая указывал, ошибаясь, что раньше при Менгли-Гераяе и Мухаммед-Гераяе поминки шли шести карачам, а при Сагиб-Гераяе посылались князьям Ширинскому, Мангитскому и Барынскому и не посылались князьям Аргынскому, Седжеутскому и Кипчакскому. Таким образом, род Мангитов в представлении Девлет-Герая занял место рядом с двумя первыми родами Крыма. В договоре Девлет-Герая с Сигизмундом-Августом было установлено, что только три первых карачи могут посылать своих послов в Литву⁴⁰².

Второе, что пришло с Саадет-Гераяем, это усиление влияния Турции в Крымском ханстве и усиление зависимости ханов от султана. Принесенные новым ханом турецкие порядки бросались в глаза старым крымским вельможам. «А тому нашему царю, — писал Довлет-Бахты, — счастливой хандикер (т. е. султан) как бы родной отец. Там у него жил и выросл, и что тамо видел, который у турского обычай, и у него то же обычай»⁴⁰³. Посаженный на престол султаном, Саадет-Герая охотно шел на подчинение ему. Характерно, что в одной из своих грамот свою столицу Кырккор и связанный с ним Бахчисарай Саадет-Герая называет пригородом Константинопольским⁴⁰⁴.

Простор для турецкого влияния открывался прежде всего в придворном обиходе и порядках управления. Историки Крымского ханства давно отметили влияние Турции и двора султанов в придворной жизни и административном строе Крыма, влияние, которое приводило от золотоордынского устройства к османскому. И. Н. Березин находил следы этого влияния уже в ярлыках Мухаммед-Герая; В. Хартахай — в строе Крыма XVII столетия⁴⁰⁵.

Турецкий элемент в администрации Крымского ханства действительно замечен уже при Мухаммед-Гераяе. В начале 1523 года, по наблюдению московского посла И. Колычева, в Перекопе и кади, и ага, и приказные люди — все турчане⁴⁰⁶. Но особенно много новых людей явилось вместе с Саадет-Гераяем. С ним приехали его служилые князья и полный штат двора. Среди «сущих ичек», которые «пришли с волным человеком, Саадет-Гиреем царем», мы встречаем конюшего, меньшего конюшего, конюшенного писца, ясельничего, большого крайчего, большого деловца, кормового ключника и кормового подьячего, большого сытника, большого рынду, большого шатерничего, большого портных мастеров, знаменщика, того, кто платье царево носит, кто саблю носит, кто у царева доспеха стряпает, кто у саадака стряпает. Рядом с ними стоят особый походный казначей, походной казны писец, большой дворянин, придверник, большой и меньшей ага воротником. Нельзя утверждать, что все вновь встречающиеся в списках Саадет-Герая чины появились в Крыму только с его времени и что только при нем прошло то разграничение ведомств и их штатов, которое обнаруживается в грамотах Саадет-Герая (писец конюшенный, подьячий кормовой, писец походной казны). Но известная перестройка и усложнение строя двора и центральной администрации по турецкому образцу несомненны⁴⁰⁷.

С именем Саадет-Герая связывается и важное изменение в ханской армии, а именно — усиление значения огнестрельного оружия. Привезенные Саадет-Гераяем турецкие пушки и пищали давали ему несомненный перевес над князьями и увеличивали мощь крымской армии в любых военных предприятиях ханов. С этими пищалами Саадет-Герая выступил против Ширинов; те же турецкие пушки и пищали были в 1541 году на берегу Оки во

время похода на Москву Сагиб-Герая и в 1552 году под Тулою⁴⁰⁸. В связи с усилением крымской артиллерии мы находим в списке ханских слуг и большого и меньшего пушечного агу, большого и меньшего пушечника. Опорой Саадет-Герая были и янычары. При этом хане появился и в Перекопе «ага янычанской»⁴⁰⁹.

Третье, что имело значение для Крымского ханства середины XVI века, это то, что поражение Мухаммед-Герая открыло для ногаев заперекопские степи, куда ногаи и стали вливаться широкою волной. В статье «Ногайцы на Молочных водах» А. А. Сергеев приходил к выводу, что время появления ногаев в северной части Крымского ханства точно не установлено, но в тех заперекопских татарах, которых описывал Броневский, А. А. Сергеев видел уже ногаев⁴¹⁰. Мы знаем, что ряд ординских и ногайских улусов влился в Крым после разгрома Большой Орды в 1502 году, что среди людей Мухаммед-Герая были люди и Ногайского юрта. Но в то же время постоянной заботой этого хана было «беречься» от ногаев, сдерживать их натиск именно со стороны Молочной воды. В 1523 году, как мы видели, сопротивление было сломлено. В то же время обстоятельства на нижней Волге складывались так, что вытесняли оттуда ногаев. Часть ногаев откочевала в Крым после взятия в 1556 году Астрахани Иваном Грозным. По выражению московских грамот, это были «беглые» ногаи, так как другие подчинились Москве⁴¹¹. Ногайские улусы, по видимому, не могли сразу найти себе места в заперекопской степи. В 1559 году Сигизмунд-Август посылал грамоту князьям, уланам, карачам⁴¹² и всем людям Перекопской орды из ногаев. Из грамоты мы узнаем, что эти князья и все люди вышли из Ногайской орды еще «до панства» Довлет-Герая, но кочуют и ищут себе места. Сигизмунд-Август разрешал ногаям кочевать на своих землях⁴¹³. Напомню, что это было тогда, когда наступление с севера — силами днепровских казаков и Москвы — смело крайний северный городок Менгли-Герая — Ислам-Кермень и положило предел для возможного распространения владений Крыма на север.

Приток ногаев несомненно сказался и в истории хозяйственного развития Крыма. В то время, когда на полуострове происходил сдвиг в сторону развития оседлого земледелия, ногаи снова приносили с собою скотоводство и старые приемы кочевого земледелия. Разница в хозяйстве и основах быта двух половин бывшего Крымского ханства, по сю и по ту сторону Перекопа, становилась резче. Она продержалась до второй половины XIX века: для северной половины оставалось типичным скотоводство, для южной — земледелие и садоводство. За три века сменилось много условий. Но характерно, что в середине прошлого века крымца-земледельца и садовода называли татаринном, а заперекопского скотовода — ногаем.

Отмеченные новые особенности в жизни Крымского ханства позволяют здесь кончить настоящий очерк. Он доведен только до кончины Мухаммед-Герая и многих его вассалов. И в хозяйстве, и в политическом строе ханства выступают новые черты, не характерные ни для времени Менгли-Герая, ни его сына. Жизнь Крыма в середине XVI века поднималась на новую, более высокую ступень, с более сложным содержанием и, с большими внутренними противоречиями. Эти перемены позволяют закончить одну из глав истории Крымского ханства и раскрывают перспективу ее новой главы.

ПРИМЕЧАНИЯ

к статье «Мухаммед-Герай и его вассалы».

1. Pulaski. Machmet-Girej i stosunki jego z Polska. (Szkice i poszukiwania historyczne, II. 1898.
2. И Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. 70.
3. Сборник Русского исторического общества (РИО). ХСV. 135.
4. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. 1936 г., стр. 90.
5. Мемуары, относящиеся к истории южной России, т. I, 8. Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI, 346; т. XXIV, 105.
6. Сб. РИО. XLI, 278, 395, 508. ХСV 636—640, 660.
7. Сб. РИО. ХСV, 612.
8. Сб. РИО. ХСV, 287, 354, 502.
9. Сб. РИО. ХСV, 354.
10. Сб. РИО, XLI, 111, 113, 148, 170, 181, 193, 323, 354, 379, 381, 417, 419; ХСV 143, 270, 271, 287, 349, 354, 355, 361, 367, 369—372, 473, 495, 499, 502, 503, 606, 631, 638.
11. Сб. РИО, XLI, 170.
12. Записки Одесского общества истории и древностей. V, 243.
13. Сб. РИО. XLI, 193, 323.
14. Сб. РИО. XLI, 193, 323.
15. Сб. РИО. XLI, 431, 446, 468, 475, 476, 522, ХСV, 241, 638.
16. Stosunki polski z Mendli-Girejem. I, 310, 356 — ГАФКЭ. Крымские дела. VI, л. л. 223, 223 об., 224, 225 об., 227, 227 об., 228 об., 267 об., 269 об., 275 об., 276, 289 об., 290 об., 295.
17. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты, I, 118. Одна из грамот Саадет-Герая 1526 г. позволяет думать, что и в представлениях самих крымцев Бахчисарай не разрывался с Кырккором; один из ярлыков хана помечен: «в Кыркоре в Счастливом Сарае». ГАФКЭ. Крым. дела, VI, л. 125 об.
18. Сб. РИО. XLI, 431, 446.
19. Сб. РИО. XLI, 468.
20. В 1491 г., когда Менгли-Герай ждал нападения со стороны Большой орды, посол Вас. Ромодановский счел нужным отметить в своем донесении: «здесь, государь, царь Менгли-Гирей добр, здоров, а живет в городе, по полю не кочится». Сб. РИО. XLI, 118.
21. Сб. РИО. XLI, 197, 210, 217, 219, 220, 321, 356, 420, 540—546, 550—552. ХСV, 355, 617, 645—648. На Салгире в 1530—33 г. была Саадет-Гераем построена новая крепость. ГАФКЭ. Крым. д., VI., лл. 312, 314, 364 об.
22. Сб. РИО. XLI, 378.
23. См. у В. Смирнова, Крымское ханство, 338, 345.
24. Крымские дела, VI, л. 3.
25. Сб. РИО. ХСV, 273, 283, Крым. д., VI, л. 3.
26. Сб. РИО. ХСV, 495.
27. ГАФКЭ. Турец. дела, I, л. 194.
28. Сб. РИО. ХСV, 295, 370.
29. Сб. РИО. ХСV, 348.
30. ПСРЛ, XIII, 43.
31. Сб. РИО. ХСV, 70.
32. Сб. РИО. ХСV, 358—360, 364, 370.
33. Сб. РИО. XLI, 452, ХСV, 361, 612.
34. Турецк. д., I, л. 270, 271.
35. Сб. РИО. ХСV. 155, 157, 160, 162, 163, 230, 253, 340, 668, 678. В те же дни лета 1515 года, когда Мухаммед-Герай писал в Москву с Молочной воды, несколько его грамот было написано с Когальди Арыша или Когенли Арыша (сб. РИО.

XCV, 148, 150, 153). Когенли-Арыш находился, повидимому, на пол-пути между Перекопом и Молочной водой. Рать, стоявшая на Молочной воде, вероятно, в тылу опиралась на Феррах-Кермень. Грамоты с Молочной воды идут одновременно с грамотами из Феррах-Керменя. Характерно, что Ахмат-царевич, сообщая, что он в рати на Молочной воде, писал из Феррах-Керменя.

³⁶. См. «Пути и условия сношений Москвы с Крымом». Известия Ак. Н., отдел обществен. наук, 1932 г. № 3, стр. 202, 208, 209.

³⁷. Турец. д., I, л. 270, 271. Крымс. д., VI, л. 109 об., 127 об., 131. Окраинные крымские кочевья встречаются близ перечисленных рек. По летописи, в 1555 г. были посланы воеводы с боярином И. В. Шереметевым во главе в Мамай-лут (на левом берегу Днепра, на 50 верст выше Таванского перевоза), чтобы оттуда послать промыслить над стадами крымскими. ПСРЛ. XIII, 256. В 1556 г. кн. Д. И. Вишневецкий поставил город на Хортице против Конских вод у крымских кочевий и «многие кочевья у крымцев послыл». ПСРЛ. XIII, 275, 281. В 1560 г. ногайский мырза Тинбай приходил на Молочные, Овечьи и Конские воды и завоевал много крымских улусов. ПСРЛ. XIII, 324.

³⁸. Сб. РИО, XCV, 379.

³⁹. Сб. РИО XCV, 516.

⁴⁰. Сб. РИО, XCV, 269.

⁴¹. «Пути и условия сношений между Москвой и Крымом», Известия Ак. Н. по отдел. обществ. наук 1932 г. № 3, стр. 219—221.

⁴². Сб. РИО. XCV, 109, 382, 387, 400. Крым. д., VI, л. 4.

⁴³. Сб. РИО. XLI, 321, 323, 354, 357, 418. Синяя вода — приток Южного Буга, теперь р. Синюха.

⁴⁴. Книга посольская метрики В. княжества Литовского, I, 42.

⁴⁵. См. «Пути и условия сношений между Москвой и Крымом», указ издан., 205, 206. Сб. РИО. XCV, 128, 129, 293, 613, 618. Сборник Оболенск., I, 65.

⁴⁶. Сб. РИО. XLI, 209, 210.

⁴⁷. Сб. РИО. XCV, 128, 129, 293.

⁴⁸. Сб. РИО. XCV, 678. Несколько позже, в 1554 году, как мы видим, на Буге пасут овец чабаны турецкого царя, белгородские люди, но крымский хан Девлет-Герая берет с них десятину. Кн. посольс. метрики В. княж. Литовского, I, 102, 153.

⁴⁹. ПСРЛ. XIII, 326. В 70-х г.г. XVI в. Броневский писал, что аккерманские татары, а нередко и добруджские, следуют за крымским ханом на войну по приказанию турецкого султана. Запис. Одес. общества истории и древностей. VI, 364.

⁵⁰. Почти те же границы Крымского ханства указывал и Сестрэнцевич-Богуш для времени Хаджи-Герая: на востоке — р. Миус, на севере — р. Самара, на западе царство было смежно с Киевской и Подольской землей. «История о Таврии». II, 239. 1806 г.

⁵¹. Мемуары, относящиеся к истории южной России, т. I, 8, 14.

⁵². Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. Барбаро, 18.

⁵³. Сб. РИО. XLI, 230, 254, XCV, 41, 373, 378. Stosunki polski z Mendli-Girejem I, 223, 224. Крым. д., VI, л. 81 об., Турец. д., I, л. 192 об.

⁵⁴. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 22, стр. 40 и сл.

⁵⁵. Исторический сборник, V, 310—312. Также Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда, 83—87.

⁵⁶. Ярлык, в переводе В. Радлова, напечатан в Записках Восточн. отделения Русского археологич. общества, III, 1889 г.

⁵⁷. Л. Колли. Падение Кафы. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 55, стр. 149, 163.

⁵⁸. Л. Колли. Христофоро ди Негро, последний консул Сольдаи. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 38.

⁵⁹. По ярлыку Мухаммед-Герая 1579 г. сбор с дыма, сауга или салыг берется также с кочующих аулов. Записки Одес. общества истории и древностей, II, 675—679.

⁶⁰. Ярлык, в переводе И. Березина, напечатаны в «Записках Одесского общества истории и древностей», т. VIII.

⁶¹. Семенов Библиотека иностранных писателей о России. Барбаро, 36—38.

⁶². Сб. РИО. XLI, 113, 118, 149.

⁶³. Сб. РИО. XLI, 187, 190, 191, 364, XCV, 20, 39.

⁶⁴. Stosunki polski z Mendli-Girejem. I, 238.

⁶⁵. Сб. РИО. XLI, 108, 117, 118, 153, 414.

⁶⁶. Сб. РИО. XLI, 117.

⁶⁷. Сб. РИО. XCV, 358—360.

⁶⁸. Мы знаем, что еще в 1502 г. (в год, когда Менгли-Герая взял Орду) крымские ордобазарцы ездили в Киев купить жита. Сборник Оболенского, I, 75, 76.

⁶⁹. Крымские дела, VI, л. 315 об.

70. Герберштейн. «Записки о московитских делах», в перев. А. И. Малеина, 144, 308.
71. Записки Одесского общества истории и древностей, I, 384.
72. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения, изданный Ф. Ф. Лашковым. Известия Таврической ученой архивной комиссии, №№ 22, 23, 24. См. также статью Ф. Ф. Лашкова «Исторический очерк крымско-татарского землевладения». Известия Таврич. ученой архивн. комиссии, № 23, стр. 92.
73. Записки Одесского общества истории и древностей, VI, 345.
74. ПСРЛ, XIII, 318.
75. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 24.
76. Книга Большому чертежу, изд. Языкова, 1838 г., стр. 15—17.
77. Записки Одесского общества истории и древностей, XXIV, 119, 130, 131.
78. Мемуары, относящиеся к истории южной России, II, 328.
79. Записки Одесского общества истории и древностей, VI, 337—339, 352.
80. Крымские дела, VI, л. 326 об.; VII, л. 68. Турец. дела, I, л. 191 об.
81. Известия Таврической учен. архивн. комиссии, № 23, стр. 77, 97.
82. См. у Лашкова. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 23.
83. Сборник ярлыков Лашкова. Известия Таврической уч. комиссии, № 23, стр. 126—127.
84. Исторический сборник, V, 311, 312.
85. Сборник документов Лашкова. Известия Таврической учен. архивн. комис-
сии, № 24, стр. 75—81.
86. Крымск дела, VII, л. 68.
87. Крымск дела, VII, л. 68.
88. Крымск. дела, VII, л. 45. Среди рабов мы встречаем и татар, очевидно, из враждебной орды. Их имена — Иванкеджи, Кутлуйак, Ельякшин, Ислы. Сб. РИО, XLI, 58.
89. Записки Одесского общества истории и древностей, VI, 357.
90. «Записки о московитских делах», пер. А. Малеина, 151.
91. Крымские дела, VI, л. 71 об., 78.
92. Записки Одесского общества истории и древностей, XXIV, 114.
93. Ярлыки Хаджи-Герая и Менгли-Герая. Известия Таврич. уч. архивн. комис-
сии, № 54.
94. Сб. РИО. XCV, 414, 542. Книга посольская метрики вел. княжества Литов-
ского, I, 29.
95. Известия Таврической уч. архивн. комиссии, № 54 (ярлык Ибрагаму). За-
писки Одесского общества истории и древностей, т. VIII (ярлык Ходжа-бию). Сб.
РИО. XCV, 29, 74.
96. Русская историческая библиотека, XX, 741, 742.
97. Скарбовая книга Метрики литовской. Известия Таврической учен. архивн.
комиссии. № 28, стр. 48—50, 53—55, 63, 64, 66—70, 78.
98. Сб. РИО. XLI, 518. XCV, 356, 387. Крымские дела, VI, л. 110, 281.
99. Сб. РИО. XLI, 271, 540.
100. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. Барбаро, 31, 32.
101. Сб. РИО. XLI, 100, 106, 120, 271, 542. XCV, 28, 50. Азямы—персы; Мисорь—
Египет; Шам—Сирия; Рим—Византия, ее малоазиатские и балканские владения,
завоеванные турками.
102. Сб. РИО. XLI, 152, 153, 254, 515, 550.
103. Библиотека иностранных писателей о России. Барбаро, 31.
104. Записки Одесского общества истории и древностей, VI, 357. Слабое раз-
витие ремесла в Крымском ханстве заставляло ханов постоянно искать мастеров
на стороне. Обращаясь к Ивану III с просьбой прислать серебряные чары и на-
ливки, Менгли-Герай писал: «У нас так сделати мастера доброво не добыти, а у
тебя, у брата моего, такие есть». (Сб. РИО, XLI, 220). Строительные работы
Менгли-Герая, постройка крепостей, дворца в Салачике, потребовали помощи
иностранных мастеров, в частности итальянцев, работавших у хана. В 1504 году
для постройки укреплений Перекопа султан прислал 1000 человек и мастеров из
Кафы и Манкупа (Сб. РИО. XLI, 540). В 1508 году Менгли-Герай просил Василия
III прислать многих мастеров городских, которые камень умеют делать (Сб. РИО
XCV, 21).
105. Сб. РИО. XLI, 123, 151.
106. Сб. РИО, XLI, 64.
107. Сб. РИО, XLI, 68, 69, 76.
108. Сб. РИО, XLI, 105—112, 178. После того, как в 1502 году Ямгурчей вернулся
из поездки в Мекку, грамоты нередко называют его Ази-царевич или Хаджи-сал-
тан. Не учтя этого, указатель к 41 тому РИО создал нового брата Менгли-Герая—
Ази-царевича.
109. Сб. РИО, XCV, 37.

- ¹¹⁰. Саадет-Герай был отдан в заложники Селиму I.
- ¹¹¹. Сб. РИО. XCV, 272.
- ¹¹². Царевич Бети Герай утонул еще при жизни отца в 1510 году при переправе через Днепр. В Крыму оставались Ахмат, Бурнаш, Махмут и Сагиб. Махмут умер в 1516 году; Сагиб Герай в 1521 году стал царем в Казани.
- ¹¹³. Сб. РИО. XLI, 421.
- ¹¹⁴. В. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской порты, I, 350—352, 355, 357, 358.
- ¹¹⁵. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. 416—418.
- ¹¹⁶. «История государства Российского». VI, 116 (изд. 1842 г. Эйнерлинга). Записки Одесского общества истории и древностей, V, 174.
- ¹¹⁷. А. З. Р. I, 165. Сборник Оболенского, I, 72, 90. *Stosunki polski z Mendli-Girejem*, 282, 286, 308, 309.
- ¹¹⁸. Сб. РИО. XLI, 122.
- ¹¹⁹. Сб. РИО. XLI, 542.
- ¹²⁰. Сб. РИО. XCV, 20, 39.
- ¹²¹. Сб. РИО. XCV, 303, 355.
- ¹²². Сб. РИО. XLI, 468. XCV, 164, 303, 355.
- ¹²³. Сб. РИО. XCV, 290, 292.
- ¹²⁴. Рецензия на книгу М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки». Ж. м. нар. просв. 1917 г., № 3—4, стр. 120.
- ¹²⁵. Сб. РИО. XCV, 32, 34, 158, 298.
- ¹²⁶. Сб. РИО. XCV, 299.
- ¹²⁷. Сб. РИО. XCV, 390. Крымск. дела. VI, л. 57.
- ¹²⁸. Сб. РИО. XLI, 8. А. З. Р. II, 48. Сборн. Оболенского, № 1, стр. 21, 25, 95.
96. Крымск. дела, VI, л. 231.
- ¹²⁹. Сб. РИО. XCV, 81, 280, 281, 284.
- ¹³⁰. Сб. РИО. XCV, 354.
- ¹³¹. Сб. РИО. XCV, 293, 389, 525. Скарбовая книга Метрики литовской. Известия Таврич. уч. архив. комиссии, № 28, стр. 70. Записки Одесского общества истории и древностей, I, 342.
- ¹³². Крымские дела, VI, л. 65.
- ¹³³. Сб. РИО. XCV, 290, 294, 296, 299, 636. Крымск. д., VI, л. 65.
- ¹³⁴. Сб. РИО. XCV, 77.
- ¹³⁵. ПСРЛ. VIII, 277.
- ¹³⁶. Сб. РИО. XCV, 453, 654, 655.
- ¹³⁷. Сб. РИО. XCV, 157, 193, 270, 522, 636, 654. Крымск. дела, VI, л. 65, 65 об.
- ¹³⁸. Сб. РИО. XCV, 270, 654. *Stosunki polski z Mendli-Girejem*, I, 289, 387, 379. Сборн. Оболенского, № 1, стр. 26.
- ¹³⁹. Сб. РИО. XLI, 17, 54, 57, 58, 120, 123. XCV 147, 453, 521, 654, 655. Русск. истор. библиот. XX, 635 *Stosunki polski* I, 406. Известия Таврич. уч. архив. комиссии № 28, стр. 49, 76.
- ¹⁴⁰. Сб. РИО. XLI, 149, XCV, 273, 414.
- ¹⁴¹. Сб. РИО. XCV, 270, 658.
- ¹⁴². Сб. РИО. XLI, 230, 313. XCV, 270.
- ¹⁴³. Котел — группа купцов в 3—4 человека.
- ¹⁴⁴. Сб. РИО. XLI, 312, 313.
- ¹⁴⁵. Доход.
- ¹⁴⁶. Сб. РИО. XLI, 47, 48, 51, 305.
- ¹⁴⁷. Сб. РИО. XLI, 47, 106, 107, 111, 121, 124, 138, 270, 271.
- ¹⁴⁸. Сб. РИО. XLI, 305. XCV, 27, 41, 60, 73. *Stosunki polski z Mendli-Girejem*, I, 289, 290. Сборник Оболенского, № 1, стр. 27. Известия Таврической учен. архивн. комиссии, № 28, стр. 50, 55, 60 и 76.
- ¹⁴⁹. *Stosunki polski*, I, 380.
- ¹⁵⁰. Калан, по объяснению В. И. Бартольда, подать с возделанных земельных участков, вообще с оседлого населения.
- ¹⁵¹. Позже д'Асколи указывал, как главные доходы ханов: а) доходы от портовых городов, б) десятину со ржи и пшеницы, в) сборы с невольников, приводимых с войны, г) чеканку монет. По принятому мнению, в начале XVI века монета для Крымского ханства чеканилась в Кафе. В посольских документах упоминается «денежная изба» Менгли-Герая. Сб. РИО. XLI, 125.
- ¹⁵². Сб. РИО. XCV, 147, 148, 152, 153, 157, 159, 224, 495, 499, 538; 539; 547. *Stosunki polski* I, 303, 306, 399. Сборник Оболенского № 1, стр. 61, 62, 67—69, 98. А. З. Р. II, 19. Сабанчи-афыз был отправлен к Стефану волошскому в качестве самостоятельного посла. Сб. РИО. XLI, 256, 257.
- ¹⁵³. Сб. РИО. XCV, 269—271.

134. Сб. РИО. XCV, 370, 380, 654. Оговариваюсь, что иногда «афыз» может быть только личным прозвищем и не более того.
135. Крымск. дела, VI, л. 64, 64 об.
136. Сб. РИО. XCV, 33, А. З. Р. I, 165. Крымск. дела, VI, л. 64.
137. Сб. РИО. XCV, 43—45, 47, 54, 664.
138. Сб. РИО. XCV, 525.
139. Сб. РИО. XCV, 162.
140. Сб. РИО. XCV, 290, 655.
141. Сб. РИО. XCV, 678, 679.
142. Сборник Оболенского, № 1, стр. 43, 72, 74—76. Известия Таврич. уч. архивн. комиссии, № 28, стр. 55.
143. Pulaski Machmet-Girej. Szkice i poszukowania, II, 288. Stosunki polski I, 423—428, 446. Известия Таврич. уч. архивн. комиссии, № 28, стр. 47, 55, 84.
144. Stosunki polski, I, 413, 446.
145. Сб. РИО. XCV, 184, 199, 217, 222, 255—257, 259—261, 347.
146. Сб. РИО. XCV, 184, 248.
147. Сб. РИО. XCV, 270—279, 560.
148. «Крымское ханство», 248.
149. Сб. РИО. XLI, 230. XCV, 271, 354, 355, 527. Крымск. дела, VI, л. 65. Возможно, что Магмед-ага был сыном не Аппака, а князя Халиля. Но это не меняет вывода, так как князь Халиль был тоже Кипчак. В 1550-х годах Кыркорским воеводой был князь Сулеш Апакович, вероятно сын князя Аппака. Книга посольск. метрики вел. княжества Литовского, 83, 99, 152, 153.
170. Универсальное описание Крыма, X, 46.
171. Крымск. дела, VI, л. 2 об., л. 204 об., 212 об., 318.
172. Крымск. дела, VI, л. 330.
173. В 1541—42 г. в Перекопе снова воевода. В 1550-х годах в Перекопе воеводы князь Алкыч и князь Сыпат (Сибат) А. З. Р. II, 382. Книга посольск. метрика в. кн. Литовского, 99, 103, 110, 111, 129, 132, 152, 153, 172.
174. Сб. РИО. XLI, 305, 310.
175. Книга посольск. метрики в. кн. Литовского, 64, 82, 99, III.
176. Испорченное зауморка, зауморщина.
177. Сб. РИО. XCV, 370.
178. Сб. РИО. XCV, 283, 284. Крымск. дела, VI, л. 8 об.
179. Сб. РИО. XCV, 270, 504. Крымск. дела, VI, л. 64 об., 81.
180. Сб. РИО. XCV, 304, 370—373, 393, 501, 518, 526. Stosunki polski, I, 379.
181. Сб. РИО. XCV, 83, 393, 394.
182. Сб. РИО. XLI, 352, 516, 521. XCV, 83, 352, 392—394, 396, 416, 511, 515—517, 521, 577.
183. Сб. РИО. XCV, 33, 241, 516, 616. Крымск. дела, VI, л. 82, 82 об.
184. Сб. РИО. XCV, 285, 286, 512, 610, 616, 641.
185. Сб. РИО. XCV, 524, 525, 669. Крымск. дела, VI, л. 64.
186. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты, I, 122, 413. Противоречие в определении старейших княжеских родов Крыма у В. Д. Смирнова объясняется тем, что один и тот же род в разное время мог получить и разные названия. Яшлау — более позднее название для Кыпчаков, также как Кыпчаки стали называться и Сулешовыми.
187. Исследование о касимовских царях и царевичах, X, 411.
188. Сб. РИО. XCV, 51.
189. Сб. РИО. XCV, 211.
190. Исследование о касимовских царях, X, 411—436.
191. А. З. Р. I, 165. Скарбовая книга метрики литовской. Известия Таврич. уч. архивн. комиссии, № 28, стр. 37, 38.
192. Сб. РИО. XCV, 173. В грамоте Мухаммед-Герая 1519 года князь Довлет-Бахты назван «тетем», т. е. вторым лицом по отношению к ширинскому князю Агишу. Сб. РИО. XCV, 639.
193. Вельяминов-Зернов, Ук. сочин., X, 428.
194. Временник Общества истории и древностей российских, X, 75.
195. Сб. РИО. XCV, 377. Так же Герая смотрели и на Казань. Сб. РИО. XCV, 679, 696.
196. Сб. РИО. XCV, 377, 520.
197. Сб. РИО. XLI, 81, 84, 130, 131. XCV, 73.
198. В. Х. Кондараки. Универсальное описание Крыма, X, 61. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Известия Таврич. уч. архивн. комиссии, № 22, стр. 38.
199. Сб. РИО. XCV, 272, 354. Крымск. дела, VI, л. 316.
200. Сб. РИО. XLI, 414. XCV, 239, 624.

201. Характерно, что торговые пошлины получал и ширинский большой князь в Касимове. Вельяминов-Зернов. Указ. соч. IX, 471.
202. Сб. РИО. XCV, 670.
203. ПСРЛ. XIII, 257.
204. Сб. РИО. XCV, 39, 40, 339.
205. Сб. РИО. XLI, 119. XCV, 668.
206. Крымское ханство, I, 256.
207. Сб. РИО. XLI, 3.
208. Сб. РИО. XLI, 18, 20, 24.
209. Р. И. Б. XXVII, 331, 335, 338. Сборн. Муханова, изд. 2-е, 25. Stosunki polski, I, 204.
210. Сб. РИО. XLI, 33, 34, 36.
211. Сб. РИО. XLI, 31, 40, 49.
212. Сб. РИО. XLI, 54, 56.
213. Сб. РИО. XLI, 352, 375, 387, 425, 460, 484, 535.
214. Сб. РИО. XLI, 450. А. З. Р. I, 165.
215. Сб. РИО. XLI, 164. Такой же приблизительно наказ получил Московский посол в 1527 году. Крымск. дела, VI, л. 155 об. В 1530 г. гонец Степан Неболса должен был идти только к царю, калге, большой царице и большому князю Ширинскому и не ходить к молодым царевичам и князьям. Крымск. дела, VI, л. 257 об.
216. Известия Таврической уч. архивн. комиссии, № 23, стр. 81.
217. Сб. РИО, XLI, 54, 108. XCV, 173.
218. Исследование о касимовских царях и царевичах. X, 426, 427, 434.
219. Сб. РИО. XCV, 144. Временник Общества истории и древностей российских, X, 84, 195.
220. Сб. РИО. XCV, 144.
221. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, вып. 5—6, стр. 156, 188, 203. Шейбаниада. Библиотека восточных писателей, т. I, 56, 58.
222. Временник общества истории и древностей российских, X, 130.
223. ПСРЛ, VIII, 158, 216. XII, 124. Летопись называет Темира «большим» князем Ахмата. ПСРЛ. XXIV, 193.
224. Сб. РИО. XLI, 53.
225. Сб. РИО. XLI, 74, 108, 252, 518.
226. Сб. РИО. XLI, 54, 56, 74, 103, 122, 144, 145, 203.
227. Сб. РИО. XLI, 108.
228. Сб. РИО. XLI, 211, 358, 385, 515, 520.
229. Сб. РИО. XLI, 323, 356, 358, 381, 416, 417, 419, 420.
230. Сб. РИО. XLI, 467, 471, 518.
231. Сб. РИО. XLI, 462. XCV, 298. Сборник Оболенского, I, 29. Stosunki polski, I, 295.
232. В. Д. Смирнов. Крымское ханство, I, 415.
233. Сб. РИО. XCV, 13, 291, 292, 297, 307, 311, 318, 326, 364, 378.
234. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, X, 425. Сб. РИО. XLI, 504.
235. Сб. РИО. XCV, 13, 14.
236. Сб. РИО. XCV, 40.
237. Сб. РИО. XCV, 40.
238. Сб. РИО. XCV, 40. Такой же порядок перехода звания князя был и в других родах. Шемердень-Кият стал князем на месте брата кн. Казимира. (Сб. РИО. XCV, 358), Мусека—на месте брата Тулшара (Сб. РИО. XLI, 267). Но на Тортаево княжое место Менгли-Герай пожаловал сына его Сарыя (Сб. РИО. XLI, 173).
239. Сб. РИО. XCV, 313. Крымск. дела VI, л. 119, 137 об.
240. Рассказывая о царской власти в Иверии, Страбон выделял второе за царем лицо: «второе за ним лицо творит суд и предводительствует войском». Такое же лицо было в древней Армении. В примечаниях к переводу Моисея Хоренского Н. Эмин писал, что это было лицо вроде первого вассала в государстве. (Моисей Хоренский. История Армении, пер. Н. Эмина, 1858 г., стр. 285).
241. Патканов, К. П. История монголов по армянским источникам, II, 87.
242. Geschichte der goldenen Horde, 1848 г., стр. 228.
243. ПСРЛ, XI, 205, 206, 213, XII, 15, 30.
244. Р. И. Б. XXVII, 357. Сборн. Муханова, изд. 2-е, 36. Альчиново место — не совсем понятное для меня выражение. По монгольским преданиям, Алчи, сын Дай-Ноян, был другом Чингис-хана и отдал ему свою сестру Бюртэ-Фуджинь стал шурином великого хана. За двоюродных братьев Алчи и их сыновей Чингис-хан выдавал своих дочерей и внучек, «и им дано место больше сыновей Чингис-хана». Они стали «курканами» (гурканами — зятьями) хана, а Алчи назывался

Дарга Куркан. Звание куркана сделалось почетным. Женившись на дочери эмира Хусейна, Тимур принял это звание. Не от Алчи ли и его положения при Чингис-хане идет выражение Алчиново место? См. Шейбанида в пер. И. Березина, примеч. 63.

²⁴⁵ Сб. РИО. XLI, 323. Звание великого князя мы встречаем в Харезме в XV веке. Когда Мангит Муса-бий, разбитый Куджаш-мурзой, пришел к сыну Ядигера, хана Харезма—Берке-салтану и просил помощи, Берке с радостью принял Муса-бия и сказал: «Пусть отец мой будет ханом, а ты при дворе его будешь великим бием» (Абуль Гази. Родословное дерево тюрков. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, вып. 5—6, стр. 167).

Я думаю, что и Ша Исуп в Казани «земский князь» по словам летописи был таким же первым князем (ПСРЛ. VIII, 260, 266).

²⁴⁶ Сб. РИО. XCV, 172, 312, 654.

²⁴⁷ Сб. РИО. XCV, 312.

²⁴⁸ Сб. РИО. XLI, 175. Крымск. дела, VI, л. 139. об. Может быть, название «Айдарово место» идет от того крымского князя Айдара, который играл крупную роль в Крыму в первой половине XV века и вместе с ширинским князем Тэгене помог возвышению Улу-Мухаммеда. Князь Айдар принадлежал к роду Коуратов. Может быть, сначала звание первого князя давалось представителям этого рода.

²⁴⁹ Сб. РИО. XCV, 172.

²⁵⁰ Сб. РИО. XLI, 230, 254.

²⁵¹ Р. И. Б. XXVII, 356, 357. Сборн. Муханова, изд. 2-е, 36.

²⁵² Крымск. дела, VI, л. 204.

²⁵³ Продолж. древн. российск. вивлиофики, VIII, 274, IX, 4, 13.

²⁵⁴ Stosunki polski, I, 309.

²⁵⁵ Stosunki polski, I, 252. Алабат-улан послан с отрядом в 300 человек. Сб. РИО. XLI, 479.

²⁵⁶ Книга посольск. Метрики в. кн. Литовского, 320. Таким же служебным, городовым, а не родовым князем, я считаю в Казани Кутлу-Булата, князя Городецкого. ПСРЛ, VIII, 282.

²⁵⁷ Крымск. дела, VI, л. 65.

²⁵⁸ Таковы ординские князья — Чагир, Магмед-Аминь, Черкас, Челябей.

²⁵⁹ Известия Таврич. учен. архивн. комиссии, № 28, стр. 43, 47, 49, 55, 84.

²⁶⁰ Сб. РИО. XCV, 299.

²⁶¹ Сб. РИО. XCV, 194, 317, 321, 322, 325, 328, 329, 331, 332, 341, 342, 344, 345, 346, 532, 547.

²⁶² Сб. РИО. XCV, 20.

²⁶³ Выражение «останочный» не понято мною.

²⁶⁴ «Крымское ханство», 359.

²⁶⁵ Сб. РИО. XLI, 37, 230, 267, 421. XCV, 299. Stosunki polski, I, 121.

²⁶⁶ Сб. РИО. XCV, 388.

²⁶⁷ Сб. РИО. XCV, 32.

²⁶⁸ По указанию Сестренцевича-Богуща, султаны стали назначать ханов, начиная с Саадет-Герая.

²⁶⁹ Крымск. дела, VI, л. 4 об.

²⁷⁰ Сб. РИО. XCV, 313.

²⁷¹ Сб. РИО. XCV, 313.

²⁷² Сб. РИО. XLI, 194, 354, 414.

²⁷³ Сб. РИО. XCV, 153, 375, 513. Сб. Оболенск, № 1, стр. 63.

²⁷⁴ Сб. РИО. XCV, 450, 454, 499.

²⁷⁵ Сб. РИО. XCV, 450, 452, 499. Аналогичная дума была в Казани. Собрание 1551 года, которое «Царственная книга» назвала «вся земля Казанская», состояло из сеида, шейхов, мулл, шейх-заде и шейх-мулл, хаджи, дервишей, огланов, князей и мурз.

²⁷⁶ Сб. РИО. XCV, 388, 389.

²⁷⁷ Сб. РИО. XCV, 670.

²⁷⁸ Сб. РИО. XCV, 446.

²⁷⁹ Сб. РИО. XCV, 434.

²⁸⁰ Сб. РИО. XCV, 280, 375, 500.

²⁸¹ Сб. РИО. XCV, 161, 299. О всех названных лицах см. Сб. РИО. XLI и XCV по указателю.

²⁸² Сб. РИО. XCV, 300.

²⁸³ Сб. РИО. XLI, 516, 521. XCV, 503.

²⁸⁴ Сб. РИО. XLI, 196, 354, 378.

²⁸⁵ Донесение И. С. Морозова. Турец. д. I, л. 274.

²⁸⁶ Донесение И. Колычева. Крымск. д. VI, л. 50. Ср. у. Н. М. Карамзина,

«История государства российского», изд. 1842 г., т. VII, 69 и прим. 230.

287. Сб. РИО XLI, 414.
288. Записки Одесского общества истории и древностей, VI, 340, 361:
289. Сб. РИО. XLI, 356. Крымск. дела, VI, л. 352, 352 об. ПСРЛ, VIII, 296, XIII, 101, 137.
290. Сб. РИО. XL, 416, 432. XCV, 143, 436, 496. Мамай-дуг, — дуговая сторона Днепра ниже впадения Конских вод. По «Книге Большому чертежу» здесь находился Мамаев Сарай, ниже впадения в Днепр р. Московки, на 50 версте выше Исламовых городков (кн. Бол. черт., изд. Языкова, 99). В 1555 г. в Мамай-дуг были посланы Московские воеводы с боярином И. В. Шереметевым во главе, чтобы оттуда послать промыслить над крымскими стадами. ПСРЛ. XIII. 256.
291. Сб. РИО. XLI, 451, XCV, 360, 435.
292. Сб. РИО. XLI, 196, 368, 414.
293. Сб. РИО. XLI, 196, 379, 417.
294. Сб. РИО. XLI, 368, 430, 444, 445. XCV, 70, 392, 396, 399, 517.
295. Сб. РИО. XLI, 80, 110, 116, 193, 196, 198. XCV, 79, 80, 200, 277; 311.
296. Сб. РИО. XCV, 41, 42.
297. Сб. РИО. XCV, 396.
298. Сб. РИО. XCV, 394.
299. Сб. РИО. XCV, 241.
300. Сб. РИО. XCV, 516, 517.
301. Сб. РИО. XCV, 7. Я думаю, что термин «черные улусы» в устах московского посла должен был означать улусы не княжеские, а ханские. Сб. РИО: XLI, 381.
302. Сб. РИО. XCV, 7, 73, 290, 355, 358, 364, 451. Турец. д., I, л. 269 об.
303. Сб. РИО. XLI, 545, XCV, 72. Stosunki polski, I, 367.
304. Записки Одесского общества истории и древностей. VIII.
305. Сб. РИО. XCV, 285. О кн. Абды-Ле см. по указателю того же тома.
306. Сб. РИО. XCV, 241, 474, 643.
307. Сб. РИО. XCV, 285, 306.
308. Сб. РИО. XXXV, 667.
309. Сб. РИО. XLI, 14, 32, 65.
310. Сб. РИО. XLI, 27.
311. Сб. РИО. XLI, 150, 177. XCV, 616.
312. Сб. РИО. XCV, 203, 204, 587.
313. Сб. РИО. XLI, 1, 2, 7. XCV, 201, 550, 660, 661.
314. Сб. РИО. XXXV, 290, 291. А. З. Р. I, 211.
315. Сб. РИО. XCV, 154.
316. Сб. РИО. XLI, 269, 306.
317. Сб. РИО. XCV, 29, 158, 638. Крымск. д., VI, л. 276 об., л. 370 об.
318. Сб. РИО. XLI, 472, 475, 483, 486, 497, 498, 501, 504, 505, 508, 511, 512, 513, 520. Крымск. д., VI, л. 370 об.
319. Сб. РИО. XLI, 502. XCV, 637. Крымск. д. VI, л. 276 об.
320. Сб. РИО. XCV, 293.
321. Продолж. древней российск. вивлиофики, VIII, 271. ПСРЛ. VIII, 295.
322. Подобно царевичам Ахмату и Алпу и кн. Аппак в «животный изрон» раздал всю свою казну своим «молодцам». Сб. РИО, XCV, 585.
323. Сб. РИО. XLI, 8, 9. XCV, 378.
324. Сб. РИО. XLI, 121, 138, 197, 352, 451, 545.
325. Продолж. древн. российск. вивлиоф., X, 158.
326. Сб. РИО. XCV, 161, 220, 221, 382, 510, 616. Крымск. д., VI, лл. 324, 328.
327. Сб. РИО. XCV, 292, 475, 503, 517, 650.
328. Сб. РИО. XCV, 441. Так же бывало и раньше, при Менгли-Герее. Крымский посол предупреждал великого князя Литовского: «царю, господарю нашему, людей своих не мочи на весне будете вынати, зануж люди голодны, мусять кормиться; въшедши на конь, там поедуть, где поживенье могут мети». Сборн. Оболенского, № 1, стр. 28.
329. Сб. РИО. XCV, 293, 383.
330. Сб. РИО. XCV, 170, 285, 290, 292.
331. Сб. РИО. XCV, 289, 453, 642.
332. Сб. РИО. XLI, 39, 49. XCV, 596, 597.
333. См. у Смирнова, В. Д. «Крымское ханство», I, 374. Карамзин, Н. М. «История государства Российского», изд. 1842 г., VII, 46.
334. Сб. РИО. XCV, 272, 372.
335. Сб. РИО. XCV, 365.
336. Сб. РИО. XCV, 359.
337. Сб. РИО. XCV, 168, 170, 497.

339. Сб. РИО. XCV, 195, 204—206, 208, 221, 224, 265, 332, 334, 342, 407, 491, 497, 552, 589, 591.
339. Ср. Карамзин, Н. М. История государства Российского, изд. 1842 г., VII, 57, 58.
340. Сб. РИО. XCV, 221 (ср. 332, 334, 342), 294 (ср. 611), 469.
341. Ахмет-Паша был, повидимому, не родной брат Аппака.
342. Сб. РИО. XCV, 138, 252.
343. Сб. РИО. XCV, 243, 399, 450.
344. Он «на царево дворе». Сб. РИО. XCV, 652.
345. «А пил, государь, Аппак тот день весь у царицы». Сб. РИО, XCV, 355.
346. Сб. РИО. XCV, 81, 167, 168, 170, 436, 451, 452, 519.
347. Сб. РИО. XCV, 169, 243, 272, 310, 311, 400, 520, 612.
348. Сб. РИО. XCV, 167.
349. Сб. РИО. XCV, 276, 289, 311, 498.
350. Сб. РИО. XLI, 544. Сбор. Оболенского, № 1, стр. 100. *Stosunki polski*, i, 320. Известия Таврич. уч. архивн. комиссии, № 28, стр. 54, 64.
351. Сб. РИО. XCV, 269, 270, 454, 637. «Иминь мой» писал об Абды-Рахмане царь. Сб. РИО. XCV, 522.
352. Сб. РИО. XCV, 204. То же повторено и в инструкции 1518 года. Сб. РИО. XCV, 589.
353. Сб. РИО. XCV, 277.
354. Сб. РИО. XCV, 269, 270, 454, 469, 473, 657, 658. Крымск. д., VI, лл. 105 об. 178 об., 236, 350 об. Но в 1534 г. Абды-Рахман снова получал особые поминки из Литвы за послуги. А. З. Р. II, 328.
355. *Pulaski. Szkice i poszukiwania historyczne*, II, 329. Ссылка на Метр. литовск., кн. 193, л. 470.
356. ПСРЛ. XIII, 37. Аппак был послом в Москве в 1519 г.; отпущен в Крым в 1520 г.
357. Универсальное описание Крыма, X, 45, 46.
358. Сб. РИО. XCV, 170.
359. Сб. РИО. XCV, 438, 503.
360. Сб. РИО. XCV, 59, 181, 192, 206, 208, 213, 215, 222, 233, 240, 259, 265, 294, 325, 332, 463, 486, 491, 543, 566, 580, 581, 596.
361. Сб. РИО. XCV, 358.
362. Сб. РИО. XCV, 437, 441, 442, 446, 460, 462, 475, 506, 548, 580.
363. Это — старый и основной вопрос крымской политики. И Менгли-Герай вел переговоры о походе на Астрахань и ее завоевании. Тот же вопрос постоянно поднимал и Мухаммед-Герай; «моя только слава была, что город мой»; пусть там сидели бы 3—4 тысячи людей великого князя с пушками и пищалями, «и рыба, и соль, что надобное, брату моему, великому князю» (Сб. РИО. XCV, 377). Отказ от похода на Астрахань был причиной разрыва Крыма с Москвой в 1517 году. (Сб. РИО XCV, 378).
364. В данном случае города не названы. Богатырь царевич писал: «да которые города при великом царе, при Тохтамыше, к нам тянули, и он бы (Василий III) те три украинные города, взяв, нам дал (Сб. РИО. XCV, 609, 641)». Раньше Менгли-Герай требовал 8 северских городов: Брянск, Стародуб, Почеп, Новгород, Рыльск, Путивль, Карачев, Радогощ. По словам хана, эти города из старины крымские, но были когда-то даны королю. Таким же был Одоев с 35 городами. Переход северских городов к Москве, с точки зрения Менгли-Герая, был передачею этих городов ханом от Литвы к Москве (Сб. РИО, XCV, 153, 154, 195, 216, 221).
365. Сб. РИО. XCV, 503, 514, 517, 519, 607, 609, 610, 631, 662, 664, 671.
366. *Stosunki polski*, I, 365, 367. Сб. РИО. XCV, 103, 108, 366.
367. Сб. РИО, XCV, 211, 212, 304.
368. Сб. РИО. XCV, 365—367.
369. Сб. РИО. XCV, 338, 340, 348, 370, 383.
370. Сб. РИО XCV, 366, 375, 473.
371. Сб. РИО. XCV, 233, 258, 304, 323, 334, 381, 383, 392, 396, 418, 462, 474, 475, 482, 483, 485, 492, 501, 504, 536.
372. Сб. РИО. XCV, 368, 394, 395, 420. См. у Карамзина «История госуд. Рос-сийск.», изд. 1842 г., VII, 46—48.
373. Сб. РИО. XCV, 360, 472, 502.
374. Сб. РИО. XCV, 304, 359, 361, 473, 502.
375. Сб. РИО. XCV, 502, 503, 646.
376. Сб. РИО. XCV, 497, 499, 513, 515, 517.
377. Сб. РИО. XCV, 212, 213, 419, 420, 509, 542, 557, 559, 569, 570, 571, 600—605.
378. Сб. РИО. XCV, 499, 513, 526.
379. Сб. РИО. XCV, 607, 612, 619, 631, 636.

³⁸⁰. По указанию В. И. Смирнова, в окрестностях Адрианополя было татарское гнездо, где нередко находились Гераи, ожидавшие очереди на ханский трон или же, потеряв престол, доживали здесь свой век без надежды играть политическую роль в Крыму («Крымское ханство», 152).

³⁸¹. Сб. РИО. XCV, 619, 674, 678.

³⁸². Сб. РИО. XCV, 668, 670.

³⁸³. Сб. РИО. XCV, 670.

³⁸⁴. Сб. РИО. XCV, 624—626, 691—694, 705.

³⁸⁵. Турец. д. I, лл. 191, 192 об.

³⁸⁶. О гибели Мухаммед-Герая см. у В. Смирнова, «Крымское ханство», I, 392; у Карамзина, «История госуд. Российск.», изд. 1842 г., VII, 76—78; у Перетятковича, «Поволжье в XV—XVI вв.», 161. ПСРЛ, XXIV, 222.

³⁸⁷. Турец. д., I, лл. 257 об., 258.

³⁸⁸. Крымск. д., VI, лл. 2 об., 48.

³⁸⁹. Турец. д., I л. 260. Крымск. д., VI, лл. 33 об. 4.

³⁹⁰. Турец. д., л. 260 об. Крымск. д., VI, л. 4 об.

³⁹¹. По словам самого Саадет-Герая, Сулейман дал ему 40 тысяч людей; среди них 15 тысяч пушечников и пищальников: Крымск. д., VI, л. 11.

³⁹². Крымск. д., VI, лл. 5, 81, об., 125, 133, 352. Турец. д., I, лл. 261, 264, 270.

³⁹³. Когда хан принимал Колычева, на приеме был только один брат Абды-Рахмана, Булгак. Турец. д., I, л. 269 об.

³⁹⁴. Крымск. д., VI, лл. 10 об., 12, 50, 52. Турецк. д., I, л. 27 об. В 1525 году мы встречаем Тениш-Мурзу в списке умерших князей и мурз. Но причина и время его смерти мне неизвестны. Крымск. д., VI, л. 85.

³⁹⁵. Крымск. д., VI, лл. 60, 60 об.

³⁹⁶. Усобица, повидимому, спутала счет старшинства у Щиринов. После Агиша князем в 1523 г. стал Мемеш, сын Мамака, старшего сына Тегена; потомство Мамака раньше не принималось в счет при назначении князя. Временно карачею стал Бахтеяр мурза, сын Довлетка. После его казни старшинство было передано Токузак (Таузак) мурзе, сыну кн. Агиша.

³⁹⁷. Крымск. д., VI, лл. 124 об., 125, 134, 164 об., 165, об. 166, 173 об., 201 об.

³⁹⁸. Крымск. д., VI, лл. 313 об., 315, 316, 316 об., 317.

³⁹⁹. Крымск. д., VI, лл. 318 об., 319.

⁴⁰⁰. Крымск. д., VI, лл. 363, 363 об., 364, 364 об.

⁴⁰¹. Крымск. д., VI, л. 137 об.

⁴⁰². Книга посольская Метрики в кн. Литовского, 61, 69.

⁴⁰³. Крымск. д., VI, л. 60 об.

⁴⁰⁴. Крымск. д., VI, л. 125 об.

⁴⁰⁵. Записки Одесского общества истории и древностей, VIII, 17. Вестник Европы, 1866 г., II, 210 и сл.

⁴⁰⁶. Крымск. д., VI, л. 2 об.

⁴⁰⁷. Крымск. д., VI, лл. 65 об., 66, 85.

⁴⁰⁸. ПСРЛ, XIII, 139, 189, 433, 434, 438, 487.

⁴⁰⁹. Крымск. д., VI, лл. 65 об., 66, Турец. д., I, л. 286 об.

⁴¹⁰. Известия Таврич. уч. архивн. комиссии, № 48, стр. 5—8.

⁴¹¹. Сб. РИО. LIX, 584.

⁴¹². Здесь, вероятно, в значении «слугам».

⁴¹³. Книга посольская Метрики в кн. Литовского, 180, 181.